СИБИРСКИЙ ФИЛОСОФСКИЙ ЖУРНАЛ

2023. Том 21, № 3

СОДЕРЖАНИЕ

Аналитическая философия, эпистемология и философия науки

Лобовиков В. О. Логические противоречия и морально-правовые парадоксы на стыке наукометрии и этики научных публикаций (оксюмороны «самограбеж» и «самокража» в искусственной интеллектуальной системе, именуемой «Антиплагиат») 5

Коробков Л. Г. Дизъюнктивизм и феноменология внимания 20

Социальная философия

Розов Н. С. Причинные факторы инклюзии и эксклюзии в институциональных процессах общественного развития 34

Дятлов И. И. Проблема оправдания пыток в аналитической этике 1970–1980-х гг. 45

Кудашов В. И., Шпак В. В. «Философия сложности» и ее критики 57

Кудряшов И. С. Алиментарная проблематика в философии: основные линии тематизации 69

Зазулина М. Р. Органы местного самоуправления в процессе муниципального реформирования: тенденции и закономерности развития 88

Научная жизнь, полемика, рецензии, переводы

Атанасова Н. Рецензия на книгу: Гънгов А.Л. Кръговостта във философската логика на континенталната традиция : Монография. София: Университетско издателство «Св. Климент Охридски». 2023, 28 лева, 333 стр. ISBN 978-954-07-5663-9 106

Думов А. В., Алексеева Е. А. Следует ли рассматривать информацию как физическое понятие? (О недавних статьях Р. Кржановского) 111

ISSN 2541-7517
Сибирский философский журнал. 2023. Том 21, № 3
Siberian Journal of Philosophy, 2023, vol. 21, no 3

Сторожук А. Ю. К истории обсуждения противостояния ламаркизма и менделизма в нашей стране (новосибирский Академгородок, научно-методологические семинары и социальная ангажированность знания) 121

Информация для авторов 144

ISSN 2541-7517
Сибирский философский журнал. 2023. Том 21, № 3
Siberian Journal of Philosophy, 2023, vol. 21, no 3

SIBERIAN JOURNAL OF PHILOSOPHY

2023. Volume 21, issue 3

Contents

Analytical Philosophy, Epistemology and Philosophy of Science

Lobovikov V. O. Logical Contradictions and Moral-legal Paradoxes at the Intersection of Scientometrics and Ethics of Scientific Publications (Oxymorons "Self-Pillage" and "Self-Theft" in the AI-System Called "Anti-Plagiarism") 5

Korobkov L. G. Disjunctivism and the phenomenology of attention 20

Social Philosophy

Rozov N. S. Causal factors of inclusion and exclusion in institutional processes of social development 34

Diatlov I. I. The Problem of Justifying Torture in Analytical Ethics in the 1970s-1980s 45

Kudashov V. I., Shpak V. V. Philosophy of Complexity and Its Critics 57

Kudryashov I. S. Alimentary Problems in Philosophy: Key aspects of Thematization 69

Zazulina M. R. Local self-government bodies in the process of municipal reform: trends and patterns of development 88

Scientific Life, Polemic and Discussions

Atanasova N. Book review: Gungov A.L. Circularity in the Philosophical Logic of the Continental Tradition : Monograph. Sofia: University Press "St. Kliment Ohridski", 2023. ISBN 978-954-07-5663-9 106

Dumov A. V., Alekseeva E. A. Should we consider information as a physical concept? (on R. Krzanowski's recent articles) 111

ISSN 2541-7517
Сибирский философский журнал. 2023. Том 21, № 3
Siberian Journal of Philosophy, 2023, vol. 21, no 3

Storozhuk A. Y. On the discussion of the confrontation between Lamarckism and Mendelism in Russia (Novosibirsk Academgorodok, methodological seminars and social embedding of knowledge) 121

Instructions for Contributors 144

ISSN 2541-7517
Сибирский философский журнал. 2023. Том 21, № 3
Siberian Journal of Philosophy, 2023, vol. 21, no 3

Научная статья

УДК 16 + 17 + 343 + 347 + 51-7 + 512
DOI 10.25205/2541-7517-2023-21-3-5-19

Логические противоречия и морально-правовые парадоксы на стыке наукометрии и этики научных публикаций (оксюмороны «самограбеж» и «самокража» в искусственной интеллектуальной системе, именуемой «Антиплагиат»)

Владимир Олегович Лобовиков

Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия

vlobovikov@mail.ru ORCID: https://orcid/org/0000-0001-8760-0452

Аннотация

Предмет исследования – логические противоречия-проблемы и морально-правовые антиномии, возникающие в философии науки в связи с применением технологий, именуемых «Антиплагиат». Рассматриваются формально-логический и формально-аксиологический аспекты понятий «собственность», «общая собственность», «частная собственность», «кража», «грабеж» и др. Обосновывается *крайняя необходимость* предоставления авторам неограниченного права *неоднократного* использования любых фрагментов своих собственных ранее опубликованных текстов в своих новых публикациях, *действительно содержащих научную новизну*, если такое (снабженное самоссылками) дублирование *необходимо* для понимания и перепроверки новых научных открытий. *Научная новизна*: теоретические умозаключения проиллюстрированы на примере некоего еще нигде не опубликованного нового научного результата, полученного в рамках некой дискретной математической модели естественного права частной и общей собственности.

Ключевые слова

логика и философия науки; этика научных публикаций; антиплагиат; самоцитирование; алгебраическая система естественного права; ценностная функция; самосохранение; самоуничтожение; частная и общая собственность; сервитут

Для цитирования

Лобовиков В. О. Ложное убеждение: нормативные и эпистемические характеристики // Сибирский философский журнал. 2023. Т. 21, № 3. С. 5–19. DOI 10.25205/2541-7517-2023-21-3-5-19

© Лобовиков В. О., 2023

LOGICAL CONTRADICTIONS AND MORAL-LEGAL PARADOXES AT THE INTERSECTION OF SCIENTOMETRICS AND ETHICS OF SCIENTIFIC PUBLICATIONS (Oxymorons “Self-Pillage” and “Self-Theft” in the AI-System Called “Anti-Plagiarism”)

Vladimir Olegovich Lobovikov

Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of Russian Academy of Sciences,
Yekaterinburg, Russia

vlobovikov@mail.ru ORCID: https://orcid/org/0000-0001-8760-0452

Abstract

The subject matter of research is contradictions and moral-legal antinomies arising in the philosophy of science, in relation to a set of technologies called “Anti-Plagiarism”. The formal-logical and formal-axiological aspects of the notions “property”, “common property”, “private property”, “theft”, “plundering” and others are considered. The paper argues for the urgent necessity to allow authors unlimited reuse of any fragments of their previously published texts in their new publications actually containing novel scientific results. The condition is that such duplication is indispensable for understanding and rechecking the novel discovers. The scientific novelty: theoretic arguments are exemplified by a hitherto never published new scientific result made within a discrete mathematical model of natural law of private and common ownership.

Keywords

logic and philosophy of science; scientific ethics; anti-plagiarism; self-citation; algebraic system of natural law; evaluation function; self-conservation; self-annihilation; private and common ownership; easement

For citation

Shevchenko A.A. The false belief: its epistemic and normative characteristics. *Siberian Journal of Philosophy*, 2023, vol. 21, no. 3, p. 5–19. (In Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2023-21-3-5-19

Введение

В настоящее время разработчики ИИ вполне осознают, что с некоторой не равной нулю вероятностью система «слабого искусственного интеллекта» может «самостоятельно прийти к выводу», что все негры суть гориллы, так как это “highly likely”. Аналогичным образом ИИ может «самостоятельно прийти к выводу», что все ученые, неоднократно использующие значительные фрагменты своих ранее опубликованных научных работ в своих новых научных публикациях, суть воры-рецидивисты, так как это тоже “highly likely”; а бюрократ из системы наукометрии и управления наукой может самостоятельно добавить, что такую неэтичную публикационную активность нужно как-то эффективно пресекать, например, используя для этого наукометрию и «цифровое» право. Аналогичным образом, даже не имея современных компьютеров, бюрократия НКВД могла «самостоятельно прийти к выводу», что все бывшие царские офицеры, генералы и фрейлины суть враги народа, так как это было “highly likely”, и добавить, что активность врагов народа нужно эффективно пресекать, например, путем систематической ликвидации субъектов такой активности. Для тех, кто изучал курс логики, очевидно, что вышеупомянутые сюжеты относятся к теме «Правдоподоб-

ные умозаключения». Выводы, получаемые в результате таких умозаключений, являются *вероятностными*; и осознавать это принципиально важно. Нейросети резко повышают производительность труда человека при генерировании гипотез (версий), но нейросетевые системы принципиально *вероятностны*: они могут генерировать не только эвристически ценные предположения (догадки), подсказки, но и очень похожие на правду галлюцинации (бред), что при некоторых условиях может причинить очень большой вред и поэтому очень опасно.

Рассмотрим некий конкретный пример из уголовного права, а именно «кражу» и «грабеж» как преступления против собственности вообще и интеллектуальной собственности в особенности. По определению, «грабеж» есть *открытое* присвоение *чужой* собственности [Комментарий к Уголовному кодексу, 1996, с. 359–362], а «кража» есть *тайное* присвоение чужой собственности [Комментарий к Уголовному кодексу, 1996, с. 331–349]. На основании этих дефиниций, правдоподобно «рассуждая» *по аналогии*, ИИ может «самостоятельно сгенерировать новую норму»: (открытое или тайное) присвоение и использование неким автором значительных фрагментов своих собственных ранее опубликованных научных работ в своей новой научной работе есть плохой (неэтичный) поступок этого автора, именуемый словом «самоплагиат». Но почему? Ведь, очевидно, что «самограбеж (*открытое* присвоение и использование своих собственных произведений)» и «самоплагиат (*тайное* присвоение и использование своих собственных произведений)» суть понятия типа «круглый квадрат». Некоторые утверждают, что упомянутое «повторное использование» или «самоцитирование» есть неэтичный поступок автора потому, что оно является «избыточным (ненужным)» и «только засоряет» каналы связи бесполезным информационным шумом, на который отвлекаются ценные общественные ресурсы. В качестве корыстного мотива такого «неэтичного» поступка автору *априори приписывается* преднамеренное стремление осуществить *мошенничество* – тайно выдать уже опубликованные им научные результаты за новые (еще не опубликованные). Вообще говоря, такая «головная боль» возможна, но использовать для ее лечения гильотину или «бритву Оккама», на мой взгляд, неразумно и, более того, даже очень вредно для общества вообще и для прогресса науки в особенности.

Дело в том, что многократное использование автором большого фрагмента некой его собственной ранее уже опубликованной работы в его новой научной работе, содержащей действительно новые (еще не опубликованные) нетривиальные научные результаты, может быть *не излишним, а крайне необходимым* для ее адекватного понимания и тщательной перепроверки. Устранение такого рода фрагментов редакторской «бритвой Оккама» (по совету «Антиплагиата») превратит обсуждаемый труд автора в (1) *абсолютно непонятный* для всех рецензентов (а также для всех читателей) и (2) не могущий быть ими самостоятельно *проверенным*, т.е. ненаучный (по К. Попперу) семантически бессмысленный информационный шум, засоряющий каналы связи. (Как говорят в народе, «с чем боролись, на то и напоролись».) Прежде всего это относится к такому разделу публикаций, который называется «Методы и точные определения основных понятий». *Продемонстрируем сказанное на некоем конкретном примере*, а именно поместим ниже в данной работе текст новой статьи автора, посвященной исследованию некой

дискретной математической модели естественного права частной и общей собственности на средства производства средств существования.

1. Методы и точные определения основных понятий

В статье используются элементарные методы дискретной математики, поэтому для понимания работы вполне достаточно той общематематической подготовки, которую дает система среднего образования. (Принципиально важно наличие у читателя таких элементарных понятий как «множество», «элемент множества», «отношение», «однозначное соответствие», «функция», «аргумент», «композиция функций» и т.п.) Но если, изучая в дальнейшем еще и логику, читатель успешно освоит раздел «Алгебра классической логики высказываний», то у него могут возникнуть *эвристически ценные аналогии* между этой алгеброй и двузначной алгеброй естественного права (или формальной этики), что может существенно помочь в понимании нижеследующего материала. Методы дискретной математики прикладываются в этой статье к *естественному* праву, система которого предстает в результате такого приложения в виде *двузначной алгебраической системы формальной аксиологии* (абстрактной теории ценностей вообще, в которой никакого различия между моралью и правом нет[1]). В настоящее время не только в России, но и вообще нигде (на планете Земля) нет никаких учебников или учебных пособий, посвященных современному (систематически математизированному) естественному праву. Учебные курсы лекций по *естественному праву как системе формально определенных законов* в учебных планах (программах) для юристов не встречаются и не читаются на этой планете нигде. Значит, отослать читателей к соответствующим учебным курсам лекций и учебникам не удастся. Поэтому *не излишне, а крайне необходимо* предоставить в непосредственное распоряжение рецензентов и читателей то множество точных определений базисных понятий, которые образуют концептуальную систему двузначной алгебраической системы формальной этики и *натуралистической* юриспруденции. Непосредственно далее помещено оправданное крайней необходимостью *самоцитирование* очень важного фрагмента текста, так или иначе неоднократно опубликованного ранее, например в монографиях [Лобовиков, 2007, с. 287–298; 2009, с. 17–25] и в статьях [Лобовиков, 2015, с. 132; Lobovikov, 2012; 2013; 2014; 2016, с. 543–546; 2022a, с. 75–82; 2022b, с. 175–178; 2023, с. 62–67].

Часто необходимым условием корректности самоцитирования считается заключение цитируемого фрагмента в кавычки, но это верно лишь по отношению к небольшим цитатам; слово «небольшим» некоторые журналы определяют как «содержащим не более сорока слов». Если слов в цитате больше сорока,

[1] В дефинициях естественного права (как именно права), данных древнеримскими юристами Ульпианом и Павлом с использованием оценочных понятий «добро» и «справедливость», какое бы то ни было различие между моралью и правом не упоминается: для них его или нет, или оно несущественно. Провозглашение наличия и существенности различия права и морали, а также его систематическое углубление – заслуга юридического позитивизма, который является господствующей парадигмой правосознания в течение последних веков. Даже те теоретики права, которые на словах признают существование естественного права, фактически ведут себя так, как будто на самом-то деле никакого естественного права (как именно права) нет и быть не может.

то указанием на то, что это цитата, является бросающееся в глаза изменение полей (они значительно шире) или очевидное изменение шрифта. Но это – лишь различные *средства*. Важна *цель* – недвусмысленное *указание на цитирование* вполне определенного источника. Поэтому вместо взятия в кавычки, изменения полей или шрифта в настоящей статье используется следующее утверждение. Весь данный параграф (целиком) представляет собой значительное по объему, но вполне корректное само-цитирование указанных выше публикаций автора, крайне *необходимое* для понимания и проверки читателями качественно *новых* научных результатов (помещенных в следующем параграфе). Переходим к самоцитированию.

Двузначная алгебраическая система естественного права как формальной аксиологии есть тройка <Ф, О, R>, в которой символ Ф обозначает бесконечное множество всех таких элементов (существующих или несуществующих – неважно), которые являются либо хорошими, либо плохими с точки зрения некого *оценщика* (субъекта оценивания) Σ (индивидуального или коллективного, естественного или искусственного – неважно). Очевидно, что Σ – *переменная*: изменение ее значений может приводить к изменению морально-правовых оценок конкретных элементов множества Ф. Однако если значение переменной Σ определено (зафиксировано), то морально-правовые оценки конкретных элементов множества Ф оказываются вполне определенными. Элементы множества Ф будем называть *формально-аксиологическими объектами* естественного права независимо от их бытия или небытия. Символы «х (хорошо)» и «п (плохо)» обозначают морально-правовые (ценностные) *значения* элементов множества Ф. Моральные поступки, или юридические акты, или лица (индивидуальные или коллективные, естественные или искусственные – неважно) суть *конкретные примеры* (*частные* случаи) элементов Ф.

В тройке <Ф, О, R> символ О обозначает множество всех *n-арных алгебраических операций*, определенных на множестве Ф. (Элементы множества О называются *формально-аксиологическими* операциями алгебры естественного права.) В упомянутой тройке символ R обозначает множество всех *n-местных формально-аксиологических отношений*, определенных на множестве Ф. (Например, определенное ниже бинарное отношение «формально-аксиологическая эквивалентность» принадлежит R.) Алгебраические операции, определенные на множестве Ф, суть морально-правовые *ценностные функции*. Их *ценностные переменные* принимают значения из двухэлементного множества {х (хорошо), п (плохо)}. Здесь символы «х» и «п» обозначают морально-правовые ценностные значения «хорошо» и «плохо» соответственно. Морально-правовые ценностные функции принимают значения из того же самого двухэлементного множества. При рассуждениях о морально-правовых ценностных функциях, имеются в виду следующие отображения: {х, п}→{х, п}, если разговор идет о функциях, детерминируемых *одним* ценностным аргументом; {х, п}×{х, п}→{х, п}, если разговор идет о функциях, детерминируемых *двумя* ценностными аргументами (здесь × обозначает декартово произведение множеств); {х, п}N→{х, п}, если разговор идет о функциях, детерминируемых *N* ценностными аргументами, (здесь *N* обозначает некое конечное положительное целое число).

Рассмотрим некоторые конкретные примеры математически элементарных морально-правовых ценностных функций, имеющих непосредственное отношение к «системе уравнений», обсуждаемой ниже в настоящей работе в качестве репрезентативного примера «цифрового естественного права». Начнем с рассмотрения морально-правовых ценностных функций, зависящих от *одного* морально-правового ценностного аргумента.

Глоссарий для следующей ниже табл. 1. Символ *Ба* обозначает ценностную функцию «*бытие* (существование), жизнь (чего, кого) *а*». *Na* обозначает ценностную функцию «*небытие*, смерть (чего, кого) *а*». *Ма* – «*средство для* (чего, кого) *а*». *Па* – «*производство, создание, построение* (чего, кого) *а*». *Ya* – «внутренняя *противоречивость* (чего, кого) *а*». *Za* – «*противоречие* (что) *а*». *Sa* – «*самопротиворечие* (чего, кого) *а*». *Ua* – «*уничтожение, разрушение, аннигиляция* (чего, кого) *а*». *За* – «*защита, сохранение* (чего, кого) *а*». *Та* – «*саморазрушение, самоуничтожение* (чего, кого) *а*». *Ра* – «*самосохранение, самозащита* (чего, кого) *а*». *Оа* – «*общее, общая* (что, кто) *а*». *Ча* – «*частное, частная* (что, кто) *а*». Перечисленные ценностные функции от одной ценностной переменной точно определяются в приведенной ниже табл. 1.

Таблица 1. Ценностные функции, зависящие от одного ценностного аргумента

а	*Ба*	*Na*	*Ма*	*Па*	*Ya*	*Za*	*Sa*	*Ua*	*За*	*Та*	*Ра*	*Оа*	*Ча*
х	х	п	х	п	п	п	п	п	х	п	х	х	п
п	п	х	п	х	х	п	п	х	п	п	х	п	х

Глоссарий для следующей ниже табл. 2. Символ *Ва* обозначает ценностную функцию «власть (сила), воля (чего, кого, чья) *а*». *Ьа* – «*власть (господство, насилие) над* (чем, кем) *а*». *Са* – «*собственность* (чего, кого, чья) *а*». *На* – «*собственность на* (что, кого) *а*». *La* – «*свобода* (чего, кого, чья) *а*». *Fa* – «*свобода от* (чего, кого) *а*». *Ла* – «*лишение, отнятие* (чего, кого) *а*». *Ка* – «*кража*, т.е. тайное присвоение чужого, (чего, кого) *а*». *Жа* – «*грабеж*, т.е. открытое присвоение, (чего, кого) *а*». *Га* – «*граница (предел), ограничение* (чего, кого) *а*». *Da* – «*формальная определенность, ограниченность, локальность, частичность* (чего, кого) *а*». *Wa* – «*мир (вселенная), универсум* (чего, кого, чей) *а*». Перечисленные ценностные функции от одной ценностной переменной точно определяются в приведенной ниже табл. 2. Материалом, послужившим эмпирическим основанием для принятия нами используемых в данной статье табличных определений *ценностно-функциональных* значений слов «собственность», «частная», «общая» и других, явилась накопившаяся за многие века огромная политико-экономическая и морально-правовая литература, в частности, такие важные труды как [Мандевиль, 2000; Прудон, 1998; Маркс, Энгельс, 1955; Рассел, 1991; Woodcock, 1972]. Но, к сожалению, ни в одном из огромного множества трактатов, систематически использующих указанные слова (даже у Б. Рассела, имевшего непосредственное отношение к логике, математике и теории значений слов и словосочетаний естественного языка), нет осознания того, что *ценностные*, точнее, *формально-аксиологические* значения слов «собственность», «частная», «общая» (и многих других слов естественного

человеческого языка) суть *ценностные функции* в собственно *математическом* значении слова «функция». (Как известно, функции можно определять графиками, уравнениями и таблицами. В нашем случае исходные определения удобнее дать с помощью таблиц.)

Таблица 2. Ценностные функции от одной переменной

a	*Ba*	*Ьa*	*Ca*	*Ha*	*La*	*Fa*	*Ла*	*Ka*	*Жa*	*Га*	*Da*	*Wa*
х	х	п	х	п	х	п	п	п	п	п	п	х
п	п	х	п	х	п	х	х	х	х	х	х	п

Глоссарий для представленной ниже ценностной табл. 3. Символ M_2ab обозначает ценностную функцию «*средство, инструмент, материал* (что, кто) *a* для (чего, кого) *b*». (Нижний числовой индекс 2, расположенный непосредственно справа от заглавной буквы, указывает на то, что эта буква обозначает в данной статье ценностную функцию от *двух* ценностных переменных.) Символ K_2ab обозначает ценностную функцию «*объединение* (чего, кого) *a* и (чего, кого) *b*, т.е. их *бытие вместе*». D_2ab обозначает ценностную функцию «*разделение* (чего, кого) *a* и (чего, кого) *b*, т.е. их *бытие порознь*». C_2ab – «*бытие* (чего, кого) *b* в (чем, ком) *a*», т.е. «*существование* (чего, кого) *b внутри* (чего, кого) *a*». S_2ab – «*противоречие, противоположность* (чего, кого) *b* (чему, кому) *a*». U_2ab – «*разрушение, уничтожение* (чего, кого) *a* (чем, кем) *b*». P_2ab – «*сохранение, защита* (чего, кого) *a* (чем, кем) *b*». B_2ab – «*власть, господство, насилие* (чего, кого) *b над* (чем, кем) *a*». V_2ab – «*собственность* (чего, кого, чья) *b на* (что, кого) *a*». O_2ab – «*общее* (что, кто) *b для* (чего, кого) *a*». D_2ab – «*формальная определенность, ограниченность* (чего, кого) *a* (чем, кем) *b*». Эти ценностные функции определяются в табл. 3.

Таблица 3. Ценностные функции, зависящие от двух ценностных аргументов

a	*b*	M_2ab	K_2ab	D_2ab	C_2ab	S_2ab	U_2ab	P_2ab	B_2ab	V_2ab	O_2ab	D_2ab
х	х	п	х	п	х	п	п	х	п	п	п	п
х	п	п	п	х	п	п	п	х	п	п	п	п
п	х	х	п	х	х	х	х	п	х	х	х	х
п	п	п	п	х	х	п	п	х	п	п	п	п

ОПРЕДЕЛЕНИЕ (DF-1) отношений формально-аксиологической эквивалентности: морально-правовые ценностные функции Ω и Δ называются *формально-аксиологически эквивалентными*, если и только если они (Ω и Δ) принимают одинаковые морально-правовые значения из множества {х (хорошо); п (плохо)} при любой возможной комбинации морально-правовых значений (х или п) ценностных переменных. Отношение *формально-аксиологической эквивалентности* морально-правовых ценностных функций Ω и Δ обозначается символом «Ω=+=Δ».

В *естественном* языке *отношение формально-аксиологической эквивалентности* (=+=) адекватно выражается словами-омонимами «есть», «является», «значит», нередко заменяемыми тире. Такая *омонимия естественного языка* чревата недоразумениями: подменами понятий и тезисов, поэтому, используя *естественный* язык в рассуждениях на стыке формальной логики, формальной этики и *естественного права как формальной аксиологии*, нужно точно фиксировать значения упомянутых омонимов в каждом случае их употребления.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ DF-2: законом естественного права как формальной аксиологии является любая такая и только такая морально-правовая ценностная функция, которая принимает морально-правовое значение «хорошо» при любой возможной комбинации морально-правовых значений своих ценностных переменных. Иначе говоря, *закон естественного права (как формальной аксиологии)* есть морально-правовая ценностная функция-*константа*, принимающая значение «хорошо». Если Ω есть некая морально-правовая ценностная функция, то она есть закон *естественного права* (как формальной аксиологии), если и только если Ω = + = x.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ DF-3: формально-аксиологическим противоречием в двузначной алгебре *естественного права* (как формальной аксиологии) является любая такая, и только такая морально-правовая ценностная функция, которая принимает значение «плохо» при любой возможной комбинации морально-правовых значений своих ценностных переменных. Иначе говоря, формально-аксиологическое противоречие есть морально-правовая ценностная функция-*константа*, принимающая значение «плохо». Если Ω есть некая морально-правовая ценностная функция, то она есть формально-аксиологическое противоречие, если и только если Ω=+=п.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ DF-4 (отношения *формально-аксиологического следования*): морально-правовая ценностная функция Ω *формально-аксиологически следует из* морально-правовой ценностной функции Δ, если и только если $C_2\Delta\Omega$ = + = x.

На этом самоцитирование *необходимого* для данной работы фрагмента указанных выше статей завершено; переходим к изложению качественно нового нетривиального научного результата, полученного с помощью *необходимого* использования точно определенных выше формально-аксиологических понятий и математических методов современной (необходимо математизированной) теории естественного права.

2. Новые научные результаты

> «… коммунисты могут выразить свою теорию одним предложением: уничтожение частной собственности» [Маркс, Энгельс, 1955, с. 438].
>
> «Коммунист, искренне разделяющий взгляды партии, убежден, что корень всех зол — частная собственность» [Рассел, 1991, с. 16].
>
> ***
>
> «Самое важное в российской революции это – попытка осуществить коммунизм. Я верю, что комму-

низм необходим миру, верю также, что героизм России воспламенил человеческие надежды, а это очень важно для достижения коммунизма в будущем. <…>

Но метод, при помощи которого Москва намерена установить коммунизм, – метод первопроходцев – суров и опасен, он настолько героичен, что об издержках его не задумываются. Я не верю, что таким методом можно достичь устойчивой и приемлемой формы коммунизма» [Рассел, 1991, с. 5–6].

***

«Я приехал в Россию коммунистом, но общение с теми, у кого нет сомнений, тысячекратно усилило мои собственные сомнения — не в самом коммунизме, но в разумности столь безрассудной приверженности символу веры, что ради него люди готовы множить без конца невзгоды, страдания, нищету» [Рассел, 1991, с. 24].

Систематически используя данные выше дефиниции, читатель может самостоятельно получить или по крайней мере самостоятельно перепроверить все уравнения (формально-аксиологические эквивалентности), представленные ниже в данном разделе статьи. (Если бы ее предыдущий раздел был обрезан редакторской «бритвой Оккама» как «излишний (ненужный)», то понять и самостоятельно проверить эти уравнения было бы для читателя невозможно.)

1) U_2*ЧНМПМБаа*=+=U_2*аа*=+=*Та*=+=п: *уничтожение частной собственности на средства производства средств существования* (чего, кого) *а* (чем, кем) *а* формально-аксиологически равноценно *саморазрушению и самоуничтожению* (чего, кого) *а*.

2) P_2*ЧНМПМБаа*=+=P_2*аа*=+=*Ра*=+=х: *сохранение (защита) частной собственности на средства производства средств существования* (чего, кого) *а* (чем, кем) *а* формально-аксиологически равноценно *самосохранению, самозащите* (чего, кого) *а*.

3) P_2*ОНМПМБаа*=+=U_2*аа*=+=*Та*=+=п: *сохранение (защита) общей собственности на средства производства средств существования* (чего, кого) *а* (чем, кем) *а* формально-аксиологически равноценно *саморазрушению и самоуничтожению* (чего, кого) *а*.

4) U_2*ОНМПМБаа*=+=P_2*аа*=+=*Ра*=+=х: *уничтожение общей собственности на средства производства средств существования* (чего, кого) *а* (чем, кем) *а* формально-аксиологически равноценно *самосохранению, самозащите* (чего, кого) *а*.

В связи с расположенными непосредственно справа от знака «двоеточие» переводами уравнений 1–4 алгебры естественного права на естественный человеческий язык, уже опубликованными мною ранее в статьях [Лобовиков, 2015, с. 132; Lobovikov, 2016, p. 548–549], здесь уместно вспомнить *самый главный (основной)* тезис марксистско-ленинского учения. Цитирую классиков марксизма, а именно их «Манифест коммунистической партии»: «Отличительной чертой коммунизма

является не отмена собственности вообще, а отмена буржуазной собственности. Но современная буржуазная частная собственность есть последнее и самое полное выражение такого производства и присвоения продуктов, которое держится на классовых антагонизмах, на эксплуатации одних другими. В этом смысле коммунисты могут выразить свою теорию одним предложением: уничтожение частной собственности» [Маркс, Энгельс, 1955, с. 438].

Диссидентские, с точки зрения советского марксизма-ленинизма, выводы из формально-аксиологических уравнений двузначной алгебры естественного права и их переводов на естественный язык были опубликованы мною ранее [Lobovikov, 2012; 2013], но в этих более ранних, по сравнению с [Лобовиков, 2015, с. 130–132; Lobovikov, 2016, p. 548–549], публикациях, в математической модели были представлены ценностные функции только от одной ценностной переменной. Из-за этого выразительные возможности математической модели были существенно беднее, но точное указание на фундаментальную ошибку марксизма-ленинизма-сталинизма как политико-экономической *системы* (и теоретической доктрины, и ее практической реализации), было уже и в простейшей математической модели вполне явным и достаточно определенным. Итак, рассмотренная дискретная математическая модель естественного права частной собственности на средства производства средств существования представляет собой объяснение краха СССР не случайным стечением неблагоприятных исторических обстоятельств и не политическими интригами отдельных лиц и групп лиц, а также не заговорами некоторых стран и блоков стран против стран Варшавского договора, а некой *системной ошибкой*, совершенной классиками марксизма-ленинизма. Эта системная ошибка представлена на уровне модели в качестве последовательно *отвлеченной* от активности любых могущественных стран, классов и влиятельных персон. Однако в связи с вышесказанным возникает вопрос: в чем же тогда научная новизна данной статьи, если в указанных выше публикациях ее автора вышеупомянутая системная ошибка уже была выявлена и точно определена им ранее?

Ответ заключается в обращении внимания на то, что дискретная математическая модель естественного права является *открытой* системой; ее можно расширять и обогащать потенциально бесконечно. Усложнение композиций ценностных функций за счет введения в рассмотрение все новых и новых функций в связи с возникающими новыми конкретными условиями и новыми задачами, которые нужно решить в этих новых условиях, может привести к нелинейности и *немонотонности*. Политико-экономические системы могут быть неравновесными и нелинейными. Морально-правовые системы могут быть нелинейными и *немонотонными*. (Яркий пример *немонотонной* системы ценностей – представленная на чисто естественном языке «Басня о пчелах» [Мандевиль, 2000].) Фундаментальное научное положение о нелинейности и *немонотонности* систем ценностей иллюстрируется в данной статье на конкретном примере приведенных ниже (ранее нигде не публиковавшихся) уравнений двузначной алгебры естественного права. Наверное, именно это нетривиальное научное положение (вместе со следующими ниже уравнениями 6–8) образует собственно научное основание надежды тех, кто по-прежнему остается верен коммунистическому идеалу. Здесь имеется

в виду, прежде всего, большинство китайских граждан (а также множество граждан других стран), верящих в то, что им, в конечном счете, удастся в какой-то *качественно новой* форме воплотить в жизнь «очищенное от плевел зерно» истины, содержащееся в древней коммунистической идее, оказавшей в свое время очень сильное влияние даже на английского аристократа (лорда) Бертрана Рассела.

Уподобляясь этому широко известному своими прокоммунистическими настроениями английскому графу [Рассел, 1991], даже после распада Советского Союза значительное число жителей нашей планеты склонно считать коммунистический идеал привлекательным и перспективным вопреки тому факту, что слишком примитивную (чрезмерно простую), линейную, *монотонную* версию политической экономии коммунизма так и не удалось достаточно успешно осуществить лидерам и народам СССР и стран Варшавского договора. Заметить представленное в следующих ниже уравнениях очень важное качественное отличие немонотонной гармонии (от монотонной линейной последовательности) в отношении к общественной и частной собственности – задача для самостоятельного упражнения читателей.

5) DU_2*ЧНМПМБаа*=+=P_2*аа*=+=*Ра*=+=х: *формальная определенность, ограниченность (локальность, частичность) уничтожения частной собственности на средства производства средств существования* (чего, кого) *а* (чем, кем) а формально-аксиологически равноценна *самосохранению, самозащите* (чего, кого) *а*. (Конкретный пример – сервитуты и узуфрукты, которые *кажутся* нарушениями права частной собственности.)

6) NDU_2*ЧНМПМБаа*=+=U_2*аа*=+=*Та*=+=п: *небытие формальной определенности, ограниченности (локальности, частичности) уничтожения частной собственности на средства производства средств существования* (чего, кого) *а* (чем, кем) *а* формально-аксиологически равноценно саморазрушению и самоуничтожению (чего, кого) *а*. (Конкретный пример – СССР.)

7) $DГР_2$*ЧНМПМБаа*=+=P_2*аа*=+=*Ра*=+=х: *формальная определенность (локальность, частичность) ограничений на сохранение (защиту) частной собственности на средства производства средств существования* (чего, кого) *а* (чем, кем) *а* формально-аксиологически равноценна *самосохранению, самозащите* (чего, кого) *а*. (Конкретный пример – сервитуты и узуфрукты, которые *кажутся* нарушениями права частной собственности.)

8) DP_2*ОНМПМБаа*=+=P_2*аа*=+=*Ра*=+=х: *формальная определенность, ограниченность (локальность, частичность) сохранения общей собственности на средства производства средств существования* (чего, кого) *а* (чем, кем) *а* формально-аксиологически равноценна *самосохранению, самозащите* (чего, кого) а.

По моему мнению, уравнения 5–8 представляют дискретную математическую модель объективных оснований очень смутной субъективной (интуитивной) уверенности лорда Б. Рассела в перспективности (стратегической значимости) идеала коммунизма для человечества, выраженной им, например, в следующих фрагментах текста: «Даже при существующих условиях в России еще чувствуется влияние животворного духа коммунизма, дух созидающей надежды, поиска средств к уничтожению несправедливости, тирании, жадности – всего того, что мешает росту человеческого духа, стремлению заменить личную конкуренцию совмест-

ными действиями, отношения хозяина и раба – свободным сотрудничеством. Эта надежда помогает лучшей части коммунистов выдержать испытания суровых лет, которые переживает Россия, эта же надежда вдохновляет весь мир. Эта надежда не химера, не фантазия, но она может сбыться только благодаря упорному труду, более объективному изучению фактов и, кроме того, настойчивой пропаганде, которая должна сделать необходимость переходя к коммунизму очевидной для огромного большинства рабочих. Возможно, что российский коммунизм потерпит неудачу и погибнет, но коммунизм как таковой не умрет» [Рассел, 1991, с. 106].

«Существующая капиталистическая система обречена. Её несправедливость так бросается в глаза, что только невежество и традиция заставляют наемных рабочих терпеть её. <…> Пытаться поддержать её – значит бесполезно тратить энергию, которая может быть использована для строительства чего-то нового. Будет ли этим новым большевизм или нечто иное, я не знаю …» [Рассел, 1991, с. 10]. «Если большевизм окажется единственным сильным и действующим конкурентом капитализма, то я убежден, что не будет создано никакого социализма, а воцарится лишь хаос и разрушение» [Рассел, 1991, с. 11].

Объективные основания содержащегося в этих цитатах потока чисто гуманитарного сознания лауреата нобелевской премии по литературе представлены в данной статье на уровне *искусственного языка дискретной математической модели* впервые. Ранее нигде такие новые нетривиальные научные результаты не публиковались. Но понять и самостоятельно перепроверить их, не используя для этого представленный выше в параграфе 1 большой фрагмент многократно опубликованного ранее текста автора настоящей статьи невозможно. Упомянутая «крайняя необходимость» оправдывает (освобождает от ответственности за) многократную публикацию уже опубликованного большого фрагмента текста [Комментарий, 1996].

Список литературы

Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. М.: ИНФРА-М—НОРМА, 1996.

Лобовиков В. О. Математическая этика, метафизика и естественное право (Алгебра метафизики как алгебра формальной аксиологии). Екатеринбург: Институт философии и права УрО РАН, 2007.

Лобовиков В. О. «Ницщета философии» и ее преодоление «цифровой метафизикой»: Дискретная математическая модель ницшеанской философии сознания, религии, морали, права и преступления. Екатеринбург: Институт философии и права УрО РАН, 2009.

Лобовиков В. О. «Оцифровка» марксистской философии – новый метод постижения разрушительной сущности марксизма (дискретная математическая модель формально-аксиологического аспекта марксистского политико-экономического идеала и его равноценности самоуничтожению социума) // Социум и власть. 2015. Т. 53, № 3. С. 130–134.

Мандевиль Б. Басня о пчёлах, или Пороки частных лиц — блага для общества. М.: Наука, 2000.

Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1955. Т. 4. С. 419–459.

Прудон Ж.-П. Что такое собственность? М.: Республика, 1998.

Рассел Б. Практика и теория большевизма. М.: Наука, 1991.

Lobovikov V. O. Formal Ethics and Non-Monotonic Politics. Of Public Power and Private Property // Ethics –Society – Politics. Papers of the 35th International Wittgenstein Symposium (August 5-11, 2012, Kirchberg am Wechsel, Lower Austria). [Eds: Martin G. Weiss; Hajo Greif]. Contributions of the Austrian Ludwig Wittgenstein Society: Volume XX. Kirchberg am Wechsel: Austrian Ludwig Wittgenstein Society, 2012. P. 179–181.

Lobovikov V. O. 'Private Vices Are Public Benefits': The Paradox of Bernard Mandeville as an Equation of Two-Valued Algebra of Formal Ethics // Sins, Vices and Virtues: Essays in the Cultural, Political and Philosophical Reflections of Moral Categories. Oxford, United Kingdom: Inter-Disciplinary Press, 2013. P. 35–44.

Lobovikov V. O. Algebra of Morality and Formal Ethics // Katarzyna Bronk (Ed.). Looking Back to See the Future: Reflections on Sins and Virtues. Oxford, United Kingdom: Inter-Disciplinary Press, 2014. P. 17–41.

Lobovikov V. O. Leibniz's Motto "Calculemus!" and Its Significance for Developing the Natural Law Theory as a Consistent System of Universal Values Uniting All Possible Rational Persons // "Für unser Glück oder das Glück anderer" Volträge des X. Internationalen Leibniz-Kongresses, 18. – 23. Juli 2016. Hannover. Herausgegeben von Wenchao Li in Verbindung mit Ute Beckmann, Sven Erdner, Esther-Maria Errulat, Jünger Herbst, Helena Iwasinski und Simona Noreik. Hildesheim; Zürich; New York: Georg Olms Verlag, 2016. Band I. P. 541–550.

Lobovikov V. O. Natural Legal Law as Mathematics of Freedom (Four Mathematically Different Moral-Legal-Value-Functions "Freedom" and Four Ones "Slavery" Defined Precisely in Two-Valued Algebra of Formal Axiology of Ethics and Jurisprudence) // Antinomies. 2022a, Vol. 22. № 1. P. 65–90. https://doi.org/10.17506/26867206_2022_22_1_65

Lobovikov V. O. Artificial Intelligence and an almost Unknown Aspect of Mathematical Linguistics // Discourse-P. 2022b. Vol. 19. № 3. P. 170–184. https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_3_170

Lobovikov V. O. Analytic philosophy of natural language of jurisprudence, ethics, and theology (Four mathematically different formal-axiological meanings of "law" and four ones of "power") // Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2023. Vol. 71. P. 59–67. https://doi.org/10.17223/1998863X/71/7

Woodcock G. Pierre-Joseph Proudhon: His Life and Work. New York: Schocken Books, 1972.

References

Commentary on the Criminal Code of Russian Federation. Moscow: INFRA-M—NORMA, 1996. (In Russian)

Lobovikov V. O. Mathematical Ethics, Metaphysics, and the Natural Law (Algebra of Metaphysics as Algebra of Formal Axiology). Yekaterinburg: Institut filosofii i prava UrO RAN, 2007. (In Russian)

Lobovikov V. O. "Poverty of Nietzsche's Philosophy" and Overcoming It by "Digital Metaphysics" (A Discrete Mathematical Simulation of Nietzsche's Philosophy of Consciousness, of Religion, of Morals, and of Crime). Yekaterinburg: Institut filosofii i prava UrO RAN, 2009. (In Russian)

Lobovikov V. O. "Digitalizing" Marxist Philosophy – a New Method of Understanding the Destructive Essence of Marxism (a Discrete Mathematical Model of Formal-Axiological Aspect of Marxist Political-Economy Ideal and of Its Equivalence to Self-Annihilation of *Socium*) // Socium and Power. 2015. Vol. 53. № 3. P. 130–134. (In Russian)

Mandeville B. The Fable of the Bees, or Private Vices — Public Benefits. M.: Nauka, 2000. (In Russian)

Marx K., Engels F. Communist Party Manifesto // Marx K., Engels F. Writings. Second edition. Moscow: Gos. izd-vo polit. lit., 1955. Vol. 4. P. 419–459. (In Russian)

Proudhon J.-P. What is Property? M.: Respublika, 1998. (In Russian)

Russel B. The Practice and Theory of Bolshevism. M.: Nauka, 1991. (In Russian)

Lobovikov V. O. Formal Ethics and Non-Monotonic Politics. Of Public Power and Private Property. In: Martin G. Weiss; Hajo Greif (Eds.). Ethics – Society – Politics. Papers of the 35th International Wittgenstein Symposium (August 5-11, 2012, Kirchberg am Wechsel, Lower Austria). Contributions of the Austrian Ludwig Wittgenstein Society: Volume XX. Kirchberg am Wechsel: Austrian Ludwig Wittgenstein Society, 2012. P. 179–181.

Lobovikov V. O. 'Private Vices Are Public Benefits': The Paradox of Bernard Mandeville as an Equation of Two-Valued Algebra of Formal Ethics. In: Sins, Vices and Virtues: Essays in the Cultural, Political and Philosophical Reflections of Moral Categories. Oxford, United Kingdom: Inter-Disciplinary Press, 2013. P. 35–44.

Lobovikov V. O. Algebra of Morality and Formal Ethics. In: Katarzyna Bronk (Ed.). Looking Back to See the Future: Reflections on Sins and Virtues. Oxford, United Kingdom: Inter-Disciplinary Press, 2014. P. 17–41.

Lobovikov V. O. Leibniz's Motto "Calculemus!" and Its Significance for Developing the Natural Law Theory as a Consistent System of Universal Values Uniting All Possible Rational Persons. In: "Für unser Glück oder das Glück anderer" Volträge des X. Internationalen Leibniz-Kongresses, 18. – 23. Juli 2016. Hannover. Herausgegeben von Wenchao Li in Verbindung mit Ute Beckmann, Sven Erdner, Esther-Maria Errulat, Jünger Herbst, Helena Iwasinski und Simona Noreik. Hildesheim; Zürich; New York: Georg Olms Verlag, 2016. Band I. P. 541–550.

Lobovikov V. O. Natural Legal Law as Mathematics of Freedom (Four Mathematically Different Moral-Legal-Value-Functions "Freedom" and Four Ones "Slavery" Defined Precisely in Two-Valued Algebra of Formal Axiology of Ethics and Jurisprudence) // Antinomies. 2022a. Vol. 22. № 1. P. 65–90. https://doi.org/10.17506/26867206_2022_22_1_65

Lobovikov V. O. Artificial Intelligence and an almost Unknown Aspect of Mathematical Linguistics // Discourse-P. 2022b. Vol. 19. № 3. P. 170–184. https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_3_170

Lobovikov V. O. Analytic philosophy of natural language of jurisprudence, ethics, and theology (Four mathematically different formal-axiological meanings of "law" and

four ones of "power") // Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2023. Vol. 71. P. 59–67. https://doi.org/10.17223/1998863X/71/7

Woodcock G. Pierre-Joseph Proudhon: His Life and Work. N. Y.: Schocken Books, 1972.

Информация об авторе

Владимир Олегович Лобовиков, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник отдела права Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук

Information about the author

Vladimir Olegovich Lobovikov, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Principal Researcher of the Department of Law of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

Статья поступила в редколлегию 07.06.2023;
одобрена после рецензирования 29.06.2023; принята к публикации 29.06.2023
The article was submitted 07.06.2023;
approved after reviewing 29.06.2023; accepted for publication 29.06.2023

Научная статья

УДК 165.18
DOI 10.25205/2541-7517-2023-21-3-20-33

Дизъюнктивизм и феноменология внимания

Леонид Геннадьевич Коробков

Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

urlicht@zoho.com, https://orcid.org/0000-0002-2177-2638

Аннотация

Дизъюнктивная теория Дж. Кэмпбелла имеет серьёзные недостатки, поскольку опирается на устаревшую модель, согласно которой восприятие в параллельном режиме обрабатывает элементарные признаки (цвет, ориентация, направление движения). В действительности, как показал Дж. Дункан [Duncan, 1984], наблюдатель более успешно различает два атрибута одного объекта, чем атрибуты разных объектов, что говорит о том, что уже на ранней стадии обработки данные восприятия кодируются как репрезентации целостных объектов. Дж. Кэмпбелл выводит определение внимания из определения сознания, и поэтому его подход неспособен объяснить то, как внимание оперирует бессознательными стимулами. В статье выражается скептическое отношение к отстаиваемому Дж. Кэмпбеллом «насыщенному представлению», согласно которому образ осознаваемой сцены включает детали, находящиеся вне фокуса внимания.

Ключевые слова

дизъюнктивизм, концептуализм, референция, феноменальное переполнение, внимание

Для цитирования

Коробков Л. Г. Дизъюнктивизм и феноменология внимания // Сибирский философский журнал. 2023. Т. 21, № 3. С. 20–33. DOI 10.25205/2541-7517-2023-21-3-20-33

Disjunctivism and the phenomenology of attention

Leonid G. Korobkov

Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

urlicht@zoho.com, https://orcid.org/0000-0002-2177-2638

© Коробков Л. Г., 2023

Abstract

J. Campbell`s disjunctivist theory of perception is based on an outdated model of attention, which maintains that the focus of attention is analogous to the beam of a spotlight. Meanwhile, some studies challenge this view and suggests that attentional selection can be object-based. The narrow target of this article consists in clarifying what is at stake between attention-first and consciousness-first strategies. The latter assumes that one could explain what attention is by specifying how some proper subset of the conscious field comes to be foregrounded. Campbell who adopts it faces a serious challenge in explicating the phenomenon of unconscious attention.

Keywords

disjunctivism, conceptualism, reference, phenomenal overflow, attention.

For citation

Korobkov L.G. Disjunctivism and the phenomenology of attention. *Siberian Journal of Philosophy*, 2023, vol. 21, no. 2, p. 20–33. (In Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2023-21-3-20-33

Проблему обоснования идеи независимого от разума объекта иногда называют «загадкой Беркли»: благодаря чему мы воспринимаем объекты сами по себе, а не выводим факт их существования из анализа непосредственно данных нам ощущений? Локковский репрезентационизм утверждает, что вторичные качества являются результатами воздействия причинных сил на наш разум. Однако мы не можем наглядно представить себе первичные предикаты – бытие протяжённым, твёрдость или движение без вторичных – например цвета. Если локковские вторичные качества существуют лишь в разуме, то и первичные не существуют вне разума. Скептицизм Беркли ставит под сомнение возможность перцептуального контакта с реальными объектами (но не существование внешнего мира).

Джон Кэмпбелл утверждает, что решение загадки Беркли недостижимо как для репрезентационизма, так и для сенсуализма. В поисках её решения он разрабатывает свою версию дизъюнктивной теории восприятия, которая является разновидностью прямого реализма[1]. Термин «дизъюнктивизм» образован от латинского глагола *disjunctio*, обозначающего разделение и логическую операцию, эквивалентную союзу «или». Дизъюнктивизм, таким образом, описывает взаимоисключающие явления. С точки зрения дизъюнктивизма не существует какого-либо «общего фактора», объединяющего содержания нормальных восприятий и галлюцинаций, и их эпистемическая значимость радикально различается. Таким общим фактором для философов XX века обычно выступало интенциональное отношение – акт сознания, объективирующий реальные или логические предметы. Ввиду того что для интенциональных объектов важна их когерентность как комплексов ощущений, а не существование их реальных прототипов, предметы восприятия и фантазмы принципиально не различаются в онтологическом статусе. В более широком историческом контексте предположение о существовании общего фактора – это следствие аргумента, который утверждает, что поскольку восприятие искажает свойства объектов, мы не можем ему полностью

[1] Прямой, или «наивный», реализм отрицает метафизическое положение о том, что воспринимаемый образ мира является всего лишь копией или моделью реального мира, порождаемой сознанием. В случае достоверного восприятия прямые реалисты считают полагание существования ментальных репрезентаций избыточным.

доверять, и должны непосредственными объектами познания считать «чувственные данные». Такие дизъюнктивисты как Дж. Кэмпбелл и М. Мартин утверждают, что заключение от интроспективной неразличимости достоверного восприятия и галлюцинации (последние часто не уступают первым в живости и ясности) к полаганию общего фактора – незаконно. Опыт является дизъюнктивным в феноменологическом смысле: в случае галлюцинации он должен иметь абсолютно иной характер, нежели восприятие. Более умеренная концепция Дж. Макдауэлла не утверждает того, что галлюцинации представляют собой неполноценный тип опыта, выделяемый по шаблону восприятий, а также не отрицает онтологию репрезентаций. Галлюцинации и восприятия могут иметь тождественный феноменальный характер, и они образуют дизъюнкцию на самом деле только потому, что их объекты различаются эпистемически. Высказывания о галлюцинациях и иллюзиях неспособны быть основанием знания, поскольку являются бессмысленными: указательные местоимения, которые они содержат, не имеют референции. Макдауэлл, с одной стороны, подобно прямым реалистам допускает непосредственную конституцию феноменологии восприятия свойствами объектов, а с другой, как последовательный концептуалист отрицает возможность эпистемического доступа к чувственным данным[2]. Острие критики Дж. Макдауэлла направлено против двухступенчатой теории, известной также как «миф о данном», согласно которой регистрация чувственных данных предшествует применению понятий, и выступает его причиной. По его мнению, опыт восприятия не является лишь продуктом органов чувств, а всегда имеет форму, родственную форме суждения. Различие в том, что в восприятии понятийные способности применяются пассивно, а в суждении – активно.

В первом параграфе анализируется тезис Кэмпбелла о том, что внимание должно играть ключевую роль при выделении условий возможности познания, потому что внимание обосновывает использование указательных выражений, референтами которых выступают независимые от разума объекты. Во втором параграфе представлен классический аргумент в пользу дизъюнктивизма – аргумент «феноменального сорита». В этой версии сорита вместо множества дискретных состояний фигурируют серии оттенков цвета. Третий параграф посвящён критическому анализу концепции переполнения «сознания доступа» феноменальными данными, отстаиваемой в частности Дж. Кэмпбеллом и Н. Блоком[3].

Основная цель статьи – обосновать тезис о том, что дизъюнктивизм Кэмпбелла не способен указать направление к решению загадки Беркли, поскольку основан на ошибочной стратегии, в которой внимание не является необходимым

[2]Концептуалисты вслед за У. Селларсом утверждают, что все стадии процесса восприятия содержат указательные понятия, необходимые для различения свойств и джастификации суждений. Нон-концептуалисты, среди которых наиболее известен К. Пикок, допускают, что данные восприятия на первичных стадиях, характеризующихся действием механизмов, которые идентифицируют такие примитивные характеристики, как движение или контрастность, могут быть понятийно неоформленными.

[3]Противопоставление двух типов сознания, выделенных Н. Блоком, широко используется философами: термин «феноменальное сознание» применяется к качественным аспектам субъективной реальности, а термин «сознание доступа» – к когнитивным функциям вербального отчёта, обучения и т.д.

условием сознания, а представляет собой одну из его разновидностей. Результаты исследования отличаются от результатов А. Неса [Nes, 2019], который считает, что подход Кэмпбелла может быть сформулирован в рамках концептуалистской терминологии, и поэтому не противоречит подходу Макдауэлла. Основным препятствием для их объединения является то, что прямой реализм, которого придерживается Кэмпбелл, либо исключает возможность бессознательного восприятия, либо не обладает ресурсами для объяснения этого феномена. Кэмпбелл, судя по всему, относит все бессознательные феномены к когнитивно непрозрачной области нейронных вычислений. Это представление необоснованно, так как многие бессознательные мысли имеют когнитивное содержание – например, врождённые понятия.

Дж. Кэмпбелл о референции

Дж. Кэмпбелл [Campbell, 2012, p. 32] считает, что если Беркли и впоследствии Б. Рассел выбрали сенсуализм в качестве лекарства от скептицизма, то локковская традиция такого лекарства найти не смогла и не предложила внятного объяснения того, как ощущения участвуют в процессах организации знания. Способность к ментальной репрезентации заведомо предполагает обладание понятиями и не объясняет их формирование. Репрезентационизм утверждает, что вторичные качества, с одной стороны, не противоречат законам физики, а с другой – что они не поддаются редукции. Например, Д. Армстронг критикует сенсуализм и одновременно признаёт чувственные данные, если они фигурируют в качестве причинных посредников – неких «носителей вторичных качеств» [Armstrong, 1980, p. 139]. Кэмпбелл предлагает вторичные качества считать нередуцируемыми реальными сущностями. По его мнению, природа зрения позволяет познать, что за свойство представляет собой тот или иной цвет, так как он является частью акта восприятия. К. Кассам, в отличие от Кэмпбелла утверждающий, что имеет готовое решение загадки Беркли, пишет, что «идея того, что некоторые воспринимаемые нами вещи являются устойчивыми элементами пространства, встроена в неконцептуальное репрезентационное содержание восприятия» [Campbell, Cassam, 2014, p. 154]. Кэмпбелл возражает, что принцип постоянства восприятия позволяет построить лишь слабую концепцию независимого объекта, потому что критерии, основанные на нём, могут с не меньшей адекватностью применяться к бессознательным репрезентациям [Ibid., p. 185]. Постоянство восприятия не имеет объективных критериев, обычно характеризующих знание. Элементы пространства могут распределяться по-разному в зависимости от того, как культурные стандарты реализуют, например, идею перспективы. У. Хадсон тестировал восприятие глубины изображения у южноафриканских рабочих, и выяснил, что они не связывают уменьшенный размер предмета с замыслом изобразить его более удалённым [Hudson, 1960].

Кэмпбелл утверждает, что причинности недостаточно для установления уникального отношения к объектам, конституирующего роль опыта в объяснении познания. Он видит альтернативу в создании концепции перцептуальных указаний, отводящей ключевую роль вниманию, поскольку сама по себе пассивная обработка данных зрения не позволяет выделить содержание, ассоциирующееся

с указанием. Подходы к референции, не отводящие какой-либо роли вниманию, неспособны объяснить некоторые вариации восприятия объекта (иллюзии), так как с точки зрения пропозициональных установок и причинной роли он может оставаться неизменным. Кэмпбелл считает, что роль внимания в фиксации референции указательного выражения аналогична роли фрегеанского смысла в фиксации референции собственных имён. Если мы признаём, что внимание используется для верификации предложений, содержащих указательные термины, то понятие смысла должно быть переопределено в терминах того, как внимание отбирает релевантные данные [Campbell, 2002, p. 31]. Кэмпбелл выделяет два типа внимания – пространственное и осознанное. Осознанное внимание конструирует объект из отдельных признаков после того, как пространственное «предвнимание» зарегистрировало их распределение в пространстве. Интересно, что, по мнению Кэмпбелла, «осознанное внимание следует представлять как более примитивное по отношению к мысли об объекте» [Campbell, 2002, p. 45]. Он определяет свой подход как подход «нерефлексивного здравого смысла»: в нём понимание указательных высказываний предшествует рефлексии над понятием объекта. Моделью в таком духе определяемого внимания Кэмпбелл считает расселовское знание-знакомство, но объектами перцептуального осознания для него выступают не приватные чувственные данные, а реальные объекты. Б. Рассел полагал, что познание объективной реальности не может объясняться лишь в терминах познания истин. Познание истин зависит от познания непропозициональных фактов – от знакомства с партикулярными объектами и свойствами.

Недостатки подхода Кэмпбелла обусловлены отсутствием согласования с современными представлениями о природе внимания. Он абсолютизирует теорию Э. Трейсман, согласно которой карты распределения однородных признаков регистрируют отношения зрительного поля (например, карта цвета), а осознанная стадия внимания затем объединяет их в мастер-карту, кодирующую объект как локализованную связку признаков. Теория объясняет, почему наблюдатели быстро находят цель, отличающуюся от окружающих предметов по одному признаку, и медленнее делают это, если поиск учитывает несколько признаков. Поиск значения признака – например, «зелёный» – может осуществляться параллельно во многих локациях, потому что локации в отличие от признаков не конкурируют друг с другом. В ряде экспериментов было показано, что случайное перераспределение положений стимулов снижает эффективность доступа к признакам. Сторонники Трейсман, как правило, утверждают, что отбор критических свойств объектов происходит благодаря фильтру, на ранних стадиях обработки идентифицирующему стимулы на основе примитивных физических свойств – положения, яркости и т.п. Более оправданной, однако, представляется точка зрения, согласно которой эта модель работает только в ситуации повышенной перцептуальной нагрузки [Fournier, Shorter, 2001]. В нормальной ситуации внимание контролируется также семантическими свойствами данных восприятия. Оно не столько управляет ресурсами, сколько проецирует идентифицированные признаки в рабочую память. Теория Трейсман принимается сегодня уже далеко не всеми, да и сама она в более зрелых работах отдаёт должное подтверждённому тезису о том, что внимание отбирает целостные объекты, а не признаки [Kahneman, Treisman, Gibbs,

1992]. Если мой взгляд останавливается на каком-либо свойстве объекта, то весь объект и его свойства – даже те, которые не имеют отношения к решению актуальной задачи, – отбираются вниманием для привилегированной обработки. Проект Кэмпбелла можно понимать двояко: одни считают, что он посвящён роли сознания в контроле внимания, другие – что он пытается объяснить роль осознанного опыта в обеспечении нас указательными понятиями. Как бы то ни было, для Кэмпбелла то, что выполняет роль отбора предмета мысли, одновременно обосновывает использование указательных понятий. Такой подход возможен только в рамках прямого реализма, допускающего референцию к категориальному объекту [Campbell, 2002, p. 145]. Согласно идее Кэмпбелла, в акте опыта мы познаём «чтойность» вещи. Мы знакомимся не с аристотелевскими, а с платоновскими свойствами – иначе говоря, не с диспозиционными свойствами, определяющими эффекты взаимодействия вещи с другими вещами (например, «хрупкий»), а со свойствами категориальными, то есть с присущими самой её сущности абсолютными качествами, выражаемыми такими атомарными предикатами, нередуцируемыми к причинным ролям, как «деревянный» или «круглый».

Кэмпбелл полагает, что взаимосвязь внимания и познания реализуется уже на уровне отбора референтов указания[4]. Эпистемическая роль опыта конституируется не доступом к дескрипциям или определениям, а более примитивными его стадиями, на которых он не привязан к какой-либо семантической классификации. Он пишет, что зрительная система справляется со связыванием воедино информации об отдельном объекте «даже если вам не удастся применить к нему правильное сортальное понятие»[5] [Campbell, 2006, p. 205]. Указательные мысли, основанные на знакомстве и феноменальной «приметности», по-видимому, не требуют применения полноправных понятий. Кэмпбелл подчёркивает, что «в каждый момент времени может существовать множество свойств, характеризующих наш визуальный опыт несмотря на то, что факт обладания этими свойствами каким-либо объектом или регионом остаётся для нас недоступным» [Campbell, 2011, p. 330]. Интересно, что Кэмпбелл нигде не упоминает об отказе от доминирующей теории внимания, в которой оно контролируется *сознанием доступа*. Последнее необходимо для осознания референции, и связано с понятийным мышлением, а потому, собственно, обусловливает дескриптивный характер указательных высказываний. Однако подход Кэмпбелла как раз утверждает, что перцептуальные указания основаны на информации, которая не конституирует дескриптивного способа представления. А. Рафтопулос считает, что подход Кэмпбелла выглядел бы более когерентным, если бы он явно определил неконцептуальное сознание, сопровождающее отбор референтов указания как *феноменальное* [Raftopoulos, 2009, p. 359].

Кэмпбелл ошибается, полагая существование прямой связи между вниманием и референцией. По его мнению, данные о примитивных пространствен-

[4] Л. Хуанг поясняет, что термины «доступ» и «отбор» здесь обозначают соответственно «доступ к сознательной системе с ограниченным объёмом» и «механизм бессознательного отбора» [Huang, 2010].

[5] Сортальными называют понятия, обладание которыми требует знания критериев различия и счёта объектов внутри коллекции – например, «концерт», но не «музыка». Такие понятия обозначают признак, применимый к вещи во временных рамках, ограничивающих её существование.

ных характеристиках объекта, конституирующие смысл указательных выражений, отбираются осознанным вниманием. На самом деле внимание как таковое не является семантическим процессом, и большинство его проявлений исключают референцию к объекту: оно в фоновом режиме решает задачи по обеспечению единства восприятия. Основная роль внимания заключается предположительно в том, что оно позволяет сенсорным данным достаточно долго находиться «онлайн» для того чтобы быть полностью обработанными [Kouider et al., 2010]. На тезисе о прямой связи между вниманием и референцией построен весь подход Кэмпбелла к описанию роли осознанного опыта в познании. Вопреки У. Куайну он утверждает, что знание референции указательных выражений обосновывает нашу способность высказывать актуальные истинные предложения и объясняет использование паттернов указания в рассуждениях. Понимание выражений требует того, чтобы субъект располагал опытом контакта с реальными референтами, который обеспечивается вниманием, и от этого момента отталкивается анализ эпистемической роли внимания при решении загадки Беркли. Однако на это можно возразить, что даже если внимание и играет определённую роль в объяснении того, как мы способны мыслить с помощью указательных понятий, оно вряд ли имеет отношение к идее независимого от познания объекта. Внимание обеспечивает нам контакт с референтами указаний преимущественно в социальной практике (коммуникации). Кэмпбелловскую концепцию независимого объекта можно назвать «слабой» – для неё требуется только то, чтобы объект не был воспринимаемым в данный момент. Для того чтобы объект существовал, не будучи воспринимаемым, он должен быть частью объективной чувственной организации пространства [Spener, 2003, p. 64]. Наиболее полно этот подход выражен в кантовской идее пространства как априорной формы чувственности.

Завершая этот параграф, стоит отметить, что в работах Кэмпбелла решение загадки Беркли неразрывно связано с аргументацией в пользу дизъюнктивизма. Принятие дизъюнктивизма – это необходимое условие для тех, кто ищет решение, свободное как от предрассудков сенсуализма Беркли (ведущих к тезису о вторичности всех качеств), так и от противоречий репрезентационизма Локка. Если бы восприятие не имело дизъюнктивный характер, если бы существовал общий фактор для объектов в мире и нашего восприятия (в виде чувственных данных или репрезентаций), внимание и опыт достоверного восприятия не играли бы свойственной им фундаментальной роли в объяснении познания.

Концептуализм Дж. Макдауэлла

Наиболее убедительным аргументом в пользу дизъюнктивизма представляется аргумент Х. Патнэма. Испытуемому предъявляются три цветные полоски одного формата, цвет которых почти идентичен. Оттенки А и В, а также В и С неразличимы полностью, но А от С отличить можно. Например, полоска А окрашена в красный цвет, а С – в оранжевый. Допустим, что А и В имеют общее качество, которое мы обозначим Р1, и то же самое мы скажем о В и С – назовём это качество соответственно Р2. В таком случае полоска В будет одновременно иметь качества Р1 и Р2. В свою очередь, из этого следует, что Р1 тождественно

P2, однако тогда и A, и C тоже будут тождественны, а это противоречит здравому смыслу: два различимых цвета не могут иметь общее качество. Этот парадокс, или «сорит», позволяет утверждать, что феноменальных качеств в традиционном понимании не существует, однако Патнэм приходит к другим выводам. Он начинает с утверждения, что не существует таких свойств, бытие которых заключалось бы в их воспринимаемости, что принцип *esse est percipi*, принимаемый Беркли и Локком, неверен [Putnam, 1999, p. 130]. Если два свойства представляются субъекту тождественными, то это не значит, что они действительно тождественны. Парадокс говорит главным образом о том, что наша способность различать оттенки цвета ограниченна. Подлинное отношение тождества (равенства) *транзитивно*, а феноменальное отношение неразличимости, например, оттенков цвета – нетранзитивно. Оппоненты дизъюнктивизма исходят из неразличимости восприятий и галлюцинаций, но так как она не ведёт к утверждению тождества, она не может быть достаточным условием для полагания общего фактора в виде ментальных репрезентаций и т.п.

Дж. Макдауэлл и Б. Брюер отстаивают патнэмовскую версию дизъюнктивизма. При этом они признают опасность того, что, отвергая тезис тождества неразличимых, им придётся отказаться и от конститутивных ограничений на обладание указательными понятиями [McDowell, 2000, p. 57]. С точки зрения этих ограничений, принимаемых Макдауэллом и другими концептуалистами, способность обладания понятиями построена на способности опознавания объектов и свойств. Ч. Пеллинг утверждает, что последовательные концептуалисты вопреки Патнэму должны признать транзитивность визуального тождества. Нам можно приписать обладание указательными понятиями, только если из феноменальной неразличимости мы способны сделать вывод о тождестве и на основании последнего фактически опознать свойство, подпадающее под понятие [Pelling, 2007, p. 617]. Но концептуалисты вряд ли согласятся с этим: они скорее переформулируют термин «опознание». Б. Брюер очевидным шагом считает либерализацию ограничений на обладание понятиями. Для того чтобы обладать понятием, например, конкретного оттенка цвета, субъекту не требуется устанавливать тождество оригинального оттенка и оттенка, фиксируемого в актуальном восприятии. Необходимым условием для обладания понятием является не ре-идентификация, а контроль объекта в рамках отдельного эпизода восприятия – мы должны быть способны следить за его модификациями по мере изменения его положения в пространстве [Brewer, 2005, p. 225]. Несмотря на то что способность различать оттенки цвета превосходит способность их опознавания, она не превосходит способность следить за изменениями объекта в настоящем времени и не свидетельствует в пользу существования неконцептуального содержания восприятия.

Рассуждения Макдауэлла содержат примечание, исключающее возможность применения аргумента Пеллинга о несовместимости дизъюнктивизма и концептуализма. Каверзность заключается в том, что мы лишаем выражение «этот цвет» конкретного значения, когда утверждаем, что объект имеет тот или иной оттенок, если он неотличим по цвету от другого объекта, выступающего в качестве носителя того же оттенка. Утверждая это, мы ошибочно предполагаем, что два неразличимых оттенка автоматически подпадают под одно понятие. На самом

деле к таким оттенкам не может применяться какое-либо определённое понятие, потому что цвет произвольного объекта нельзя считать образцом цвета. Нельзя утверждать тождество значений терминов A и C только потому, что оба оттенка неотличимы от произвольного B. Если бы Пеллинг был прав, то существование дубликатов, препятствующих опознанию оригинальных объектов, делало бы применение указательных понятий невозможным. Макдауэлл считает, что статус образца должен быть зарезервирован за оттенком, зафиксированным при образовании понятия [McDowell, 2000, p. 171]. Ограничения, вводимые им, предусматривают, что *X* и *Y* подпадают под одно указательное понятие «этот *X*» если и только если при образовании такого понятия субъект в опыте контактирует с *X*, а *Y* мы полагаем тождественным *X*. Такого полагания для применения понятия достаточно, и установления тождества в строгом смысле не требуется.

Важное для нас отличие от подхода Кэмпбелла можно сформулировать следующим образом: если Кэмпбелл настаивает на том, что осознанный опыт эпистемически первичен по отношению к понятийным способностям, и «объясняет» их, то Макдауэлл, в зрелых работах обратившийся к наследию И. Канта, исходит из того, что в основе знания лежит не знакомство с чувственными данными, а апперцепция, обеспечивающая объединение всего данного в наглядном представлении многообразия в понятие объекта и делающая возможными акты референции и основанные на них именования и т.д. Необходимо учитывать то, что явление референции определяется только в контексте какой-либо концептуализованной символической системы или языка. В связи с этим вполне уместным представляется замечание Дж. Рэя, который пишет, что «опыт» и «осознанное внимание» могут быть чрезвычайно интересным экспланандумом, но в качестве эксплананса на сегодняшний день выглядят бесперспективно [Rey, 2005].

Восприятие в отсутствие внимания

Совершенно разных философов объединяет убеждённость в том, что внимание не является необходимым условием феноменального сознания. Н. Блок и многие другие основополагающими считают результаты Дж. Сперлинга [Sperling, 1960], исследовавшего роль памяти в обеспечении непрерывности опыта в условиях произвольных и непроизвольных сдвигов внимания. Он ввёл понятие иконического буфера – регистра, в течение короткого промежутка времени (около одной секунды) сохраняющего объём данных, превышающий объём рабочей памяти, реализующей вербальные отчёты. Используя тахистоскоп – устройство, предъявляющее изображение в определённом интервале времени, он показывал испытуемым три ряда букв на одну двадцатую часть секунды. При этом люди утверждали, что видели многие, а некоторые из них – даже все буквы, но до момента формирования отчёта забыли их. Затем Сперлинг модифицировал эксперимент, и после экспозиции таблицы, заполненной буквами, испытуемые слышали сигнал условно низкой, средней или высокой частоты соответственно рядам таблицы, которые их просили воспроизвести. В результате количество правильно воспроизведенных символов увеличилось примерно в два раза. При этом способ-

ность вспомнить по подсказке резко деградировала, если сигнал звучал по прошествии одной трети секунды и более.

По мнению Блока, до момента передачи данных из иконического буфера в рабочую память и включения внимания сцена уже характеризуется некой феноменальной осознанностью и детализацией, превышающей способность вербального отчёта. Дж. Кэмпбелл, М. Тай и Б. Барс разделяют взгляды Блока и в той или иной мере поддерживают так называемое «насыщенное представление» (rich view) о восприятии, которое основывается на тезисе о резком отграничении когнитивных функций внимания, памяти и отчёта от феноменологии. Блок считает, что сеть зрительного восприятия имеет более мелкие ячейки, чем сеть внимания, и поэтому многие факты могут ускользать от последнего и переполнять сознание доступа [Block, 2012]. Кэмпбелл соглашается с этой трактовкой, подчёркивая, как отмечалось выше, что отбор стимулов осуществляется независимо от понятийных способностей [Campbell, 2011].

Другой эксперимент – «слепота к изменению», используется критиками «насыщенного представления» для того, чтобы показать, что внимание необходимо для сознания. Когда изменения ясно различимого объекта происходят вне фокуса внимания, мы не можем составить о них вербальный отчёт, и, следовательно, осознать их. Например, если отделить немного различающиеся изображения одной и той же сцены пустым кадром, то испытуемый окажется неспособным обнаружить изменения. Однако кэмпбелловский подход предполагает иное толкование. Следуя ему, мы должны были бы считать, что сцена доступна для испытуемого целиком, и неподдающиеся отчёту элементы фигурируют в качестве стабильных содержаний феноменального сознания: субъект просто не может сформировать соответствующие указательные понятия. На самом деле, вопреки мнению Кэмпбелла случаи слепоты к изменению, по-видимому, представляют собой явления, в которых неспособность к вербальному отчёту о вполне видимых стимулах должна объясняться отсутствием осознанного доступа к сущностям понятийного уровня. Проводя параллели между двумя экспериментами, можно отметить, что факт того, что большой объём данных иконической памяти в эксперименте Сперлинга регистрируется, но не подлежит отчёту, также свидетельствует о некоторых бессознательных концептуальных процессах. В таком ключе высказывается, например, Я. Филипс, убеждённый в том, что метод Сперлинга показал, что идентичность всех или почти всех отдельных букв так или иначе репрезентируется, но из этого не следует, что репрезентации соответствуют элементам осознаваемого опыта. Сознательно – как определённые буквы, воспринимаются только те символы, о которых испытуемые позже могут отчитаться вербально. Филипс полагает, что Сперлинг показал вовсе «не то, что мы видим больше, чем можем запомнить, а то, что сохраняется больше, чем может впоследствии стать когнитивно доступным» [Phillips, 2011, p. 403].

Впечатление одновременного присутствия всех деталей воспринимаемой сцены, о котором говорят Блок и Кэмпбелл, безусловно является иллюзией, но отрицать существование специфических фактов о феноменальном сознании было бы тем не менее неправильно. Обманчивое представление о периферийной зрительной феноменологии, судя по всему, обусловливается процессами поздних

этапов восприятия, зависящими от навыков и ожиданий. Впечатление насыщенности можно объяснить без обращения к идее переполнения, если опираться на понятие «субъективной инфляции»: в ситуации редуцированного внимания наблюдатели склонны давать отчёт о несуществующих деталях. Эти предположения подтверждаются результатами, полученными Х. Лау, который установил, что субъективная видимость, ассоциируемая с сигналами при слабом внимании, выше, чем та, которая гарантируется качеством сигнала при фокусном внимании [Rahnev et al., 2009]. Периферийное или такое восприятие, которому уделяется минимальное внимание, может оцениваться как более надёжное.

Заключение

Во-первых, Дж. Кэмпбеллу не удалось объяснить, каким образом опыт достоверного восприятия обеспечивает нас понятием о независимом от разума объекте. Он построил свою теорию на принципе осознанного неконцептуального внимания, обосновывающего использование указаний, который не согласуется с доминирующей в нейрокогнитивных исследованиях парадигмой. Согласно последней идея неконцептуального ментального содержания применима только к «субперсональному», бессознательному уровню мышления (например, врождённые универсальные грамматические принципы Н. Хомского неконцептуальны, так как описываются понятиями, которыми не владеет обычный носитель языка). Во-вторых, на сегодняшний день известно, что один и тот же участок головного мозга – первичная зрительная кора – в один отрезок времени может обрабатывать данные о стимуле без фокусировки внимания, а в последующий проявлять активность, контролируемую вниманием. В связи с этим традиционная концепция, резко отделяющая предвнимание от фокусной стадии, всё чаще ставится под сомнение. По-видимому, бессознательное и фокусное внимание должны считаться частями одного процесса. Таким образом, бессознательное внимание вполне может служить необходимым условием феноменального сознания, на первый взгляд выходящего за пределы действия когнитивных функций. В свете новых представлений аргументация Кэмпбелла и Блока о переполнении функционального сознания феноменальными данными представляется неубедительной. Внимание необходимо для сознания, но сознание не является необходимым условием внимания.

Список литературы

Armstrong D. The nature of mind and other essays. St. Lucia: University of Queensland Press, 1980.

Block N. The Grain of Vision and the Grain of Attention // Thought: A Journal of Philosophy. 2012. Vol. 1. № 3. P. 170–84.

Brewer B. Perceptual experience has conceptual content // Contemporary Debates in Epistemology / Ed. by E. Sosa, M. Steup. Malden, USA: Wiley-Blackwell, 2005. P. 217–250.

Campbell J., Cassam Q. Berkeley's Puzzle. Oxford: OUP, 2014.

Campbell J. Reference and Consciousness. Oxford: OUP, 2002.
Campbell J. Sortals and the Binding Problem // Identity and Modality / ed. by F. McBride. Oxford: Clarendon Press, 2006. P. 203–18.
Campbell J. Visual Attention and the Epistemic Role of Consciousness // Attention / ed. by Ch. Mole, D. Smithies, W. Wu. Oxford: OUP, 2011. P. 323–341.
Campbell J. A Straightforward Solution to Berkeley's Puzzle // The Harvard Review of Philosophy. 2012. Vol. 18. №. 1. P. 31–49.
Duncan J. Selective attention and the organization of visual information // Journal of Experimental Psychology. 1984. Vol. 113. № 4. P. 501–517.
Fournier L., Shorter S. Is evidence for late selection due to automatic or attentional processing of stimulus identities? // Perception & Psychophysics. 2001. Vol. 63. № 6. P. 991–1003.
Huang L. Characterizing the nature of visual conscious access: The distinction between features and locations // Journal of Vision. 2010. Vol. 10. P. 1–17.
Hudson W. Pictorial depth perception in sub-cultural groups in Africa // Journal of Social Psychology. 1960. Vol. 52. P. 183–208.
Kahneman D., Treisman A., Gibbs B. The reviewing of object files: Object-specific integration of information // Cognitive Psychology. 1992. Vol. 24. P. 175–219.
Kouider S., de Gardelle V., Sackur J., Dupoux E. How rich is consciousness? // Trends in Cognitive Sciences. 2010. Vol. 14. № 7. P. 301–307.
McDowell J. Mind and World. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2000.
Nes A. Acquaintance, Conceptual Capacities, and Attention // Acquaintance: New Essays / ed. by J. Knowles and T. Raleigh. Oxford: OUP, 2019. P. 191–212.
Pelling Ch. Conceptualism and the (supposed) Non-Transitivity of Colour Indiscriminability // Philosophical Studies. 2007. Vol. 134. P. 211–234.
Phillips I. Perception and Iconic Memory // Mind and Language. 2011. Vol. 26. № 4. P. 381–411.
Putnam H. The Threefold Cord. N. Y.: Columbia University Press, 1999.
Raftopoulos A. Reference, perception, and attention // Philosophical Studies. 2009. Vol. 144. № 3. P. 339–360.
Rahnev D., Maniscalco B., Huang E., Lau H. Inattention boosts subjective visibility // Journal of Vision. 2009. Vol. 9. № 8. P. 157–157.
Rey G. Explanation, not experience // Philosophical Studies. 2005. Vol. 126. № 1. P. 131–143.
Spener M. Gilding or Staining the Mind: Introspection and the Metaphysics of Visual Phenomenology. London: King's Research Portal, 2003.
Sperling G. The Information Available in Brief Visual Presentations // Psychological Monographs. 1960. Vol. 74. P. 1–29.

References

Armstrong D. The nature of mind and other essays. St. Lucia: University of Queensland Press, 1980.
Block N. The Grain of Vision and the Grain of Attention // Thought: A Journal of Philosophy. 2012. Vol. 1. № 3. P. 170–84.

Brewer B. Perceptual experience has conceptual content // Contemporary Debates in Epistemology / ed. by E. Sosa & M. Steup. Malden, USA: Wiley-Blackwell, 2005. P. 217–250.

Campbell J., Cassam Q. Berkeley's Puzzle. Oxford: OUP, 2014.

Campbell J. Reference and Consciousness. Oxford: OUP, 2002.

Campbell, J. Sortals and the Binding Problem // Identity and Modality / ed. by F. McBride. Oxford: Clarendon Press, 2006. P. 203–18.

Campbell J. Visual Attention and the Epistemic Role of Consciousness // Attention / ed. by Ch. Mole, D. Smithies, W. Wu. Oxford: OUP, 2011. P. 323–341.

Campbell J. A Straightforward Solution to Berkeley's Puzzle // The Harvard Review of Philosophy. 2012. Vol. 18. № 1. P. 31–49.

Duncan J. Selective attention and the organization of visual information // Journal of Experimental Psychology. 1984. Vol. 113. № 4. P. 501–517.

Fournier L., Shorter S. Is evidence for late selection due to automatic or attentional processing of stimulus identities? // Perception & Psychophysics. 2001. Vol. 63. № 6. P. 991–1003.

Huang L. Characterizing the nature of visual conscious access: The distinction between features and locations // Journal of Vision. 2010. Vol. 10. P. 1–17.

Hudson W. Pictorial depth perception in sub-cultural groups in Africa // Journal of Social Psychology. 1960. Vol. 52. P. 183–208.

Kahneman D., Treisman A., Gibbs B. The reviewing of object files: Object-specific integration of information // Cognitive Psychology. 1992. Vol. 24. P. 175–219.

Kouider S., de Gardelle V., Sackur J., Dupoux E. How rich is consciousness? // Trends in Cognitive Sciences. 2010. Vol. 14. № 7. P. 301–307.

McDowell J. Mind and World. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2000.

Nes A. Acquaintance, Conceptual Capacities, and Attention // Acquaintance: New Essays / Ed. by J. Knowles and T. Raleigh. Oxford: OUP, 2019. P. 191–212.

Pelling Ch. Conceptualism and the (supposed) Non-Transitivity of Colour Indiscriminability // Philosophical Studies. 2007. Vol. 134. P. 211–234.

Phillips I. Perception and Iconic Memory // Mind and Language. 2011. Vol. 26. № 4. P. 381–411.

Putnam H. The Threefold Cord. N. Y.: Columbia University Press, 1999.

Raftopoulos A. Reference, perception, and attention // Philosophical Studies. 2009. Vol. 144. № 3. P. 339–360.

Rahnev D., Maniscalco B., Huang E., Lau H. Inattention boosts subjective visibility // Journal of Vision. 2009. Vol. 9. № 8. P. 157–157.

Rey G. Explanation, not experience // Philosophical Studies. 2005. Vol. 126. № 1. P. 131–143.

Spener M. Gilding or Staining the Mind: Introspection and the Metaphysics of Visual Phenomenology. L.: King's Research Portal, 2003.

Sperling G. The Information Available in Brief Visual Presentations // Psychological Monographs. 1960. Vol. 74. P. 1–29.

Информация об авторе

Коробков Леонид Геннадьевич
соискатель, Новосибирский государственный университет

Information about the Author

Leonid G. Korobkov
postgraduate student, Novosibirsk State University

Статья поступила в редколлегию 01.09.2023;
одобрена после рецензирования 11.10.2023; принята к публикации 14.11.2023

The article was submitted 01.09.2023;
approved after reviewing 11.10.2023; accepted for publication 14.11.2023

Научная статья

УДК 101.1:316; 316.3; 316.47; 316.4.06
DOI 10.25205/2541-7517-2023-3-34-44

Причинные факторы инклюзии и эксклюзии в институциональных процессах общественного развития

Николай Сергеевич Розов

Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

Новосибирский государственный технический университет
Новосибирск, Россия

nrozov@nsu.ru https://orcid.org/0000-0003-2362-541X

Аннотация

Под инклюзией и эксклюзией здесь понимаются явления включения определенной категории лиц в некое сообщество в качестве «своих» и, соответственно, исключения как превращения «своих» в «чужих» и даже во «врагов». Институциональность данных процессов означает, что это не разовые и ситуативные явления, но глубокие сдвиги с долговременными последствиями, предполагающие изменения правил взаимодействий и установок их участников. Разные общества в процессах своего развития переживали инклюзии и эксклюзии по критериям пола, возраста, вероисповедания, этничности, сословного или классового происхождения, уровня и характера образования, профессиональной принадлежности и т. д. В статье на основе общих теоретических принципов и исторических обобщений формулируются причинные условия и факторы, способствующие инклюзиям и эксклюзиям.

Ключевые слова

инклюзия, эксклюзия, социальный институт, престиж, власть, легитимность, благосостояние, политическая борьба

Для цитирования

Розов Н. С. Причинные факторы инклюзии и эксклюзии в институциональных процессах общественного развития // Сибирский философский журнал. 2023. Т. 21. № 3. С. 34–44. DOI 10.25205/2541-7517-2023-21-3-34-44

© Розов Н. С., 2023

Causal factors of inclusion and exclusion in institutional processes of social development

Nikolai S. Rozov

Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

Novosibirsk State Technical University
Novosibirsk, Russian Federation

nrozov@nsu.ru https://orcid.org/0000-0003-2362-541X

Abstract

By inclusion and exclusion here we mean the phenomena of inclusion of a certain category of persons into a certain community as "insiders" and, accordingly, exclusion as transformation of "insiders" into "outsiders" and even into "enemies". The institutional nature of these processes means that they are not one-time and situational phenomena, but deep shifts with long-term consequences, entailing changes in the rules of interaction and attitudes of their participants. In the course of their development, different societies have experienced inclusion and exclusion according to the criteria of gender, age, religion, ethnicity, class social origin, level and nature of education, professional affiliation, etc. The article formulates causal conditions and factors contributing to inclusion and exclusion on the basis of general theoretical principles and historical generalizations.

Key words

Inclusion, exclusion, social institution, prestige, power, legitimacy, welfare, political struggle

For citation

Rozov N. S. Causal factors of inclusion and exclusion in institutional processes of social development. *Siberian Journal of Philosophy*, 2023, vol. 21, no 3, p. 34–44 (in Russian) DOI 10.25205/2541-7517-2023-21-3-34-44

Шкала инклюзивности / эксклюзивности

Рассмотрим в качестве общей переменной направленность новых социальных практик на инклюзивность и эксклюзивность. На первом полюсе настрой состоит в расширении круга «своих», которые необходимо защищать, насилие в отношении которых, даже необходимое (справедливое, законное), нужно ограничивать. На втором полюсе настрой состоит в том, чтобы отделять и дискриминировать «чужих» по какому-то явному признаку.

Эксклюзивные практики также состоят в том, чтобы среди «чужих» и даже среди «своих» выделять «врагов», которые вообще не достойны никакой жалости и снисхождения, не имеют права на голос и попытки оправдания, на жизнь, избавление от пыток и даже на достойную смерть. Ярким примером является традиция «расчеловечивания» в военное время, когда врагов называют и представляют не людьми, а зверями, чудовищами, крысами, тараканами и т. п.

Есть ли какие-то общие структурные причины в социальных отношениях и порядках [Мертон, 1991], строе культурных образцов [Кребер, 2008] или групповой психике, установках, фреймах [Гофман, 2004], которые обусловливают сдвиги идей, социальных практик и структур в сторону инклюзивности или эксклюзивности?

Воспользуемся универсальной функциональной схемой, в соответствии с которой идеи составляют востребованные ингредиенты для формирования новых обеспечивающих структур [Stinchcombe, 1987]. Последние создаются и складываются для обеспечения забот. Здесь нас интересуют не частные индивидуальные преходящие заботы, а крупные, долгоживущие заботы, значимые для элит, государств, бюрократий, влиятельных сословий и классов. Именно такие заботы движут институциональные процессы с долговременными последствиями.

В качестве ближайшей эвристики выступают заботы, связанные с *социальными универсалиями* М. Вебера и М. Манна: политической властью, могуществом-безопасностью, богатством-благосостоянием и престижем-статусом-легитимностью-репутацией [Вебер, 1990; Манн, 2018].

Приходим к формулированию вопросов такого рода: заботы увеличения или сохранения своего положения в аспекте каждой универсалии (см. выше) при каких социальных и/или ментальных (культурных и психических) условиях ведут, скорее, к поддержке и использованию более инклюзивных или более эксклюзивных идей (картин мира, когнитивных схем, фреймов, концептов)?

Заботы укрепления власти как драйверы инклюзивности и эксклюзивности

Заботы политической власти будем здесь понимать как достижение более высокого уровня господства, влияния и укрепление имеющегося уровня в рамках некого условного общества (политии, империи, национального государства). Когда же политические акторы решаются на инклюзию – включение в круг «своих» – новых больших групп населения с предоставлением им новых прав и возможностей?

Такое происходит, когда актор имеет и видит реальные перспективы увеличения своей поддержки от широких слоев. Именно в этих условиях появляется интерес, направленность на то, чтобы дать им статус и права, которых они были лишены ранее. Нередко при этом появляется (отчасти искусственно создается, отчасти естественно складывается) новая широкая категория, а значит и новая престижная защищенная идентичность тех, кто в эту категорию попадает. Самым ярким и распространенным примером является «нация» с прокламируемым политическим и правовым равенством «граждан».

Война североамериканских штатов за независимость и Французская революция породили архетипические образцы учреждения наций и гражданства. Пусть в обоих случаях гражданские права получили только мужчины, к тому же в США только белые и свободные, но сам принцип равенства обнаружил могучий потенциал для последующих сдвигов в направлении инклюзии [Коллинз, 2015].

Те же яркие случаи показывают значимость особых социальных условий, таких как слом прежних социально-политических и геополитических структур, высокая неопределенность с бурным идейным соперничеством, новыми вызовами-возможностями для претендентов на власть, мобилизацией широких масс [Тилли, 2009].

Следует учесть также особые ментальные условия – наличие в общественном сознании, дискурсе концептов нации (народа), гражданства, равенства. Некото-

рые идеи были взяты из мифологизированной гуманистами античной истории («свобода», «народная воля», «общее благо», «выборы», «демократия») и обсуждались образованной элитой в ходе Просвещения XVIII в. Другие идеи, такие, как равенство душ перед Богом, пришли из христианства.

С политическим кризисом, общим напряжением, неопределенностью следует связать также социально-ментальный дисбаланс, когда типичным стало недовольство людей своими институциональными позициями, статусом. В этих условиях разрушение прежних сословных и классовых перегородок, предоставление новым широким группам престижного статуса, особенно с возможностями повышения личного благосостояния, становится весьма перспективной и выгодной стратегией претендентов на власть [Лахман, 2010]. Если же коалиция с такими идеями побеждает, то новые порядки с инклюзивностью обретают институциональное закрепление (в декларациях, конституциях, законах) и особую политическую сакральность.

При рассмотрении условий для развития идей, практик, структур эксклюзивности, заботы, достижения и укрепления власти, могущества / безопасности, престижа-легитимности весьма трудно отделить друг от друга. Каждая стратегия эксклюзии, как правило, применяется для обеспечения всех такого рода забот. Соответственно, будем рассматривать весь этот комплекс как большой мотивирующий драйвер для лишения каких-то групп прав, жизненных благ, свободы или даже жизни.

Наиболее яркими и известными примерами являются антисемитизм в гитлеровской Германии и в послевоенном СССР (борьба с «безродными космополитами»). Добавим сюда коллективизацию 1929 г. (репрессии против «кулаков»), депортацию целых народов (крымских татар, чеченцев), «Ленинградское дело» и «Большой террор» (репрессии против «троцкистов», «врагов народа» и проч.). Чтобы не ограничивать круг примеров двумя архетипичными тоталитарными режимами, включим в рассмотрение репрессии против городского образованного класса в Китае периода «культурной революции» и в полпотовской Кампучии, а также антикоммунистическую «охоту на ведьм» в США 1950-гг. – маккартизм.

Несмотря на всю пестроту различий в этих примерах, можно вычленить следующие значимые инварианты условий и механизмов эксклюзивных практик:

- главный зачинатель и «мотор» репрессий либо уже достиг верховной властной позиции (Гитлер, Сталин, Мао, Пол Пот), либо своей деятельностью весьма успешно на какой-то период достигал своих амбициозных целей (сенатор Маккарти в 1952 г. сыграл важнейшую роль в победе Эйзенхауэра, потом убедил его в правильности своей политики и в 1953 г. стал чуть ли не самой влиятельной фигурой в США);
- контекст текущей, ожидаемой или недавней большой войны; это облегчало связывать внутренних «врагов» с реальным или предполагаемым военным противником; жесткость наказаний, ставшая привычной в военное время, переносилась в практики репрессий;
- в каждом случае имели место более или менее реальные угрозы для политического режима и/или легитимности и власти самого лидера; ставка

на бескомпромиссную суровость к «врагам» на какое-то время действительно помогала укрепить легитимность;

- в каждом случае репрессии осуществлялись под аккомпанемент защиты «высших ценностей», понятных массам и исполнителям («коммунизм», «высшая раса», «великая нация», «демократия»); суровость мер служила свидетельством причастности лидера, его власти и режима к этим ценностям, попавшим под угрозы со стороны «врагов»; кроме того, обеспечивалась широкая мобилизация сторонников с закреплением их роли как участников карательной кампании;
- не обязательным, но и не редким был мотив массового изъятия собственности у «врагов»; крупная собственность конвертировалась в военную силу как фактор могущества и легитимности; мелкие блага (оставленные квартиры и дома) доставались либо исполнителям, либо служили наградным фондом опять же для расширения поддержки лидера и режима.

Заботы могущества / безопасности могут способствовать инклюзивности

При создании и развитии государств-наций вполне типично предоставление равных гражданских прав этническим и расовым меньшинствам. Такие меры направлены на повышение лояльности меньшинств режиму, что облегчает рекрутирование и положительно влияет на боевой дух новобранцев.

Расширяющиеся империи вынуждены каким-то образом обеспечивать лояльность элит присоединенных провинций (если элиты не были уничтожены или не бежали при завоевании). Вполне эффективной бывает стратегия добровольной инкорпорации с демонстрируемой уважительностью к культурной и языковой специфике, с предоставлением равных прав, раздачей титулов и наград, привлечением к элитарным институтам и ритуалам (военные и политические училища, позиции в бюрократии, собрания, балы) и даже поощрение межэтнических браков. Известным примером является успешное обеспечение лояльности грузинской элиты благодаря политике графа Воронцова (1845–1854 гг.).

На противоположном полюсе находится принудительная национальная унификация – запреты на язык и культуру присоединенных провинций или этнических меньшинств, принуждение, устрашение, репрессии. Актуальная политика «окитаивания» уйгуров и казахов в Синьцзяне служит ярким, но далеко не единственным примером. Такую унификацию нельзя расценивать как инклюзивность. Однако следует учитывать этот полюс, поскольку между добровольной, привлекательной инклюзивностью и принудительной унификацией, сопровождаемой репрессиями, угрозами насилия или неприкрытым насилием, есть большая «серая зона». Здесь имперский центр комбинирует «пряники» и «кнуты», причем тоже с разным успехом.

Вполне удачными для Франции конца XVIII – начала XIX в. стали систематические усилия по превращению множественных окраинных этносов (бургундцев, гасконцев и др.) во французов. Наряду со школьным образованием строго на французском языке и социализацией в призывной армии использовались та-

кие «кнуты» как поощряемые в школах насмешки, издевательства над теми детьми, кто в публичном пространстве говорил на местных языках, и такие «пряники» как привлечение на доходные и статусные государственные должности только тех, кто в достаточной мере «офранцузился».

В значительной мере успешным можно считать массовое ополячивание (полонизацию) литовцев в Речи Посполитой XVI–XVIII вв., а также украинцев и белорусов в Польше в 1920–1930-е гг.

Весьма мягко и исключительно успешно в США уже с XVIII в. стали приучать всех эмигрантов к английскому языку, хотя во многих штатах чуть ли не большинство населения говорило на своих родных языках, особенно на немецком, испанском, французском. Именно школьное обучение, перспективы бизнеса и административной карьеры диктовали родителям и детям приоритетность овладения английским языком.

Стимулы к относительно успешному преодолению расовой дискриминации в США имели не только, а может быть и не столько идейный характер (равенство гражданских прав), сколько потребности государства в пополнении армии. Чернокожие были призваны и вполне успешно воевали в обеих мировых и во Вьетнамской войне.

Пожалуй, с какими-то оговорками можно судить об успешности языковой русификации в имперский и советский периоды восточных Украины и Белоруссии, столиц многих присоединенных провинций (позже – союзных и автономных республик): от Риги, Кишинева и Баку до Ташкента, Душанбе, Улан-Удэ и Якутска.

В то же время непоследовательность «национальной политики», когда «коренизация» сменялась репрессиями против «буржуазного национализма», а главное – преимущественная ставка на принуждение при почти не скрываемом шовинизме приводили к отчуждению в отношении имперского центра, тлению и всполохам национально-освободительных настроений и движений. Все эти факторы, включая накопленные обиды, сыграли роль в распаде СССР, в последующих напряжениях, конфликтах и войнах на постсоветском пространстве.

Выгода собирать и выгода разбрасывать

Для обеспечения забот богатства-благосостояния нередко бывает выгодно включать в круг полноправных тех, кто ранее был ущемлен. Новые права для ранее исключенного контингента позволяют использовать его в экономических структурах, что увеличивает их доходность.

Крестьянам, даже крепостным, стали разрешать торговать на рынках своей продукцией ровно тогда, когда хозяевам, землевладельцам стало необходимо монетизировать свои доходы, а государствам – получать налоги в денежной форме.

Когда для растущего капитализма стал необходим рынок земли, в государствах с самыми прозорливыми государственными деятелями, такими как Наполеон Бонапарт, были резко расширены права продажи земельных участков, в том числе даже наследственных (вотчин).

Для новых растущих производств обычно нужна новая рабочая сила. Традиционное марксистское объяснение сугубо экономических выгод Севера от отме-

ны рабства как мотива Гражданской войны сомнительно, но вряд ли правильно полностью исключать такого рода мотивы.

Быстрое и последовательное расширение доступа к среднему и высшему образованию в европейских, а затем и во множестве других стран всегда происходило под аккомпанемент благозвучной риторики о благотворности знаний, культуры, просвещения. Однако нельзя отрицать заинтересованность правителей, чиновников и промышленных, финансовых элит в массовом пополнении хозяйства, инженерии грамотной и подготовленной рабочей силой.

Когда же бывает в экономическом плане выгодна эксклюзивность – лишение и ущемление прав, интересов?

Пожалуй, подавление реальных или потенциальных соперников в конкурентной среде остается широко распространенным типом практик. Чем более простые и явные отличия конкурентов, от которых хочется отгородиться, чем легче вызвать к ним недоверие, отчуждение, вражду со стороны масс, правителей, бюрократии и легислатур, устанавливающих законы, тем скорее следует ожидать соответствующих ограничений. Ущемляют и ограничивают в правах обычно продавцов и производителей по признакам местожительства, вероисповедания, расы и этничности. Когда эти границы стали делегитимированы, появились новые «рогатки», связанные с экологией, защитой животных, неприятием вредных для здоровья производств и т. п.

Почему становилось достойным и нормальным делать полноправными ранее ущемленных

Вначале рассмотрим условия для развития идей и практик инклюзивности для забот престижа-репутации. Связанность сходных забот повышения своей легитимности (статуса, авторитета) с укреплением власти и могущества была рассмотрена выше. Речь здесь пойдет о том, что при каких-то обстоятельствах борющиеся за власть акторы решают повысить свою легитимность за счет признания равенства прав и возможностей своих сограждан, законности равных притязаний на доступ к социальным благам: образованию, роду занятий, пользованию родным языком, заключению браков и т.д. [Екадумов, 2022].

На поверхности видна значимость принципов равенства, мотивирующих и поощряющих инклюзию – включение ранее отверженных в круг полноправных. Благодаря тем же принципам поддерживается инклюзивный порядок, когда отрицающие их, приветствующие или практикующие эксклюзию (дискриминацию, ущемление или лишение прав) каких-либо групп по категориальному признаку подвергаются моральному порицанию, последующей диффамации в публичном пространстве, тем или иным санкциям.

Есть ли более глубокие основания и факторы, питающие убежденность в принципах равенства? Укажу только на пять источников из них, хотя перечень явно не полон.

- В священных текстах крупнейших религий, в мифах и фольклоре многих народов есть максимы, пословицы, поговорки, утверждающие симметрию и равенство как в отношении воздаяний за добро или зло,

так и шире – между людьми: «око за око...», «золотое правило морали» во всевозможных версиях, «что посеешь, то и пожнешь», «долг платежом красен» и т.д. и т.п.

- В самих языках есть структуры, не только позволяющие, но даже мотивирующие, провоцирующие утверждать равенство, протестовать против неравенства и несправедливости: «почему ему можно, а мне нельзя?», «почему я должен это делать, а ты – нет?» Разумеется, в иерархических, особенно сословных и кастовых обществах такого рода вопросы либо вообще не возникают, либо подавляются в зародыше. Однако это требует солидного и внушительного арсенала мировоззренческих, как правило, религиозных обоснований.
- Та же неизбывная возможность утверждать симметрию и протестовать против неравенства и несправедливости есть в любых взаимодействиях, в которых участники изначально не приняли иерархию. Порождается ли эта возможность структурами языка (см. выше), либо сами эти структуры появились благодаря таким горизонтальным взаимодействиям, – это вопрос, схожий с проблемой «первичности» курицы или яйца. Решается же он признанием круговой связи, постоянным взаимным порождением и подкреплением.
- Солидарность в каком-либо сотрудничестве, особенно в совместных опасных военных действиях («боевое братство») способствует не только согласию с равенством, но также сильному и устойчивому взаимному доверию. Такое доверие нивелирует прежние разделявшие перегородки, не только классовые, но даже конфессиональные, расовые, этнические. Поэтому участие в больших и успешных социальных проектах, в славных триумфальных войнах – могучий фактор для сдвигов в сторону инклюзивности.
- Нельзя убрать со счетов политическую победу группы, партии, коалиции тех, кто прокламировал и в какой-то мере принял принципы равенства. Утверждение и реальное обеспечение равенства гражданских прав в странах Европы и Северной Америки либеральные идеологи и публицисты склонны объяснять «извечной тягой к свободе» этих народов. Более реалистично проследить, кто, когда и как стал проповедовать и внедрять в конституции, законы, системы образования соответствующие принципы. Изначально, это были либо победители в революциях, революционных войнах и кризисах (в Нидерландах, Великобритании, США, Франции), в дальнейшем – победители на выборах.
- Вероятно, действует механизм «идеологической инерции». В обществах, где уже приняты и институализированы идеи равенства (гражданского, гендерного, расового), появляются настрой, цели, движения по расширению инклюзивности на другие сферы: в отношении сексуальных меньшинств, всевозможных новаций в сфере гендера, криминализованных и / или морально неодобряемых занятий, таких как проституция, порноиндустрия и т. п. Лица, особенно публичные фигуры – журналисты, телеведущие, университетские профессора, политики, – которые высказыва-

ются или выступают против такого расширения прав, против инклюзии, подвергаются суровой публичной критике, рискуют быть причисленными к осуждаемой категории, получить маркер носителей морально неприемлемых взглядов.

Почему становилось достойным и нормальным лишать сограждан прав, изгонять их и даже убивать

Несложно указать на главные мотивы эксклюзивности, связанные с заботами о своих репутации, престиже, достоинстве. Сюда относится стремление принадлежать сообществу, статусной категории: нации, народу, правоверным, цивилизованным, культурным, образованным, поскольку именно через эксклюзию – отвержение «недостойных» – люди наиболее явно и убедительно утверждают свою принадлежность к «достойным» [Блок, 2003; Элиас, 2001].

С принадлежностью и социальным членством всегда связана сопричастность к ценностям и святыням. Соответственно, становится важным обвинять отверженных в неуважении или предательстве этих святынь [Гофман, 2009].

Смежным мотивом является моральное возмущение иногда реальными, но обычно выдуманными преступлениями, виновными в которых считаются представители исключенных категорий. Так для белого расизма особенно характерны были обвинения чернокожих в сексуальном насилии, среди антисемитов были в ходу обвинения евреев в «принесении в жертву христианских младенцев», в той же логике колонисты нередко обвиняли изгоняемых, истребляемых индейцев в каннибализме и т. д.

Некоторые социальные условия для возникновения и развития этих мотиваций просты и известны. Таков военный антагонизм, когда врагам приписывают вселенское зло, расчеловечивают их. Таково культурно укорененное отчуждение, особенно между долго враждующими сообществами разных конфессий, этносов, языков.

Затруднительно указать на другие условия, не столь явные и распространенные. В качестве эвристики и промежуточного хода рассмотрим настрой на «очищение рядов» с попытками мировоззренческой (религиозной, идеологической) унификации, борьбой со всевозможными «ересями» и «уклонениями». Здесь подсказкой служит недоверие к разнообразию, неприятие его. Лидеры и проповедники «очищения» по каким-то причинам заинтересованы в прекращении свободного обмена мнениями и споров между равными, где важны аргументы, а не власть и угрозы насилия.

Предположительно, в главные условия входит следующее сочетание ментального и социально-структурного факторов. Поборники «очищения» как идейной унификации не уверены в полном превосходстве своей мировоззренческой платформы, подрыв которой грозит обрушить их авторитет, статус, влиятельность, властные позиции. При этом они обладают достаточными административными и силовыми ресурсами для подавления «ересей» в широком смысле. Мало кому удается при таких условиях преодолеть соблазн расправиться со всеми актуальными и потенциальными оппонентами.

Высказанные тезисы о типовых причинах институциональных процессов инклюзии и эксклюзии отчасти следуют из общих принципов социальных взаимодействий, отчасти являются результатом исторических обобщений. Они имеют статус не надежно обоснованного знания, но правдоподобных гипотез, требующих операционализации, проверки и уточнения на материале разных обществ и культур. Но это уже другой научный жанр, требующий специальных познавательных средств [Коллинз, 2015; Розов, 2009].

Список литературы

Блок М. Феодальное общество. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2003. 504 с.

Вебер М. Избр. соч. М.: Прогресс, 1990. 808 с.

Екадумов А. И. Инклюзия против привилегий: мотивы лояльности социальным порядкам // Журн. Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология. 2022. № 1. С. 27–31.

Гофман И. Анализ фреймов. Эссе об организации повседневного опыта. М.: Ин-т социологии РАН, 2004. 752 с.

Гофман Э. Ритуал взаимодействия: Очерки поведения лицом к лицу. М.: Смысл, 2009. 319 с.

Коллинз Р. Макроистория. Очерки социологии большой длительности. М.: УРСС, 2015. 499 с.

Кребер А. Избранное: Природа культуры. М.: РОССПЭН, 2004. 1008 с.

Лахман Р. Капиталисты поневоле. Конфликт элит и экономические преобразования в Европе раннего нового времени. М.: Территория будущего, 2010. 456 с.

Манн М. Источники социальной власти. М.: Дело, 2018. Т. 1. 760 с.

Мертон Р. К. Референтная группа и социальная структура. М.: АСТ, 1991. 873 с.

Розов Н. С. Историческая макросоциология: методология и методы. Новосибирск: НГУ, 2009. 413 с.

Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. М.; СПб.: Университ. книга, 2001. т. 1. 332 с.

Stinchcombe A. Constructing Social Theories. Univ. of Chicago Press, 1987. 303 p.

References

Bloch M. Feudal Society. M.: Sabashnikov, 2003. 504 p. (in Russian)

Collins R. Macrohistory. Essays in Sociology of the Long Run. M.: URSS, 2015. 499 p. (in Russian)

Ekadumov A. I. Inclusion vs. privileges: motives of loyalty to social orders // Jurnal Belarusskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Filosofia. Psikhologia. 2022. № 1. P. 27–31. (in Russian)

Elias N. On the Process of Civilization. Sociogenetic and Psychogenetic Studies. M.; St. Petersburg: Universitetskaya Kniga, 2001. vol. 1. 332 p. (in Russian)

Goffman E. Frame Analysis. An *Essay on the Organization of Experience*. M.: Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences, 2004. 752 p. (in Russian)

Goffman E. Interaction Ritual: Essays on Face-to-Face Behavior. M.: Smysl, 2009. 319 p. (in Russian)
Kroeber A. Selected works: The Nature of Culture. M.: ROSSPEN, 2004. 1008 p. (in Russian)
Lachmann R. *Capitalists* in Spite of Themselves: *Elite Conflict* and *Economic* Transitions in *Early Modern Europe*. M.: Territoria Buduschego, 2010. 456 p. (in Russian)
Mann M. Sources of Social Power. Moscow: Delo, 2018. Vol. 1. 760 p. (in Russian)
Merton R. K. Reference Group and Social Structure. M.: AST, 1991. 873 p. (in Russian)
Rozov N. S. Historical Macrosociology: Methodology and Methods. Novosibirsk: Novosibirsk State University, 2009. 413 p. (in Russian)
Stinchcombe A. Constructing Social Theories. Univ. of Chicago Press, 1987. 303 p.
Weber M. Selected works. M.: Progress, 1990. 808 p. (in Russian)

Информация об авторе

Розов Николай Сергеевич, доктор философских наук, профессор,
главный научный сотрудник, Институт философии и права СО РАН,
профессор кафедры социальной философии, Новосибирский государственный университет,
профессор кафедры международных отношений и регионоведения, Новосибирский государственный технический университет

Information about the Author

Nikolai S. Rozov, Doctor of Science (Philosophy), Professor,
Chief Researcher, Institute of Philosophy and Law SB RAS,
Professor, Department of Social Philosophy, Novosibirsk State University,
Professor, Department of International Relations and Regional Studies, Novosibirsk State Technical University

Статья поступила в редколлегию 26.06.2023;
одобрена после рецензирования 20.09.2023; принята к публикации 14.11.2023
The article was submitted 26.06.2023;
approved after reviewing 20.09.2023; accepted for publication 14.11.2023

Научная статья

УДК 179
DOI 10.25205/2541-7517-2023-21-3-45-56

Проблема оправдания пыток в аналитической этике 1970–1980-х гг.

Иван Иванович Дятлов

Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

Специализированный учебно-научный центр НГУ
Новосибирск, Россия

i.diatlov@g.nsu.ru, https://orcid.org/0000-0002-3436-0368

Аннотация

В статье реконструируется краткий период интенсивных дебатов по вопросам обоснованности и оправданности пыток в начале 1970-х – середине 1980-х гг. Показано, что на возникновение дискуссии о моральности пыток повлияли следующие факторы. Во-первых, впервые сформулированная дилемма «грязных рук», которая в аналитической традиции оказалась важнейшим инструментом анализа соотношения целей / средств. Во-вторых, создание такого теоретического и прикладного направления философских исследований как теория справедливой войны. Хотя и следует признать, что перенос эвристик справедливой войны как способ аргументации в пользу применения пыток оказался мыслительным тупиком, однако он позволил нащупать возможности и ограничения новых теоретических разработок в сфере моральной философии, что всегда является необходимым этапом для реитерации дебатов.

Ключевые слова

Майкл Уолцер, пытки, теория справедливой войны, грязные руки, честная схватка, Генри Шу, меньшее зло

Для цитирования

Дятлов И. И. Проблема оправдания пыток в аналитической этике 1970–1980-х гг. // Сибирский философский журнал. 2023. Т. 21, № 3. С. 45–56. DOI 10.25205/2541-7517-2023-21-3-45-56

The Problem of Justifying Torture in Analytical Ethics in the 1970s-1980s

Ivan I. Diatlov

Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science
Novosibirsk, Russian Federation

© Дятлов И. И., 2023

Specialized Educational Scientific Center of Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

i.diatlov@g.nsu.ru, https://orcid.org/0000-0002-3436-0368

Abstract

The article reconstructs a brief period of intensive debates on the legitimacy and justification of torture in the early 1970s to the mid-1980s. It is shown that the emergence of the discourse on the morality of torture was influenced by the following factors. Firstly, the formulation of the "dirty hands" dilemma, which in the analytical tradition became a crucial tool for analyzing the relationship between ends and means. Secondly, the establishment of a theoretical and applied field of philosophical research known as the just war theory. Although it should be acknowledged that the transfer of heuristics from the just war theory as a means of argumentation in favor of torture proved to be a philosophical deadlock, it allowed for the exploration of possibilities and limitations of new theoretical developments in the field of moral philosophy, which is always a necessary stage for the reiteration of debates.

Keywords

Michael Walzer, torture, just war theory, dirty hands, fair fight, Henry Shue, lesser evil

For citation

Diatlov I. I. The Problem of Justifying Torture in Analytical Ethics in the 1970s-1980s // *Siberian Journal of Philosophy*, 2023, vol. 21, no. 3, p. 45–56. (In Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2023-21-3-45-56

В аналитической традиции философских исследований на протяжении 1970–1980-х гг. происходил настоящий бум публикаций по моральной философии, что плодотворно сказалось на дискуссии о ценностях и долженствовании. Затронула эта волна исследовательского интереса и такую чувствительную тему, как пытки. Естественно, что многие идеи и аргументативные цепочки не были созданы *ex nihilo*, что хорошо иллюстрируют работы современных историков философии [Parrish, 2007]. Однако, возникнув в контексте академических споров среди представителей аналитической традиции, старые идеи приобрели новое звучание.

Для нового витка дискуссии об оправданности пыток оказались критически важными следующие события.

1. Уверенный успех различного рода гуманистических платформ и общий фокус внимания на правах человека после ужасов Второй мировой войны. Доктрины, которые разрабатывались теоретиками как гуманистических платформ, так и международных юридических документов, апеллировали к моральному измерению при анализе человеческих поступков и действий, особенно когда речь шла о действиях, которые совершают государства или совершаются от имени государства по отношению к индивидам (насилие, принуждение и пр.).

2. Выход фундаментальной книги Джона Ролза [Ролз, 2010]. Философ выдвигает свою собственную концепцию справедливости (*theory of justice*). Все это приводит к тому, что политические практики вообще и важнейшие политические решения в частности начинают изучаться и дебатироваться в рамках моральной теории, где разрабатываются сложные критерии-ограничения на некоторые классы действий. Хотя сам Ролз не был сторонником какого-то конкретного прикладного проекта, однако он вдохновил исследователей на создание множества

концептуальных схем перераспределения доходов и новый институциональный дизайн экономики (включая, скажем, безусловный базовый доход).

3. Интерес американского философа Майкла Уолцера к этической проблематике, которая последовательно развивалась им на протяжении 1970-х гг. Сперва философ, по существу, переформулировал традиционную дилемму соотношения целей и средств, что получило в аналитической этике название «грязные руки» (*dirty hands*) [Walzer, 1973]. В дальнейшем он ввел эту проблематику в более широкий контекст теории справедливой войны [Walzer, 1977] и даже своей собственной концепции справедливости [Walzer, 1983].

Вышеуказанные факторы сформировали контекст академических споров по вопросам обоснованности и оправданности насилия, прежде всего политического.

Концепция грязных рук и обоснование допустимости пыток

Знаменитый американский философ Майкл Уолцер опубликовал в 1973 году статью с одноименным названием – *Political Action: The Problem of Dirty Hands* [Walzer, 1973], чем возобновил старую и почтенную дискуссию по данному вопросу. Название своей статье Уолцер позаимствовал у пьесы Жан-Поля Сартра «Грязные руки» (в другом переводе – «Грязными руками»), в которой есть следующие знаковые и определившие дальнейшую дискуссию слова коммуниста Хёдерера:

«Вот именно. На сегодняшний день это лучшее средство. (Пауза.) Как ты озабочен своей чистотой, дружок! Как ты боишься запачкать руки! Ну что ж, оставайся незапятнанным. Кому это нужно и зачем ты к нам пришел? Чистота – забота аскета или монаха. Вы, интеллигенты и буржуазные анархисты, пользуетесь ею как предлогом, чтобы бездельничать. Сидеть сложа руки, оставаться неподвижными, прижав локти к туловищу и натянув перчатки. У меня руки грязные. Грязные по локоть. В дерьме и крови. А ты думал, можно руководить и не запачкаться?» [Сартр, 1999, с. 280]

Уолцер утверждает, что любая политическая активность имплицитно подразумевает совершение морально неприемлемых поступков. Любые политические и военные элиты неизменно будут оказываться в ситуации, где им не избежать аморальных действий, включая целенаправленные убийства невинных людей. Классический мысленный эксперимент о пытках, приводимый в статье, следующий.

«Представим себе политика, который воспользовался национальным кризисом (долгой, затяжной колониальной войной) для того, чтобы достичь власти. Он и его верные сторонники заняли кабинет на основе обещаний по деколонизации и обеспечению мира. Они честно хотят и того, и другого, хотя и не без своей выгоды. В любом случае, они не несут ответственность за развязанную войну, они находятся в оппозиции к ней. Политик незамедлительно выдвигается в колониальную столицу, чтобы начать переговоры с повстанцами. Однако выясняется, что в столице развернута целая террористическая повстанческая кампания, и первое, с чем сталкивается политический лидер, это с требованием санкционировать пытки пойманного лидера повстанцев, который знает или **возможно**

(выделено автором. – *Д. И.*) знает о местонахождении спрятанных бомб в жилых домах по всему городу. Эти бомбы взорвутся в следующие 24 часа. Политик отдает приказ о пытках, убежденный в том, что он должен это сделать, иначе от взрывов погибнет множество людей. Политик принимает это решение, несмотря на свою искреннюю убежденность в неприемлемости пыток, не просто иногда, но всегда. Он демонстрировал данное убеждение часто и агрессивно на протяжении всей избирательной кампании. Все воспринимали это как знак его благонадежности. Как нам следует теперь относиться к нему? (Как ему следует относиться к самому себе?)»[1] [Walzer, 1973, p. 166–167].

Структура данной проблемы (в том виде, в котором ее представил Уолцер) включает в себя как минимум два компонента:

1) оппозицию между абсолютными запретами и «чрезвычайными обстоятельствами» (*emergency circumstances*). Здесь мы сталкиваемся с попыткой преодолеть моральные запреты без отрицания реальности самой моральной дилеммы. Мы знаем, что запрет на пытки и убийства настолько фундаментален, что, даже будучи уверены в правильном поступке (как политик, одобривший пытки), мы чувствуем моральную вину и глубокую ответственность за принятое решение или совершенный поступок;

2) утилитарную калькуляцию ущерба и последствий, в свете которых фундаментальные моральные ограничения на безнравственные поступки не могут перевесить ужасных обстоятельств, в рамках которых приходится принимать решение. Как об этом упоминает сам Уолцер, пересказывая Макиавелли в краткой и сжатой формуле: «Лес рубят – щепки летят»[2] [Walzer, 1973, p. 175].

Взгляды Уолцера с течением времени менялись, и описать их эволюцию подробно нет возможности. Отметим лишь несколько наиболее важных моментов.

В статье 1973 года утверждается возможность существования сценария грязных рук в бытовой и приватной сферах. Для Уолцера данная проблема не являлась исключительно политической. Его утверждение заключалось лишь в том, что сценарий грязных рук реализуется наиболее драматичным и разрушительным образом именно в политической сфере, исходя из следующих соображений: а) именно в политике явно и отчетливо задействуется ресурс политизации и мобилизации масс, как правило, при помощи лозунгов деятельного участия и поступков во имя других (соседа, государства, общества); б) в то же время политическая сфера включает собственную логику реализации власти и собственно властные интересы элит, что реализуется как власть над другими; в) реализация власти ни в какой другой сфере человеческого бытия не реализуется так наглядно при помощи силового принуждением и открытого насилия по отношению к тем, от имени которых эта власть осуществляется, как в сфере политической.

Уолцер ужесточил свои критерии допустимости насилия в результате наступления чрезвычайных обстоятельств. Если в ранних работах для совершения глубоко аморального, но правильного поступка требовались лишь экстремальные и экстраординарные обстоятельства (как ситуация с вышеописанным политиком), то в более поздних работах [Walzer, 2004] речь идет об уничтожении целых

[1] Перевод мой. – *Д. И.*

[2] Приблизительный парафраз лаконичного высказывания «*when the act accuses, the result excuses*».

народов и радикального изменения основ жизни сообществ. Уолцер стал утверждать, что преступить фундаментальные моральные ограничения можно лишь тогда, когда на карту поставлено не меньше, чем вопрос текущей выживаемости сообщества и опасности массового уничтожения.

Заметим также, что многие исследователи сразу разделились во мнениях: кто-то последовал за аргументами раннего Уолцера и стал еще дальше проблематизировать и даже релятивизировать моральные основы политической жизни [Levy, 2007]. Другая часть исследователей вовсе отрицали содержательную сторону проблемы грязных рук [Nielsen, 2007]. Однако общий итог обсуждения дилеммы грязных рук скорее оказался положительным для аналитической этики, что отражается на обилии публикаций по данной проблематике.

Связь теории справедливой войны *(just war theory)* и обоснования пыток

Майкл Уолцер оказался не только в числе тех, кто возобновил дискуссию о соотношении целей / средств, но также признается бесспорным авторитетом в вопросах моральности войны. По существу, его книга является первым и уже классическим образцом построения теории справедливой войны на основе секулярных принципов. И хотя сам Уолцер признает, что опирается на идеи многих своих коллег и пользуется результатами плодотворных дискуссий[3], его книга по масштабу замысла и смелым суждениям не уступает фундаментальному труду голландца из далекого XVII века – Гуго Гроцию [Гроций, 1956].

Связь же новой доктрины с аргументацией в пользу применения пыток хотя и не выглядит очевидной, но является закономерным следствием усиленного поиска убедительных доводов. Если ранее приходилось апеллировать к мысленным экспериментам и утилитарным доводам, то теперь оказалось, что формальная рамка теории справедливой войны предлагает новый и серьезный аргумент в защиту пыток. Таким образом, на короткий период времени популярность оправдания пыток оказалась связана с деятельностью тех теоретиков, которые пытались использовать моральное мышление в рамках теории справедливой войны, применяя его к пыткам.

Сторонники пыток используют моральную схему оправдания убийства на войне, пытаясь развернуть это обоснование и в сторону пыток. Философская спекуляция происходит на основе традиции справедливой войны (*just war theory*) [Lauritzen, 2010]. У нас есть ключевая философская предпосылка о том, что живое состояние весомее и ценнее, чем прекращение существования (*non-existence*). Тогда мы делаем дальнейшее утверждение о том, что убийство по определению хуже, чем пытки, поскольку смерть – это навсегда и окончательно, а пытки обеспечивают либо временную дисфункцию, либо постоянную инвалидность. И тем не менее пытка не является прекращением жизни. Следовательно, если существуют обстоятельства, в которых мы способны оправдать убийство (при ведении справедливой войны, например), значит существует некоторый набор обстоятельств, в которых пытки будут морально оправданы.

[3] Сам Уолцер упоминает Томаса Нагеля, Ричарда Брандта, Ричарда Хэара и Бернарда Уильямса.

Поскольку аргумент о правомерности пыток строится на допущении из теории справедливой войны, то, опуская детали, аргумент можно изобразить следующим образом.

П1: убийство хуже, чем пытки (поскольку убийство является полной, окончательной терминацией процесса функционирования живого существа);

П2: существуют особые обстоятельства, в которых мы допускаем справедливое убийство (в случае справедливой войны, например);

Вывод: следовательно, если допустимо убийство, то допустимо и менее ужасное деяние (пытки).

Несмотря на видимую непротиворечивость такого аргумента, не все согласились с вышеуказанными рассуждениями. Один из самых ранних ответов последовал от американского философа Генри Шу, специализирующегося в сфере международных отношений и конфликтов. Профессор Генри Шу посвятил свою работу [Shue, 1978] критике морального мышления сторонников пыток, вскрывая проблемы такого обоснования. Именно Генри Шу впервые сформулировал строгое деонтологическое ограничение, которое пытки не могут пройти по определению.

Философ полагает, что представленный аргумент можно расписать подробнее, поскольку каждая посылка требует пояснения. Это нужно для того, чтобы понять, где пролегает граница между собственно формальной рамкой теории справедливой войны, и импликациями в сторону пыток. Также это полезно сделать для того, чтобы оголить потенциально слабые места аргументации и увидеть перспективы для конструктивной критики. В своей статье Генри Шу следующим образом реконструирует формальную структуру аргумента (**шаг А**):

1) справедливое убийство на войне является полным физическим уничтожением противника;

2) пытки обычно являются средством по причинению частичной деструкции человека или временной дисфункции;

3) полное физическое уничтожение является бóльшим ужасом, чем частичная деструкция человека;

4) следовательно, справедливое убийство на войне обычно является бóльшим злом, чем применяемые пытки.

Здесь заканчивается линия рассуждений в русле теории справедливой войны и начинаются импликации о моральной оправданности пыток **(шаг Б)**:

1) поскольку справедливое убийство на войне является бóльшим злом, чем пытки,

2) и справедливое убийство на войне иногда морально допустимо,

3) следовательно, пытки иногда морально допустимы [Shue, 1978, p. 125–126].

Генри Шу справедливо полагает, что такая реконструкция позволяет лучше понять аргумент и его опорные предпосылки. Он заявляет, что у нас есть все основания сомневаться в представленном аргументе. По большому счету, вся позиция обоснования держится на центральном принципе «если допустим больший урон, то допустим и меньший урон, меньшее зло». Однако требуется больше аргументативных цепочек в обоснование того, почему одно с необходимостью влечет за собой другое. Мы можем утверждать, что «бóльший урон» проходит через обо-

снование одними критериями, в то время как «меньший урон» должен соответствовать другим критериям.

Сам философ наметил два сценария критики, по одному из которых он предложил свои рассуждения, а другой сценарий оставил в наследство последующим исследователям. Две основных стратегии критики следующие: а) мы атакуем общую методологическую предпосылку о применимости морального мышления в рамках справедливой войны (*just war theory*) и заявляем, что пытка под эту формальную рамку не подходит и не может подойти; б) мы сомневаемся в предпосылке № 3 (пытка лучше, чем смерть) и заявляем, что это просто неверно. На самом деле при определенных обстоятельствах пытки даже хуже и ужаснее, чем убийство.

Критерий честной схватки *(fair fight principle)*

Современная теория справедливой войны состоит из трех больших разделов [Meisels, 2017]. *Jus ad bellum* посвящен обоснованию принципов, позволяющих вступить в войну таким образом, чтобы повод к вступлению в войну был безусловно справедлив. *Jus in bello* предполагает изучение и обоснование принципов, которыми должны руководствоваться стороны в военном конфликте, чтобы их поведение на войне можно было квалифицировать как справедливое. *Jus post bellum* изучает принципы, руководствуясь которыми следует заключать мирные соглашения и выстраивать послевоенный мир.

В 1970-е гг. существенных наработок *jus post bellum* практически не было. Однако теоретические разделы *jus ad bellum* и *jus in bello* были подробно разработаны в книге Майкла Уолцера. Поскольку пытки относятся только к справедливому поведению на войне, то на данном разделе и целесообразно остановиться.

Философ Генри Шу обращает внимание, что понятие «справедливая война» включает в себя строго прописанный кодекс правильного, должного поведения на войне. Именно поэтому мы и называем такое поведение на войне справедливым. Один из самых важных принципов данной теории, *jus in bello* (поведение на войне), предписывает строгое соблюдение нормы на ненасилие для тех категорий населения, которые обладают иммунитетом от нападения. Так, в теории справедливой войны появляется базовое разделение на комбатантов и нонкомбатантов. Данный принцип предполагает, что воевать должны взрослые, вооруженные, аффилированные к государству либо к военной организации люди, в то время как мирное население не должно вовлекаться в боевые действия, и оно пользуется военным иммунитетом. Стандартный способ различения тех, кого можно убивать, а кого нельзя, заключается в делении на два непересекающихся мира – военных и гражданских лиц. Солдаты в условиях военного конфликта теряют свой иммунитет: они могут быть убиты в любой момент, поскольку каждое нападение воспринимается в качестве самозащиты. Такое восприятие связано с понятием «угрожающая позиция», которую занимают солдаты по определению: они знают, как обращаться с оружием, они имеют к нему доступ и могут применять летальное оружие. Они открыто носят его, обозначая свою «угрожающую позицию». Убийства в военное время квалифицируются как самооборона и не преследуются в судебном порядке. Однако гражданское население не имеет таких навыков, не носит оружия и не представляет «угрожающую позицию».

Все это предполагает минимизацию ненужных разрушений, концентрацию военных операций только на стратегически важных объектах, и общее уважение к достоинству и личности граждан, которые не занимают «угрожающую позицию» (не вооружены). В любой справедливой войне должна быть специальная зона безопасности, где будут находиться люди, которые не способны себя защитить и не обладают ни желанием, ни специальной подготовкой для ведения боевых действий.

По большому счету, принцип *jus in bello* предполагает конструирование условий честной, конкурентной схватки. В свою очередь, честная схватка предполагает такую диспозицию, при которой у каждого есть шанс выжить, убив или взяв в плен своего соперника в бою. У каждой стороны в честной, справедливой схватке есть равный шанс выиграть схватку либо проиграть ее. И хотя мы не всегда можем обеспечить паритет сил, а также равную вероятность как победы, так и проигрыша, тем не менее на войне при боевом столкновении акторы не являются беззащитными и имеют все шансы ответить встречным огнем.

Далее Генри Шу формулирует самую важную моральную интуицию. Почему мы испытываем моральное отвращение, даже когда просто пытаемся подумать о пытках? Мы испытываем моральный ужас перед пытками, потому что пытки не могут удовлетворить даже этому простому критерию честной схватки (*fair fight*). Почему пытка ему не удовлетворяет? Потому что пытка всегда начинается только тогда, когда схватка закончена. Пытают только проигравших. Пытаемый не является человеком, который способен оказать равное или хотя бы какое-либо сопротивление. Теперь он беззащитный. И победитель начинает новую атаку, но уже на беззащитного.

Предложенное различение позволяет нащупать концептуальную разницу между типовой ситуацией вооруженного столкновения и пытками. В случае с пыткой жертва всегда находится в абсолютно беспомощном положении: она не может дать сдачи, защитить себя. Нет никакой возможности противостоять. Палач – это актор, который по определению действует безнаказанно во время проведения пытки.

Соответственно, аналогия с войной не работает по той простой причине, что эвристика справедливого военного конфликта мало чем схожа с типовой ситуацией пыток, а значит перенос принципов из одного контекста в другой оказывается неубедительным и теряет свою первоначальную аргументативную силу.

Феноменология пыток

Философ Генри Шу указал два основных пути критики аргумента: а) критика концептуальной применимости моральных принципов из теории справедливой войны к пыткам и б) критика посылки, согласно которой смерть является меньшим злом, нежели пытки. Если первый сценарий был предложен и обоснован самим Генри Шу, то на второй исследователь лишь указал как на перспективное направление мысли. И хотя этот сюжет уже выходит за рамки обозначенной темы, поскольку переступает хронологические рамки 1970–1980-х гг. XX века, однако было бы некорректно обойти молчанием дальнейшее развитие критики и не охарактеризовать основные критические выпады.

Феноменология пыток нацелена на изучение и описание субъективного опыта переживания пыток индивидом. И хотя это отдельная область исследований, данные феноменологии пыток (по существу, эмпирические свидетельства), можно плодотворно использовать в качестве поддержки либо критики аргументов. Данные феноменологии пыток свидетельствуют как раз об обратном: пытка калечит жизнь, ментальное и физическое здоровье, превращая существование человека в незаживающую травму, которая постоянно напоминает человеку о пережитом экзистенциальном ужасе [Moore, Swanson, 2018].

Столь долгое становление феноменологии пыток также имеет свое объяснение. Во-первых, первые убедительные суждения о пытках на твердой эмпирической базе основывались на мемуарном корпусе переживших пытки и лагеря времен Второй мировой войны. Автобиографический материал накапливался постепенно на протяжении 50–60-х гг. XX века. Во-вторых, должен был появиться соответствующий язык описания, что было невозможно без интереса философии к проблеме соотношения ментального и физического. Философия сознания и интерес к *mind-body*-проблематике выкристаллизовывались на протяжении всех 1970–1980-х гг.

Идея сторонников пыток подразумевала различение между смертью, тотальным и необратимым событием, и пытками, событием может быть и необратимым, но как правило не влекущим за собой смерть. На основе этого различения делался вывод о пытках как об очевидно меньшем зле. По-видимому, сторонники такой идеи полагали, что есть некая объективная граница, которая отделяет невыносимую пытку от пытки вообще. В первом случае воля жертвы преступается и нарушается лишь временно; унижения временны и люди способны пережить свою травму, чтобы жить дальше. Первый случай отдаленно схож с операциями на теле, которые мы переносим и потом восстанавливаемся. Второй случай предполагает, что даже биологически живые люди теряют всякую автономию и дееспособность, как физическую, так и психическую.

Однако спустя десятилетия эмпирических исследований пыток и фиксации опыта переживания пыток при помощи интервью и воспоминаний, стало понятно, что интуиция о пытках как о меньшем зле не подтверждается имеющимися данными. Связь между телом и сознанием сложна, и нет никакой возможности обозначить границу допустимого в пытках, где мы были бы уверены, что травма не будет нанесена. Многие не переживают опыт пыток, ощущают отчуждение своего тела, своей личности. Кто-то глубоко страдает и чувствует себя иным (т.е. человеком, у которого сломана воля к сопротивлению). В конце концов это и есть задача палача – осуществить дизъюнкцию между телом и идентичностью. При пытке человека низводят до уровня физического субстрата, который кричит от боли и молит о пощаде.

Яркий пример – свидетельства Жана Амери [Améry, 1980], австрийского участника движения Сопротивления, который пережил пытки гестапо, но в конце концов все равно покончил с собой. Как он отмечает, только посредством пытки человек превращается в мясо, в сгусток крови, боли и слез. В случае пыток причинение боли не является инструментальной ценностью. Боль причиняется не ради боли. Цель пытки – причинить такое количество боли, которое разру-

шило бы ценностно-нормативный мир индивида, уничтожило бы способность удерживать в фокусе внимания собственную реальность. В данном случае ценностный мир индивида и его собственная реальность – это осознание себя самостоятельным индивидом и личностью. Пытка низводит человека к материальному субстрату, вещи. И пытка – это всегда опыт безнадежной беспомощности, когда палач заставляет почувствовать свою критическую незащищенность и апеллирует к витальному в этих обстоятельствах желанию прекратить пытки и получить помощь (а значит, сотрудничать и сказать все что требуется) [Sussman, 2005].

Следует признать, что, хотя Генри Шу не обладал той обширной эмпирической базой, на основании которой можно смело опровергать тезис о пытках как о меньшем зле по сравнению со смертью, однако его аналитический инструментарий вычленил важное и перспективное направление критики пыток для будущих десятилетий.

Нетрудно заметить, что для философских и этических исследований (прежде всего аналитических) 1970–1980-е гг. оказались крайне плодотворным временем для разработки новых идей и даже целых теорий. В рамках моральной философии активно дебатировались классические нормативные теории (утилитаризм, деонтология, этика добродетели) применительно к новым контекстам (война, терроризм, сепаратизм и т.д.). Нельзя сказать, что философы не говорили о страданиях и насилии с этической точки зрения. Однако в таком масштабе и в систематическом ключе это произошло, пожалуй, впервые.

Не могла эта волна свежих идей не коснуться и проблематики пыток, тем более что пытки достаточно органично встраиваются в другие контексты более масштабных потрясений и дисфункций правового порядка.

Американский философ Майкл Уолцер оказался одним из первых, кто сформулировал классическую проблему соотношения целей / средств именно как моральную и философскую проблему, а не макиавеллевскую необходимость. Проблема «грязных рук» давно переросла узкий контекст пыток и стала метапроблемой о совместимости политического и этического. Философским сообществом предпринималось огромное количество попыток примирить эти понятия и найти конструктивные решения базовых противоречий.

Майкл Уолцер также предложил взглянуть на проблему насилия шире и сформулировал классический канон теории справедливой войны. И хотя многие положения его изначальной теории или существенно переформулированы, или вовсе отвергнуты, его заслуги в создании теории неопровержимы. В этом смысле проблема «грязных рук» и теория справедливой войны являются важнейшими достижениями этической мысли 1970-х гг. и до сих пор остаются в фокусе активного обсуждения и споров.

Создав же теорию справедливой войны и предложив дилемму о пытках, Майкл Уолцер, возможно сам того не ожидая, предложил новый способ аргументации в пользу пыток. Сторонники теории справедливой войны увидели, что формальную рамку теории и базовые допущения можно транспонировать на проблематику пыток. И хотя сегодня в целом наблюдается конвенция по поводу квалификации такой ветви размышления как тупиковой по отношению к проблематике пыток, тем не менее она характеризовала академические споры на протяжении 1970-х гг. и частично 1980-х гг.

В дальнейшем сторонникам пыток приходилось возвращаться либо на утилитарные позиции, либо на деонтологические, обосновывая допустимость пыток. Новый же виток философских споров о пытках возник на рубеже 1990-х и 2000-х гг. Он был связан как с общим подъемом терроризма, так и с конкретными событиями – взрывом башен-близнецов 11 сентября 2001 г.

Список литературы

Гроций Г. О праве войны и мира. М.: Госюриздат, 1956. 868 с.

Ролз Дж. Теория справедливости: М.: Изд-во ЛКИ, 2010. 536 с.

Сартр Ж. П. Грязными руками: Пьесы: М: ООО «Фирма “Издательство АСТ”», 1999. 431 с.

Améry J. Torture // Améry J. At the Mind's Limit. Bloomington: Indiana University Press, 1980. P. 21–40.

Lauritzen P. Torture Warrants and Democratic States. Dirty Hands in an Age of Terror // Journal of Religious Ethics. 2010. Vol. 38. № 1. P. 93–112.

Levy N. Punishing the Dirty // Politics and Morality. ed. by Igor Primoratz. London: Palgrave Macmillan. 2007. P. 38–53.

Meisels T. Contemporary Just War: Theory and Practice. N. Y.: Routledge, 2017. 184 p.

Nielsen K. There is No Dilemma of Dirty Hands // Politics and Morality / ed. by Igor Primoratz. L.: Palgrave Macmillan, 2007. P. 20–37.

Parrish J. M. Paradoxes of Political Ethics: From Dirty Hands to the Invisible Hand. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 296 p.

Shue H. Torture // Philosophy & Public Affairs, 1978. Vol. 7. № 2. P. 124–143.

Sussman D. What is Wrong with Torture? // Philosophy & Public Affairs, 2004. Vol. 33. № 1. P. 1–33.

Swanson E., Moore A. S. Witnessing Torture Perspectives of Torture Survivors and Human Rights Workers. L.: Palgrave Macmillan, 2018. 288 p.

Walzer M. Political Action: The Problem of Dirty Hands // Philosophy & Public Affairs, 1973. Vol. 2. № 2. P. 160–180.

Walzer M. Just and Unjust Wars: A Moral Argument with Historical Illustrations. N. Y.: Basic Books, 1977. 400 p.

Walzer M. Spheres of Justice. A Defense of Pluralism and Equality. N. Y.: Basic Books, 1983. 363 p.

Walzer M. Emergency Ethics // Arguing About War. New Haven: Yale University Press, 2004. P. 33–50.

References

Améry J. Torture // Améry J. At the Mind's Limit. Bloomington: Indiana University Press, 1980. P. 21–40.

Grotius H. On the Rights on War and Peace. M.: Gosyurizdat, 1956. 868 p. (in Russian)

Lauritzen P. Torture Warrants and Democratic States. Dirty Hands in an Age of Terror // Journal of Religious Ethics. 2010. Vol. 38. № 1. P. 93–112.

Levy N. Punishing the Dirty // Politics and Morality. ed. by Igor Primoratz. L.: Palgrave Macmillan, 2007. P. 38–53.

Meisels T. Contemporary Just War: Theory and Practice. N. Y.: Routledge, 2017. 184 p.
Nielsen K. There is No Dilemma of Dirty Hands // Politics and Morality / ed. by Igor Primoratz. L.: Palgrave Macmillan, 2007. P. 20–37.
Parrish J. M. Paradoxes of Political Ethics: From Dirty Hands to the Invisible Hand. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 296 p.
Rawls J. Theory of Justice. M.: Izdatel'stvo LKI, 2010. 536 p. (in Russian)
Sartre J. P. Gryaznymi rukami: P'esy [Dirty Hands. Plays]. M.: OOO «Firma "Izdatel'stvo ACT"», 1999. 431 p. (in Russian)
Shue H. Torture // Philosophy & Public Affairs. 1978. Vol. 7. № 2. P. 124–143.
Sussman D. What is Wrong with Torture? // Philosophy & Public Affairs. 2004. Vol. 33. № 1. P. 1–33.
Swanson E., Moore A. S. Witnessing Torture Perspectives of Torture Survivors and Human Rights Workers. L.: Palgrave Macmillan, 2018. 288 p.
Walzer M. Political Action: The Problem of Dirty Hands // Philosophy & Public Affairs. 1973. Vol. 2. № 2. P. 160–180.
Walzer M. Just and Unjust Wars: A Moral Argument with Historical Illustrations. N. Y.: Basic Books, 1977. 400 p.
Walzer M. Spheres of Justice. A Defense of Pluralism and Equality. N. Y.: Basic Books, 1983. 363 p.
Walzer M. Emergency Ethics // Arguing About War. New Haven: Yale University Press, 2004. P. 33–50.

Информация об авторе

Дятлов Иван Иванович,
младший научный сотрудник, Институт философии и права СО РАН
преподаватель, Специализированный научный центр НГУ

Information about the Author

Ivan I. Diatlov,
Junior Researcher, Institute of Philosophy and Law SB RAS
Lecturer, Specialized Educational Scientific Center of Novosibirsk State University

Статья поступила в редколлегию 14.08.2023;
одобрена после рецензирования 20.10.2023; принята к публикации 14.11.2023
The article was submitted 14.08.2023;
approved after reviewing 20.10.2023; accepted for publication 14.11.2023

Научная статья

УДК 101.3
DOI 10.25205/2541-7517-2023-21-3-57-68

«Философия сложности» и ее критики

Вячеслав Иванович Кудашов[1]
Виктория Викторовна Шпак[2]

[1]Сибирский федеральный университет, Гуманитарный институт
Красноярск, Россия

[2]Красноярский государственный медицинский университет им. проф. В. Ф. Войно-Ясенецкого
Красноярск, Россия

[1]vkudashov@mail.ru
[2] v.iokst@mail.ru

Аннотация

Философия сложности рассматривается как совокупность предметно специфицированных философских проектов, направленных на преобразование определенных подходящих аспектов современного научного мировоззрения. Несомненно, Э. Морен и П. Сильерс – классики философии сложности, но мы находим их построения недостаточно последовательными. Эклектический характер философии сложности, который подчеркивается в отечественной и зарубежной критической литературе, ставит под сомнение ее содержательность. И несмотря на то что многие из критических замечаний являются вполне оправданными, – что, конечно же, не отменяет возможности рассмотрения сложности как объекта философской рефлексии, – мы должны поставить вопрос об ее оправданных формах и возможностях. И в этом смысле, представляется, в создании философии сложности нет необходимости: стоит обратить внимание на действительно ошеломляющую сложность и запутанность вполне привычных вопросов философии, порождаемых ее развитием в связи с наукой, культурой, техникой и обществом, религией и моралью.

Ключевые слова

сложность, философия сложности, эклектизм, свойство, эпистемология

Для цитирования

Кудашов В. И., Шпак В. В. «Философия сложности» и ее критики // Сибирский философский журнал. 2023. Т. 21, № 3. С. 57–68. DOI 10.25205/2541-7517-2023-21-3-57-68.

Philosophy of Complexity and Its Critics

Vyacheslav I. Kudashov[1]
Viktoria V. Shpak[2]

[1] Siberian Federal University, Humanitarian institute,
Krasnoyarsk, Russia

© Кудашов В. И., Шпак В. В., 2023

[2]Prof. V.F. Voino-Yasenetsky Krasnoyarsk State Medical University,
Krasnoyarsk, Russia

[1]vkudashov@mail.ru
[2] v.iokst@mail.ru

Abstract

Philosophy of complexity is considered by the authors as a set of subject-specific philosophical projects aimed at transforming the modern scientific worldview. The paper analyses ways of understanding complexity developed in such projects. The authors also present critical provisions existing in domestic and foreign research literature that call into question the validity and meaningfulness of projects of the «philosophy of complexity». It is shown that despite the fact that many of the critical statements are completely justified, this does not negate the possibility of considering complexity as an object of philosophical reflection, but raises the question of its justified forms and possibilities. Based on the review, the authors make the assumption that the eclecticism and speculative character of the "philosophy of complexity" projects constitute their intrinsic features. Overcoming them will determine the prospects for the development of the idea of complexity from a philosophical perspective.

Keywords

complexity, philosophy, eclecticism, quality, epistemology

For citation

Kudashov V.I., Shpak V.V. Philosophy of Complexity and Its Critics. *Siberian Journal of Philosophy*, 2023, vol. 21, no. 3, pp. 57–68. DOI 10.25205/2541-7517-2023-21-3-57-68.

В настоящее время разнообразные обсуждения проблематики сложности как имеющей мировоззренческое, общенаучное и философское значение являются столь же распространенными, сколь слабо проясненными с точки зрения своих концептуальных оснований и программных положений. Лейтмотив таких обсуждений может быть лаконично представлен тезисом К. Майнцера о том, что «сложность является наиболее замечательным свойством развивающихся материи, разума и общества» [Майнцер, 2009, с. 21]. Один только вид этого тезиса невольно заставляет вспомнить о замечании М. Бунге, согласно которому функция философии относительно науки заключается в том числе и в постоянном проведении «домашней уборки – процесса осмысления и, что самое главное, прояснения используемых наукой процедур, идей, концептуальных единиц» [Бунге, 1975, с. 34]. Причем такое «прояснение» должно реализоваться не только на теоретическом уровне, но и на уровне мировоззренческих оснований науки. К сожалению, в том, что касается идеи сложности и ее научно-мировоззренческих приложений, философия (в лице тех ее представителей, которые взяли на себя труд исследовать данные вопросы), на наш взгляд, не уделяет должного внимания этой функции. Скорее, если следовать однажды данной философии сложности негативной характеристике, – она «плодит вопросы» [Черепанов, 2017, с. 17]. Достаточно посмотреть на результаты философских попыток дать определение предмету обсуждения – «сложности», чтобы понять, что философия, похоже, избирает окольный путь к ясному пониманию того, что кроется за этим термином.

Сразу сделаем оговорку о том, что под философией сложности мы рассматриваем совокупность философских проектов, в рамках которых идея сложности имеет центральное и системообразующее значение. В свое время один

из первых отечественных философов, обративших внимание на «сложностную» проблематику, – А.М. Леонов, определял философию сложности не как направление или систему представлений о сложности, а как «стремление исследователей к формированию таких представлений» [Леонов, 2004, с. 19]. Это замечание не утратило своей актуальности и по отношению к современному положению дел, за тем лишь исключением, что некоторые из работ (о них ниже) постепенно обрели статус «классических» для данной предметной сферы. Вместе с тем, наше заключение скорее отрицательное, – вместо бесплотных попыток преодолеть весь комплекс проблем предполагаемой философии сложности (начиная с проблемы ее определения), на наш взгляд, мы можем от нее отказаться, – просто в пользу анализа сложности вполне привычных философских вопросов.

Непоследовательность «классики»

Признанный классик философской рефлексии сложности Э. Морен в первом томе своей эпохальной работы «Метод» [Морен, 2013] определяет сложность через целый ряд понятий (разнообразие, неопределенность, относительность) и пересечений их объемов [Там же, с. 191]. И этот шаг в принципе ставит введение понятия «сложность» под угрозу присвоения характеристики избыточного, потому как из рассуждений Морена не становится ясным, в чем состоит целесообразность и оправданность введения данного термина, напротив, создается эпизодическое впечатление произвольности. В то же время в работе «О сложности» («On Complexity», к тонкостям перевода названия мы обратимся чуть позже) Морен, с одной стороны, указывает на обыденное использование термина для указания на наличие объяснительной трудности, с другой стороны, говорит о существовании «множества сложностей» – например, «эмпирической» (к которой он относит эпистемические затруднения, возникающие при изучении недетерминированных явлений) и «логической» (к ней Морен относит затруднения в ситуациях получения логического противоречия) [Морен, 2019, с. 214–215]. Даже при попытке дать определение сложности как характеристики эпистемических задач Морен приходит к странному результату: термин «сложность» используется им для характеристики настолько различных по условиям возникновения и содержанию эпистемических затруднений, что единственное, что их роднит – это то, что и те, и другие являются в определенном смысле затруднениями [Там же]. И если несколько более детально рассмотреть предложенные Мореном «типы» эпистемической сложности, то окажется, что ключевая для «эмпирической» ее разновидности «недетерминированность» объекта познания может пониматься «и как неоднозначность его обусловленности, и как неполнота его определенности» [Анисов, 2009, с. 6] (см. также: [Думов, 2020, с. 320]). Не будут ли эпистемические затруднения различаться в каждом из этих случаев?

Еще один «классический» для проблематики философского осмысления сложности автор П. Сильерс развивает в работе «Сложность и постмодернизм» более определенный взгляд на сложность как на общую характеристику систем определенного типа, которая может быть «сведена» к совокупности признаков. Сильерс воспроизводит эту совокупность признаков (касающихся элементов, их

количества, взаимосвязей, особенностей взаимодействия между элементами, поведения системы в целом, ее развития) (см.: [Cilliers, 1998, p. 3–5]), а также очерчивает круг систем, которые могут быть охарактеризованы как сложные: например, к нему принадлежат «мозг, естественный язык и социальные системы» [Ibid, p. IX]. Для Сильерса сложность – это термин для «маркировки» определенного рода систем. Быть может, «complexity» Сильерса было бы правильнее переводить как «комплексность», дабы избежать соответствующих эпистемических коннотаций. В целом употребление термина «сложный» применительно к таким системам не является необходимым. Наличие у системы набора свойств, отмеченного Сильерсом, ничего не говорит о затруднениях, которые могут возникнуть при ее изучении. Более того, Сильерс принципиально отмечает возможность моделирования таких систем [Ibid]. Единственный вопрос эпистемического порядка, который может быть вызван наличием у системы таковых свойств, – это вопрос подбора и сочетания методов ее изучения. Также вопросы вызывает утверждение Сильерса о том, что именно постструктурализм (понятый не просто как комплекс философских представлений, а как «стиль мышления, чувствительный к сложности») имеет значение для развития методологии познания сложных систем [Ibid, p. 23]. Сильерс противопоставляет постструктуралистские подходы аналитическим, при этом совершенно неясно, что имеется им в виду под последними: не выстраивается понятный смысловой переход между критикой аналитической традиции в философии науки (в лице логических позитивистов и постпозитивистов [Ibid, p. 22], которыми аналитическая традиция, разумеется, не ограничивается) и собственно различными аналитическими методами в научном познании (которые Сильерс характеризует как узконаправленные и редуктивные [Ibid, p. 24]).

В целом, на наш взгляд, понимание сложности у П. Сильерса оказывается непоследовательным и в отношении понимания научного метода, и в отношении понимания постструктурализма. Оспаривание значимости разнообразных аналитических методов в структуре научного познания, в том числе – изучения систем, удовлетворяющих критерию «сложности» Сильерса (который сам получен путем анализа свойств таких систем!), в каком-то смысле, является провальным шагом. Неясно, как именно должно осуществиться задуманное Сильерсом «перевоплощение постструктурализма в особую философию науки» [Cilliers, 1998, p. 22], – вероятнее всего, оно может быть осуществлено только путем утраты ключевых для этого направления стилистических и концептуальных особенностей. Помимо этого, предпочтение, отдаваемое Сильерсом коннекционистским [Ibid, p. 24] сетевым моделям, в исследовании сложных систем явно контрастирует с характерным для постструктуралистской мысли методологическим релятивизмом и скептицизмом.

Приведенные позиции Э. Морена и П. Сильерса – это лишь некоторые из примеров «странностей» и непоследовательных решений, встречаемых в философских исследованиях сложности, рассматриваемых как «классические» (по признанию как отечественных, так и зарубежных авторов, см. например: [Черникова, 2013, с. 96; Woodill, 2021, p. 1]). Как бы комично это ни прозвучало, но философия сложности оказалась не в состоянии справиться с содержательной неопределенностью своих ключевых концептуальных единиц и методологических инстру-

ментов. Чтобы понять это, достаточно обратиться к многообразию предлагаемых определений сложности: «способ бытия саморазвивающихся систем» [Черникова, 2013, с. 91], «свойство множественной субъективности» [Тетенков, 2021, с. 51], «модус (или атрибут, «в зависимости от метафизического ракурса») многообразия» [Ополев, 2023, с. 131], «противоречивое сочетание закономерности и непредсказуемости» [Асмолов и др., 2021, с. 39], «разворачивающаяся во времени сеть контингентных событий, определенных по отношению к прошлому и столь же неопределенных по отношению к будущему» [Аршинов, 2018, с. 34], «универсальная и целостная характеристика многообразия сторон и неопределенности познания, применимая ко всему сущему» [Леонов, 2004, с. 62]. При желании этот ряд может быть продолжен, в чем, однако, нет необходимости: ясно, что каждое из таких определений сложности эксплуатируется различными способами, целевое единство которых можно оправданно подвергнуть сомнению.

Отдельного упоминания достойна инициированная кругом отечественных авторов (В.И. Аршинов, Я.И. Свирский, В.Г. Буданов) практика перевода термина «complexity» как «сложность» для случаев, когда он употребляется в отношении стилистики мышления, а не свойства рассматриваемых объектов. Такой способ употребления вводится в статье Я. И. Свирского [Свирский, 2012, с. 37] и используется им при переводе «On Complexity» Э. Морена. Оправдано ли такое «умножение сущностей» с учетом того, что в переводе другой работы того же Э. Морена – «Метод», уже использовалось словосочетание «сложное мышление» для обозначения «адаптированной к сложности» когнитивной стилистики? Кажется, что концептогенез в данном случае существенно опережает прояснение концептуального содержания, постановка вопроса о способах использования термина «сложность» и их мотивации замещается введением терминологического новшества.

Естественно, находятся авторы, которые предлагают попросту оставить неудобный вопрос о том, что имеется в виду под сложностью, и в то же время продолжают говорить о необходимости разработки онтологических представлений о сложности, так как «она является атрибутом вещей мира на всех организационных уровнях реальности» [Кожевников, Данилова, 2023, с. 88]. Как в рамках их подхода «уживаются» эти предложения – вопрос совершенно иного порядка. О чем говорит наличие подобных способов обращения с понятиями? Вероятнее всего, о том, что иногда спекулятивные задачи рассматриваются представителями философской рефлексии сложности как более приоритетные, чем задачи достижения осмысленности и ясного понимания того, на что направлены их усилия. С методологической точки зрения философия сложности оказывается раздробленной. Но для всех проектов философии сложности является характерной одна примечательная черта: они методологически эклектичны, как, впрочем, эклектична и сама «философская теория» сложности.

Эклектика в хорошем смысле

П. Сильерс предполагает, что «познание сложности» осуществимо с помощью средств постструктуралистской философии и коннекционистского моде-

лирования, возможность сопряжения и совместного использования которых демонстрируется Сильерсом посредством достаточно сомнительных тезисов о применимости концептов философии Ж. Дерриды к описанию сетевых структур и динамических характеристик взаимодействия их компонентов (см.: [Cilliers, 1998, p. 46]). В свою очередь, Э. Морен использует различные выразительные языковые инструменты для создания метафизических конструктов: «Бытие, существование, Я – это эмерджентные проявления целостности, рекурсивно обратно воздействующей на саму себя как целостность; в то же время это – продукты-производители производства-себя» [Морен, 2013, с. 264]; «...принцип Духа, управляющего Материей…стал принципом Информации, царящей над Организацией» [Там же, с. 290]. Конкретно-научные понятия превращаются Мореном в философские метафоры, обсуждение принципов отдельных научных отраслей – теории информации, кибернетики, системного анализа – плавно перетекает в метафизическую спекуляцию. Эклектичность создаваемого Мореном проекта философии сложности на уровне его методологических и мировоззренческих оснований признается им самим: он отмечает, что замысел «Метода» родился из переплетения различных «диалектических» представлений с положениями кибернетики, теории информации и теории систем, а также взглядами М. Хайдеггера и Э. Гуссерля на природу науки вкупе с собственными представлениями о современном состоянии науки [Morin, 1994, p. 321]. Структурная и содержательная «запутанность» текстов Морена представляется неким подражанием сложности предметов обсуждения, попыткой «синхронизировать» реальность и мышление о ней по уровню их сложности. С этой же целью применяется и перенасыщение текста метафорами, которые могут иметь эвристическую ценность для организации осмысления и изучения сложных явлений, но в больших количествах скорее затрудняют восприятие изложения авторских идей. «Усложнение» Мореном представлений о сложных объектах и явлениях производит впечатление подражательного магического ритуала, а не способа достижения ясности в понимании того, что представляет собой сложность и какие методы являются более релевантными для осмысления и изучения ее проявлений.

Отечественные проекты философии сложности также демонстрируют методологическую и мировоззренческую эклектичность. А.М. Леонов, констатируя актуальную незавершенность философии сложности и «невозможность вынесения однозначно верных суждений о ее содержании и принципах» [Леонов, 2004, с. 63], все же склоняется к представлению о значимости «роли вычислительных методов и компьютерного моделирования в ее развитии» [Там же, с. 98, 118]. Е.Н. Князева концептуализирует сложность, привлекая средства энактивистских теорий сознания, натурализованных эпистемологий, биосемиотики, теории коммуникаций и др. отраслей научного знания (см.: [Князева, 2013]). В.И. Аршиновым предлагаются различные способы осмысления сложности, комбинирующие в себе концептуальные инструменты, выработанные отдельными авторами (Дж. Спенсер-Браун, Ч. Пирс, Ж. Симондон, М. Полани и др.) с семиотическими, кибернетическими, теоретико-системными представлениями, а также средствами описания в сетевых терминах (см.: [Аршинов, 2018; 2023]). Апеллируя к важности организации разных форм трансдисциплинарного взаимодействия, авторы

редко указывают на конкретные пути конвергенции дисциплин, чаще всего просто констатируя многообразие доступных средств для исследования и представления сложных объектов и явлений и необходимость поиска путей их взаимного обогащения.

Критики философии сложности

Конечно же, подобное состояние проектов философии сложности не могло не сподвигнуть ряд авторов к критическому анализу их положений. Так, спустя непродолжительное время после издания книги П. Сильерса «Сложность и постмодернизм» (1998) была опубликована статья Д. Спэррета, содержащая критику ряда положений, высказанных Сильерсом (см.: [Spurrett, 1999]). Спэррет указывает на то, что решение Сильерса придавать столь малое значение рассмотрению конкретики содержания позиций и воззрений оппонентов (представителей аналитической традиции) заведомо ограничивает возможность обсуждения и обмена мнениями по обсуждаемым вопросам, более того, оно «не соответствует идее открытости и многоаспектности рассмотрения, отстаиваемой Сильерсом» [Ibid, p. 263]. Отмечается и неоднозначность в понимании сложности: Спэррет привлекает внимание к тому обстоятельству, что применимость характеристики сложности к системе будет зависеть от уровня ее описания или объяснения, тогда как Сильерс «не придает этому значения» [Ibid, p. 262]. Помимо этого, Д. Спэррет отмечает, что в действительности не существует такого явления, как «постмодернистская философия науки», так как представители различных направлений мысли, относимых к постмодернистским, не заинтересованы в решении ключевых проблем философии науки (проблемы, связанные с обсуждением научной рациональности, прогресса научного знания, верификативных инструментов, научного реализма и т.п.) и не рассматривают их как проблемы [Spurrett, 1999, p. 269]. На основании этого делается предположение о необходимости с осторожностью подходить к приложению средств постмодернистской философии к решению вопросов современной философии науки, особый акцент делается на выборе адекватных источников таковых средств (например, Спэррет говорит о том, что «контуры» постмодернистской философии науки целесообразнее искать в работах Дерриды, а не Ж.-Ф. Лиотара или Ж. Бодрийяра [Ibid, p. 271]).

Не менее значимые критические замечания, касающиеся взглядов П. Сильерса на характер работы, проделанной им в отношении изучения характеристик сложных самоорганизующихся систем, сделаны в статье П. Киршенманна. Так, им отмечается слабая упорядоченность системы принципов, касающихся системной самоорганизации, более того, выделенные специфические особенности сложных систем и явлений самоорганизации могут быть ценными для их понимания, но являются «совершенно недостаточными для объяснения конкретных явлений самоорганизации» [Kirschenmann, 2002, p. 19-20]. С учетом того, что Сильерс не устанавливает необходимости наличия всех указанных свойств сложной системы или реализации всех принципов самоорганизации в каждом конкретном случае, открытым оказывается вопрос о нормах их сочетания и совместного применения [Ibid, p. 23]. Сильерс, таким образом, не выявляет имеющих объяснительную цен-

ность законов существования сложных систем, а формирует ряд описаний общих черт определенных систем. Сомнительной, по замечанию Киршенманна, является и перспектива трансформации этических представлений на основании инкорпорации представлений о сложности социальных систем: такая «этика сложности» будет основана на смешении «сущего» (структурных и организационных особенностей социальных образований) и «должного» (норм и ценностей, регламентирующих социальное взаимодействие) [Ibid, p. 17]. Также значимым является замечание Киршенманна о несостоятельности заключений о «парадигмальном характере сложностных представлений» [Kirschenmann, 2002, p. 17]. Поскольку сомнительным остается универсальный характер выделяемых свойств сложных систем и не формулируются касающиеся их существования законы, имеющие объяснительную ценность (соответственно, не развиваются специфические модели объяснения), не создаются упорядоченные наборы принципов и стандартов организации исследований, следовательно, неуместно и заключать о существовании «парадигмы сложности». Тем не менее, многие авторы, очевидно, понимают под «парадигмой сложности» некие относительно согласованные наборы общемировоззренческих представлений. Вероятнее всего, это имеет место в случае употребления словосочетаний «парадигма сложности Э. Морена» [Черникова, 2013, с. 94] или «парадигма сложности в социальных исследованиях» [Пилото, Николаева, 2019, с. 482]. Следует признать, что Киршенманн справедливо подчеркивает несостоятельность претензий «сложностных» представлений на парадигмальный статус, причем не только и не столько в силу их разрозненности, сколько ввиду отсутствия в системе таковых необходимых для образования парадигмы элементов. Некоторые авторы полагают, что выход за пределы заданных Т. Куном понятийных границ мог бы способствовать признанию существования «парадигмы сложности», но такие предположения создают «видимость интеллектуальных ухищрений в силу слабости их аргументации» [Пилото, 2020, с. 98].

Помимо этого, небезынтересными, хотя и достаточно категоричными, представляются критические замечания А.В. Думова относительно актуального состояния и перспектив философии сложности. Так, им констатируется слабая обоснованность применения терминов «метафизика сложности» и «эпистемология сложности», пространность развиваемых философами способов понимания сложности и их оторванность от обыденной и научной практики использования данного понятия [Думов, 2021, с. 334]. Им предлагается рассматривать сложность исключительно в качестве эпистемического параметра для оценки ресурсозатратности решения определенных задач познания и не осуществлять применение данной характеристики для фиксации каких-либо независимо существующих свойств объектов, явлений, процессов [Там же, с. 329]. Тем не менее, данное решение следует рассматривать как радикальное, так как практика использования термина «сложность» в оценке композиционных, структурных, организационных свойств уже является устоявшейся и фиксируется в философских исследованиях, посвященных самостоятельному изучению данного понятия (см., например: [Resher, 2019, p. 9]). Но нельзя не отметить и ценности этих критических замечаний как указаний на необходимость терминологической ревизии философского анализа проблем сложности.

Рассмотрение имеющихся проблем проектов философии сложности и существующих в отношении таковых критических замечаний демонстрирует актуальную несостоятельность философии сложности как специфической отрасли общефилософских исследований: в настоящий момент говорить о хотя бы частичной реализации предположения А.Л. Леонова о формировании комплекса самостоятельных философских отраслей, изучающих сложность («онтология сложности», «эпистемология сложности», «логика сложности» и т. д. [Леонов, 2004, с. 19]) не приходится. Достаточно затруднительным представляется и рассмотрение философии сложности как сферы изучения философских проблем наук о сложном, поскольку сам термин «науки о сложном» («complexity science») указывает скорее на совокупность крайне разноплановых по своим методам и целям исследований множества типов систем (социальных, биологических, технических и т. д.) [Думов, 2021, с. 334], которые в лучшем случае можно рассматривать как находящиеся на общей «научной платформе», которую характеризует возникновение множества временных локальных контекстов междисциплинарного взаимодействия (см., например: [Vigni, 2021]). Рассмотренные проекты философии сложности, как правило, не принимают во внимание философские и логико-методологические проблемы отдельных дисциплин, а обращаются к общемировоззренческой концептуализации сложности.

Вместо заключения

Как бы странно это ни прозвучало, наличествующие в литературе представления о том, что сложность составляет изначальный предмет интереса философии и в различных формах осмысляется начиная едва ли не с досократических истоков философии как таковой (см., например: [Кожевников, Данилова, 2023, с. 84; Ополев, 2023, с. 134]), несут в себе рациональное зерно. Несмотря на вспомогательное и второстепенное положение понятия сложности в философском лексиконе и явную избыточность современных попыток наполнить его чуждым ему содержанием, можно констатировать, что философия всегда осмысляла и изучала объекты, явления и процессы, которые могут быть охарактеризованы как сложные и с точки зрения возникающих в контексте их исследования задач познания, и с точки зрения масштаба и композиции сопутствующих их рассмотрению совокупностей проблем. Представляется, что в создании философии сложности нет необходимости: стоит обратить внимание на действительно ошеломляющую сложность и запутанность вполне привычных вопросов философии, порождаемых ее развитием в связи с наукой, культурой, техникой и обществом, религией и моралью.

Список литературы

Анисов А. М. Недетерминированная вычислимость: философские основания // Логические исследования. 2009. Т. 15. С. 5–30.

Аршинов В. И. На пути к сетецентричному пониманию сложности // Сложность. Разум. Постнеклассика. 2018. № 3. С. 34–55.

Аршинов В. И. Наука как когнитивно-семиотический процесс в оптике парадигмы мышления-вместе-со-сложностью // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. 2023. № 2 (36). С. 81–94.

Асмолов А. Г., Шехтер Е. Д., Черноризов А. М. Антропологический поворот: восхождение к сложности // Человек как открытая целостность / Под ред. Л. Киященко, Т. Сидоровой. Новосибирск: Академиздат, 2022. С. 33–53.

Бунге М. Философия физики. М.: Прогресс, 1975. 342 с.

Думов А. В. Метафора в структуре познания сложности // Вестн. Кемер. гос. ун-та. Сер.: Гуманит. и обществ. науки. 2020. № 4. С. 315–322.

Думов А. В. Понятие «сложность» в философских контекстах: семантическая и прагматическая специфика // Вестн. Кемер. гос. ун-та. Сер.: Гуманит. и обществ. науки. 2021. № 4. С. 328–337.

Князева Е. Н. Коммуникативная сложность // Вестн. Том. гос. пед. ун-та. 2013. № 5 (133). С. 110–118.

Кожевников Н. Н., Данилова В. С. Методология исследования понятия «сложность» // Вестн. Сев.-Вост. фед. ун-та им. М.К. Аммосова. Серия «Педагогика. Психология. Философия». 2023. № 1. С. 83–93.

Леонов А. М. Наука о сложности в эпоху постмодерна. Якутск: Якут. гос. ун-т, 2004. 560 с.

Майнцер К. Сложносистемное мышление: материя, разум, человечество. Новый синтез. М.: Либроком, 2009. 464 с.

Морен Э. Метод. Природа Природы. М.: Канон+, 2013. 488 с.

Морен Э. О сложностности. М.: Ин-т общегуманит. исслед., 2019. 272 с.

Ополев П. В. Проблемы осмысления сложности в отечественной и зарубежной философии // Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2023. № 71. С. 128–137.

Пилото Р., Николаева Е. М. Парадигма сложности в социальных и гуманитарных исследованиях // Евразийский юрид. журн. 2019. № 11 (138). С. 482–483.

Пилото Р. «Система» как ключевая категория парадигмы сложности // Вестн. Челябин. гос. ун-та. 2020. № 5 (439). С. 98–104.

Свирский Я. И. «Сложностное» мышление в контексте философских стратегий Ж. Делеза и Ф. Гваттари // Вестн. РУДН. Серия «Философия». 2012. № 1. С. 37–47.

Тетенков Н. Б. Сложность как свойство множественной субъективности // Гуманит. и соц. науки. 2021. № 3. С. 44–52.

Черепанов С. К. Философия и наука: стратегия противостояния // Философия науки. 2017. № 3(74). С. 17–30.

Черникова И. В. Онтология и эпистемология сложности // Гуманитарный вектор. Сер.: Философия, культурология. 2013. № 2 (34). С. 91–97.

Cilliers P. Complexity and Postmodernism: Understanding Complex Systems. London: Routledge, 1998. 176 p.

Kirshenmann P. On Self-Organization, Design, and the Almost-Inevitableness of Complex Order // Studies in Science and Theology. 2002. Vol. 8. P. 17–42.

Morin E. Mes Démons. Paris: Stock, 1994. 340 p.

Resher N. Complexity: A Philosophical Overview. L.: Routledge, 2019. 238 p.

Spurrett D. Review article: Cilliers P. Complexity and Postmodernism: Understanding Complex Systems. London: Routledge, 1998. 176 p. // South African Journal of Philosophy. 1999. Vol. 18. № 2. P. 258–274.

Vigni L. Complexity Sciences: A Scientific Platform // Science & Technology Studies. 2021. Vol. 34. № 4. P. 30–55.

Woodill S. The Epistemology of Complexity and «Doing» Interdisciplinarity. Interface: An International Interdisciplinary Studies Journal. 2021. Vol. 1. № 1. P. 1-13.

References

Anisov A. M. Nondeterministic Computability: Philosophical Foundations // Logical Investigations. 2009. Vol. 15. P. 5–30. (in Russian).

Arshinov V. I. On the Way to the Net-Centric Understanding of Complexity // Slozhnostʹ. Razum. Postneklassika. 2018. № 3. P. 34–55. (in Russian).

Arshinov V. I. Science as a Cognitive-Semiotic Process in the Optics of Thinking-Together-With-Complexity Paradigm // Praxema. Journal of Visual Semiotics. 2023. № 2(36). P. 81–94. (in Russian).

Asmolov A. G., Shekhter E. D., Chernorizov A. M. The Anthropological Turn: the Ascent to Complexity // L. Kiyashchenko, T. Sidorova (Eds.). A Man As An Open Integrity. Novosibirsk: Akademizdat, 2022. P. 33–53. (in Russian).

Bunge M. Philosophy of Physics. M.: Progress, 1975. (in Russian).

Cherepanov S. K. Philosophy and Science: The Strategy of Confrontation // Philosophy of Science. 2017. № 3(74). P. 17–30. (in Russian).

Chernikova I. V. Ontology and Epistemology of Complexity // Humanitarian Vector. Series: Philosophy and Culturology. 2013. № 2(34). P. 91–97. (in Russian).

Cilliers P. Complexity and Postmodernism: Understanding Complex Systems. L.: Routledge, 1998.

Dumov A. V. Metaphor in the Structure of Exploring Complexity // Vestnik of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences. 2020. Vol. 4. № 4. P. 315–322. (in Russian).

Dumov A. V. The Concept of Complexity in Philosophical Contexts: Semantic and Pragmatic Specifics // Vestnik of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences. 2021. Vol. 5. № 4. P. 328–337. (in Russian).

Kirshenmann P. On Self-Organization, Design, and the Almost-Inevitableness of Complex Order // Studies in Science and Theology. 2002. № 8. P. 17–42.

Knyazeva N. N. Communicative Complexity // Tomsk State Pedagogical University Bulletin. 2013. Bo. 5 (133). P. 110–118. (in Russian).

Kozhevnikov N. N., Danilova V. S. Methodology of Research of the Concept of «Complicity» // Vestnik of North-Eastern Federal University. Pedagogics. Psychology. Philosophy. 2023. № 1. P. 83–93. (in Russian).

Leonov A. M. The Science of Complexity in the Postmodern Era. Yakutsk: Yakutsk State University, 2004. (in Russian).

Mainzer K. Thinking in Complexity. The Computational Dynamics of Matter, Mind and Mankind. M.: Librokom, 2009. (in Russian).

Morin E. Mes Démons. Paris: Stock, 1994. (in French)

Morin E. La Méthode. La Nature de la Nature. Moscow: Kanon+, 2013. (in Russian).
Morin E. On Complexity. M.: Institut Obshchegumanitarnykh Issledovanii, 2019. (in Russian).
Opolev P. V. Problems of Comprehending Complexity in Domestic and Foreign Philosophy // Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2023. № 71. P. 128–137. (in Russian).
Piloto R., Nikolaeva E. M. The Paradigm of Complexity in Social and Humanitarian Research // Eurasian Law Journal. 2019. № 11 (138). P. 482–483. (in Russian).
Piloto R. System as a Concept of Complexity Paradigm // Bulletin of Chelyabinsk State University. 2020. № 5 (439). P. 98–104. (in Russian).
Resher N. Complexity: A Philosophical Overview. L.: Routledge, 2019.
Spurrett D. Review article: Cilliers P. Complexity and Postmodernism: Understanding Complex Systems. L.: Routledge, 1998. // South African Journal of Philosophy. 1999. Vol. 18, № 2. P. 258–274.
Svirskiy Y. Jo. Thinking in Complexity: Philosophical Strategies of Gilles Deleuze and Felix Guattatri // RUDN Journal of Philosophy. 2012. № 1. P. 37–47. (in Russian).
Tetenkov N. B. Complexity as a Property of Multiple Subjectivity // The Humanities and Social Sciences. 2021. № 3. P. 44–52. (in Russian).
Vigni L. Complexity Sciences: A Scientific Platform // Science & Technology Studies. 2021. Vol 34. № 4. P. 30–55.
Woodill S. The Epistemology of Complexity and «Doing» Interdisciplinarity // Interface: An International Interdisciplinary Studies Journal. 2021. Vol. 1. № 1. P. 1–13.

Информация об авторах

Кудашов Вячеслав Иванович, доктор философских наук, профессор,
профессор, Красноярский государственный медицинский университет им. проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого (Красноярск, Россия)

Шпак Виктория Викторовна
студентка, Сибирский федеральный университет (Красноярск, Россия)

Information about the Authors

Kudashov Vyacheslav Ivanovich, Doctor of Sciences (Philosophy), Professor
Professor, V.F. Voino-Yasenetsky Krasnoyarsk State Medical University (Krasnoyarsk, Russia)

Shpak Viktoria Viktorovna
undergraduate student Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia)

Статья поступила в редколлегию 09.10.2023;
одобрена после рецензирования 23.10.2023; принята к публикации 14.11.2023
The article was submitted 09.10.2023;
approved after reviewing 23.10.2023; accepted for publication 14.11.2023

Научная статья

УДК 101.1: 316.77 + 141.319.8
DOI 10.25205/2541-7517-2023-21-3-69-87

Алиментарная проблематика в философии: основные линии тематизации*

Иван Сергеевич Кудряшов

Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

Новосибирский государственный медицинский университет
Новосибирск, Россия

i.kudriashov@g.nsu.ru, https://orcid.org/0000-0003-3877-8953

Аннотация

Статья вводит в философское рассмотрение представление об алиментарной проблематике. Выделение этого круга проблем представляется решением не только для нехватки философских разработок по теме еды и питания, но прежде для преодоления предрассудков и стереотипов о том, что эти вопросы недостаточно теоретичны. Алиментарную проблематику в философии предлагается понять как образованную широким кругом онтологических, антропологических, культурологических, этических и социально-философских вопросов, а именно потреблением пищи во всех его аспектах, её производством, включая кулинарию и хранение, и способами репрезентации этих тем в дискурсе. В качестве важного ориентира для развития подобных исследований в статье предлагается детальная экспликация четырёх тематических разворотов алиментарной проблематики, касающихся истории философии, онтологии, анализа языка теорий, антропологии, этики, социальной философии и футурологии. На наш взгляд, если провести такое обобщение («алиментарная проблематика»), то в итоге мы получим более чёткое представление о новом классе изучаемых предметов, сможем выделить его операциональные и даже сущностные признаки, что, в свою очередь, станет новым импульсом для развития исследований в этой области.

Ключевые слова

алиментарная проблематика, антропология еды, философская антропология, история философии, эпикурейство, социальный ритуал, кулинария, футурология

Для цитирования

Кудряшов И. С. Алиментарная проблематика в философии: основные линии тематизации // Сибирский философский журнал. 2023. Т. 21, № 2. С. 69–87. DOI 10.25205/2541-7517-2023-21-3-69-87

---

*Статья представляет собой расширенную версию доклада, прочитанного на Пленарном заседании Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 30-летию профессионального философского образования в НГУ «Наука. Философия. Университет» (Новосибирск, НГУ, 11–14 мая 2023).

© Кудряшов И. С., 2023

Alimentary Problems in Philosophy: Key aspects of Thematization

Ivan S. Kudryashov

Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

Novosibirsk State Medical University
Novosibirsk, Russian Federation

i.kudriashov@g.nsu.ru, https://orcid.org/0000-0003-3877-8953

Abstract

The article introduces the idea of alimentary problems into philosophical consideration. Highlighting this range of problems seems to be a solution not only to the lack of philosophical developments on the topic of food and nutrition, but also to overcoming prejudices and stereotypes that philosophy studies of food are not sufficiently theoretical. Alimentary problems in philosophy are proposed to be understood as formed by a wide range of ontological, anthropological, cultural, ethical and social philosophy issues, namely food consumption in all its aspects, its production, including cooking and storage, and ways of representing these topics in discourse. As an important guideline for the development of such research, the article offers a detailed explication of four thematic fields of alimentary issues relating to the history of philosophy, ontology, analysis of the language of theories, anthropology, ethics, social philosophy and futurology. In our opinion, if we carry out such a generalization ("alimentary problems"), then in the end we will get a clearer idea of the new class of objects under study and will be able to identify its operational or even essential features. Which, in turn, will become a new stimulus for the development of research in this area.

Keywords

alimentary problems, anthropology of food, history of philosophy, epicureanism, social rituals, culinary, futurology

For citation

Kudryashov I. S. Alimentary Problems in Philosophy: Key aspects of Thematization. *Siberian Journal of Philosophy*, 2023, vol. 21, no. 2, p. 69–87. (In Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2023-21-3-69-87

На первый взгляд может показаться, что философы нечасто обращались к теме еды и кулинарии. В качестве «законных» – комплексных, изменчивых и крайне значимых – предметов философия издавна рассматривает общество и государство, сознание и тело, любовь, искусство и технику, но повседневной нужде питаться приходится скрываться под масками обезличенных потребностей, экономического производства или культурных особенностей. Однако можем ли мы выделить в философии рассуждение о пище как самостоятельную область?

На наш взгляд, это необходимо сделать. В первую очередь это поможет преодолеть предубеждение ряда исследователей в отношении темы еды. Философы в прошлом неоднократно прибегали к пищевым метафорам, но часто связанным с критикой оппонентов или снижающим тоном. Тема еды как будто безошибочно опознаётся интеллектуалами как нечто бесхитростное и вульгарное. Например, Жан-Поль Сартр презрительно называет философию духа до феноменологии «пищеварительной философией»[1], а Зигмунд Фрейд иронизирует о «логике супа с аргументами фрикаделек»[2]. Однако сегодня тема пища и её приготовления – уже

[1] В статье «Основная идея феноменологии Гуссерля: интенциональность» (1939).

[2] В работе «Заметки о любви в переносе» (1915).

не просто риторический эпизод, а значимая тема философии, разворачивающаяся в нескольких направлениях.

Искусственное ограничение темы еды или отказ видеть сложные связи между питанием, производством пищи, социальными и культурными нормами, формированием образа жизни и представлений о человеке уже в значительной мере навредили и обществу, и теоретическим исследованиям. Взять хотя бы то, что многие современные проблемы людей – от лишнего веса и нездорового питания до отчуждения и одиночества – наконец признаны комплексными, а поиск их решений невозможно представить без антропологического знания, объединяющего в себе науку и философию. На этом фоне активное развитие получили такие дисциплины как антропология еды и социология еды, философия же с включением в эту тематику явно запаздывает. О чём красноречиво говорит и крайне малое количество работ на тему философского осмысления питания (хоть в истории философии, хоть в отдельных философских дисциплинах), особенно на русском языке. Однако, изучая влияние пищи на формирование реальной и символической ценности в обществах, конструирование образа человека и социально-исторической памяти, изменение распределения благ и социальных статусов, антропологи еды всё ещё нуждаются в поддержке философии как в части методологии (что очевидно), так и в части более общих, концептуальных моделей понимания питания (что по ряду причин долгое время оставалось в тени).

Конечно, готовить или есть пищу само по себе – это не философские проблемы, а очевидная необходимость, которой почти не избежать. В Западной культуре сохраняется своеобразная дистанция ко всей пищевой и гастрономической тематике: еда остаётся чуждой сфере мысли, словно интеллектуалу положено разделять мифологемы о том, что человек – не тело, а разум, независимый от условий и быта. Эта вытесняющая дистанция как раз и создаёт сложное полотно тематизации питания в философии: не только высокомерие и предвзятость у одних, но и искренний, почти трансгрессивный интерес у других. В конце концов наряду с теми, кто живут и воспринимают себя словно «дух в машине» или «мозг в банке», всегда были другие философы, что провозглашали максиму «ты то, что ты ешь»[3].

Эту проблематику мы предлагаем обозначить словом «алиментарная», от латинского alimentium («пища») и французского alimentaire («относящийся к съедобному, к продовольствию, содержанию жизни»). Алиментарную проблематику в философии образует широкий круг антропологических, культурологических, этических и социально-философских вопросов, а именно потребление пищи во всех его аспектах, её производство, включая кулинарию и хранение, и способы репрезентации этих тем в дискурсе. Можно было бы назвать эту тематику «трофической» (от греч. τροφή (trophē) – «еда»), но это слово уже используется в узком смысле в биологических и медицинских науках в отношении обмена веществ. Еда является объектом для рефлексирующей тематизации, причём только в связи с человеком, что и воплощается в переплетающихся проблемах, касающихся разных философских дисциплин.

[3]Фраза обычно приписывается Гиппократу, однако в разные эпохи и с разным смыслом её произносили и другие мыслители (например, Брийя-Саварен, Фейербах в рецензии на Молешотта и др.).

Выделяя алиментарную проблематику в философии, мы предлагаем рассмотреть её через четыре ракурса или тематических среза. Это поможет увидеть не просто междисциплинарный характер вопроса, но возможности для интеграции разных знаний и методов, которые открывает широкая трактовка пищевой проблематики.

Первый ракурс даёт история философии, а также онтология: философское и даже метафизическое осмысление еды, её первичное схватывание как предмета мысли или необходимого условия для системного и последовательного философствования. Многие оригинальные мыслители обращались к этой теме, так что наше незнание об этом оказывается скорее недостатком реконструкции идей, а не самих философских систем.

Второй ракурс вытекает из лингвистического поворота, обращающего наше внимание на обилие пищевых и кулинарных метафор как в философии и науке, так и в других сферах культуры. Отсутствие анализа подобного языка демонстрирует слабости как историко-философских прочтений, так и исследований, обращённых к современности. Кроме того, философия не ограничивается анализом языка, она сама его создаёт, изобретая новые конкурирующие концептуальные метафоры – и именно кулинария (и шире: химия) остаётся по мнению многих современных философов-материалистов перспективным полем значений для заимствования.

Третий ракурс возникает в рамках антропологических концепций, особенно обращённых в прошлое. Пища и связи, создаваемые едой и посредством неё – один из ключевых факторов в построении антропологических моделей. Изучение древних обществ, а значит, и такие проблемы как антропогенез, культуро-социогенез, появление языка, генезис искусства, ремёсел, морали и философии – не могут игнорировать столь значимую заботу человека. Заботу не только о пропитании, но и об организации отношений и связей с миром, богами и людьми. Даже этологи признают, что пищевое поведение человека сильно отличается от других животных (способность делиться с взрослыми особями, практики приготовления, пищевые табу, страх и вина по поводу добычи и питания), а значит, это важная черта человеческого.

Четвёртый ракурс может предложить социально-политическая философия, особенно та, что ориентирована на будущее. Футурологические прогнозы, анализ трендов и социальных вызовов в силу самих реалий постепенно смещается к двум ключевым вопросам – энергия и пища (абстрактно еда – тоже энергия, но тонкость в том, что питание сопряжено с высокой прихотливостью человеческих существ). Питание, его источники и разнообразие уже можно рассматривать как ключевой вопрос изучения и осмысления общества, особенно общества будущего.

Таким образом, в качестве первого шага в решении целого ряда проблем – от предвзятости к теме до нехватки качественных, интегрирующих знание исследований – мы предлагаем выделение алиментарной проблематики и её четырёх тематических разворотов. Эти четыре ракурса также можно приравнять к четырём «алиментарным» вопросам: «Что такое еда (включая уже существующие в философии проблемы и ответы)?», «Как “работает” пищевой и кулинарный опыт на уровне языка (в том числе на уровне языка теорий)?», «Как соотносятся

человек и его пища (включая само появление / воспроизводство человека как человека)?», «Как соотносятся сообщества и питание (включая его источники и технологии производства)?». В результате мы создаём концептуальные предпосылки для объединения алиментарных вопросов в междисциплинарное исследование нового класса изучаемых предметов, для которого эти четыре тематических разворота дадут отличительные или даже сущностные признаки. Это, в свою очередь, станет новым импульсом для развития исследований в этой области.

1. Философское осмысление еды (история философии и онтология)

Попытка увидеть в еде нечто большее, чем неизбывную необходимость тела, обнаруживается в истории философии на протяжении последних двух тысяч лет. Конечно, античные мыслители не обошли стороной этот вопрос. И если Пифагор в своих пищевых запретах («избегай бобов», «не ешь сердца», «не ломай хлеба»[4]), может быть, занимался иносказаниями или повторял некоторые мистические представления предшественников, а не заботился о здоровье акусматиков, то уже Эпикур видел в еде не только средство тренировки духа в стремлении к атараксии, но и источник мудрости. «*Всё хорошее имеет своё происхождение в удовольствии живота, даже мудрость происходит оттуда*» [цит. по: Hossenfelder, 1996] – учил Эпикур, подробно разрабатывая атомистическую антропологию. В дальнейшем к теме питания будут возвращаться практически все эпикурейские мыслители. В рамках такого подхода рефлексия о том, что и как ты ешь, – часть этического отношения к жизни, в том числе забота об удовольствии (которое и есть благо).

В Средние века тема еды остаётся в плену строго регламентированных порядков: религиозный обряд, в том числе посты и праздники, культурный запрет, социальная кодификация. С эпохи Возрождения пища возвращается в сферу осмысления человека вместе с гедонистической и эпикурейской мыслью. Питание ненадолго возникло и в оптике философов Нового времени, но в основном сводилось к простому источнику энергии для тела как механизма. Яркий пример – «Человек-машина» (1747) Жюльена Офре де Ламетри. По его мысли, пища не только создаёт активность души, но и особенность питания буквально определяет характер человека[5]. Интересен пример и Фрэнсиса Бэкона: в его текстах эмпирический метод часто описывается в терминах кулинарии и алхимии. То есть буквально, чтобы изучать мир, нужно соединять и разъединять компоненты, смешивать их, нагревать или трансформировать в разных сочетаниях. Теме питания уделено внимание в его утопии «Новая Атлантида», где описывается выведение новых видов и сортов полезных растений, животных и насекомых, а также необычный хлеб, поддерживающий здоровье граждан (он сделан из зёрен нескольких злаков, а также из мяса, сушёной рыбы, возбуждающих аппетит приправ). Ну и, конечно, философ известен также как учёный, в том числе своими экспериментами в об-

[4]Формулировки правил взяты из: Рассел Б. История западной философии / Ред. В. Ф. Асмус. М.: Иностр. лит., 1959. Т. 1. С. 50.

[5]Например, он пишет: «Как велика власть пищи! … Сырое мясо развивает у животных свирепость, у людей при подобной же пище развивалось бы это же качество» [Ламетри Ж.О. Сочинения. 2-е изд. М.: Мысль, 1983. С. 183].

ласти сохранения продуктов (способом закапывания в землю и обработкой холодом).

Интерес к разным аспектам питания можно найти у Иммануила Канта (о чувстве голода и вкуса, об их влиянии на нравственность), у Людвига Фейербаха («Ты – то, что ты ешь»), у Георга Гегеля. Для последнего еда тесно соприкасается с темой обладания и присвоения, т.е. с вопросом возникновения сознания и Я – сперва из природы, затем в праве. Хорошо применимы к теме еды и здоровья многие идеи феноменологии Мартина Хайдеггера (в том числе его идеи о *Das Heilen*) и концепция тела и плоти Мориса Мерло-Понти. Рассуждения о питании и ритуале можно найти у русских мыслителей: у Василия Васильевича Розанова (в том числе о связи пищи и ритуала), у Николая Федорова (каннибализм праха отцов) и в «Философии хозяйства» Сергея Николаевича Булгакова.

Немаловажное значение пища приобретает и в рассуждениях современных мыслителей. У Вальтера Беньямина тема еды возникает довольно часто (как в связи с осмыслением быта, так и с религиозными коннотациями – например, тексты «Свежий инжир», «Фалернское вино и вяленая рыба»); голод, производство и трата продовольствия фигурируют в рассуждениях у Жоржа Батая[6] и Луи Альтюссера. Упомянуть стоит и ныне живущих Роберта Пфаллера и Петера Слотердайка. Первый в работе «Ради чего стоит жить» показывает, насколько значимо оказывается в вопросах формирования взрослого сознания уделять место простым пищевым удовольствиям и ритуалам [Пфаллер, 2018]. Второй же в «Сферах» показывает, что пища – один из ключевых медиумов, формирующих наши личные и культурные связи, начиная с младенчества и первой диады «ребёнок-мать». Общение, питание и причастность к целому – все эти вещи, столь значимые для человеческого бытия, первоначально неразделимо связаны в акте кормления матерью [Слотердайк, 2005].

Конечно, этот историко-философский список должны были открывать такие фигуры как Платон и Аристотель. У Платона в диалоге «Тимей» ситуация трапезы между собеседниками переходит в разговор об устройстве космоса и его души, которая обсуждается через вопрос о дыхании и питании (а попутно предлагается и объяснение пяти чувств, включая запах и вкус)[7]. Что же касается второго, то, как отмечает Ю.М. Романенко, в трактате «О душе» Аристотель вводит понятие растительной (вегетативной) души и в четвёртой главе второй книги проводит предварительную тематизацию вопроса о пище. В конце этой главы он по сути делает анонс возможного отдельного сочинения о пище, которое либо не было написано, либо не сохранилось. Однако по элементам трактатов «О душе», «Метафизика», «Метеорологика» и «О возникновении и уничтожении» можно реконструировать его концепцию еды. Жизнь тесно связана с питанием, но для философа здесь возникает логическое затруднение (апория) в связи с вопросом «что есть питание онтологически – это поглощение подобного подобным или противо-

[6] В его проекте «Всеобщей экономии», представленном в работе «Проклятая часть» [Батай, 2006]

[7] Рассуждения Платона резюмируются в объединяющем природу, тела и мысли тезисе: «есть только один способ пестовать что бы то ни было – нужно доставлять этому именно то питание и то движение, которые ему подобают» [Платон. Тимей // Платон. Собр. соч. в 4 т. М.: Мысль, 1994. Т. 3. С. 59]

положного противоположным?». Аристотель обнаруживает диалектичность еды, состоящую в том, что необходимо отличать потенциальное (неассимилированное) и актуальное (потреблённое) состояние пищи. Пища также создаёт парадокс, в котором она поддерживает самотождество живого существа, но одновременно с этим является необходимым условием его изменений (например, роста). В этих работах предвосхищается также идея трофических связей и кругооборота вещества в природе, более того, само время смертных может пониматься как трофическое время (циклы голода-насыщения), ведь сам организм – это своего рода пищевые часы, наполняющие абстрактное количественное время качественными характеристиками конкретных переживаний и целеполаганий. Сам Романенко также проводит довольно интересные связи между противоположностями ума и пищи [Романенко, 2016].

Самые необычные трактовки этой темы встречаются у Фридриха Ницше, видевшего в еде важный инструмент настройки духа и сознания, а также у малоизвестного философа-гурмана Жана Антельма Брийя-Саварена[8]. Первый в «По ту сторону добра и зла» заметил, что если бы приготовлением пищи занимались мыслители, то человечество давно бы совершило знаменательный прорыв в развитии за счёт познания того, какие состояния от каких блюд и сочетаний возникают. Состав продуктов, но также вкус и запах блюд создают настроения и переживания, а они почва, на которой возникает мысль [Ницше, 2015]. Рассуждая о том, «почему я так умён», Ницше снова говорит о пищеварении и кухнях разных стран [Ницше, 2023]. Для некоторых культур прямое влияние пищи (и сопровождающего её ритуала) не только на тело, но и дух очевидно; в отличие от западной цивилизации они видят в питании единую основу жизни. Эти представления можно найти в алхимии даосов, обрядах индейцев и аборигенов, йогических практиках. Второй же провозгласил в трактате «Физиология вкуса», что «животное насыщается, человек ест, умный человек умеет питаться». По его мнению, раз люди обречены питаться, то нужно научиться делать это хорошо, что, собственно, и отличает культурное существо [Брилья-Саварен, 2019].

Все эти примеры доказывают, что в философии уже есть огромное идейное наследие, касающееся вопросов онтологии, эстетики и социологии еды, которое ожидает своего активного использования для решения современных проблем.

2. Анализ пищевых метафор (философия языка)

Люди не только едят, но и говорят о еде. Говоря о еде, они используют как современные научные теории, так и древний вокабуляр суеверий и табу. Еда – столь привычный элемент жизни, что обо многих других вещах также говорят в метафорах пищи и готовки. Культурные, этнические, конфессиональные и полоролевые границы часто выражаются через речь о питании, в том числе через размежевания и оскорбления. Еда как метафора фигурирует в целой серии тем: религиозные запреты (чистое / нечистое) и практики (ритуалы, праздники, пост и влияние на дух), семья и социальная иерархия, групповые идентичности, регуляция обще-

[8] В русской историографии фамилия Жана Антельма до сих пор часто дана в неверной транскрипции, как Брилья-Саварен, мы предпочитаем использовать точный вариант, на основе фонетики.

ственной жизни. Так, жители Папуа – Новой Гвинеи понимают еду как средство циркуляции энергии от отцов, выращивающих ямс, через кормящих матерей к детям; эта схема объясняет логику социальных связей (мужчины собирают урожай и отдают своим матерям, сёстрам или жёнам). Более того, это не просто метафора как оборот речи, она буквально уподобляет полив садов кормлению молоком, поэтому мужчины, занятые такой работой, подчиняются тем же пищевым табу, что и беременные, кормящие матери и занимающиеся уходом за больными[9].

Философия языка позволяет не только высвечивать и анализировать подобные метафоры, но и признать их важность в осмыслении реальности. В 1991 году Ричард Рорти высказался об интеллектуальной истории человечества как об истории метафор. Ещё ранее вышедшая в 1983 году работа «Метафоры, которыми мы живём» Лакоффа и Джонсона спровоцировала всплеск исследований языка и культуры через призму «концептуальной метафоры». Развивая этот подход, они указывали, что многие наши метафоры коренятся в телесном опыте, а также в культурной привычке, что значительно привязаны к нашему рациону. Как заметила писательница Маргарет Этвуд, питание – это самая ранняя наша метафора, предшествующая осознанию полового различия, расы, национальности и языка, ведь мы едим задолго до того, как научились говорить. Подобные концептуальные метафоры организуют паттерны для мыслей, образов и действий, поэтому даже философы (особенно мало рефлексирующие по поводу своего языка) зависят от них. И неудивительно, что в области мышления можно найти множество метафор, связанных с жеванием, питанием и приготовлением пищи (chew on an idea, «хорошо бы не жевать одну мысль целый час», «проглатывать книги», «сварганить текст» и т.п.).

Невнимательность к подобным метафорам может лишить нас более глубокого и точного понимания прежних текстов. Яркий пример подобной глубины можно найти у Гегеля, который, говоря о возвышенной тематике духа, вдруг использует неочевидную, но внутренне сложную метафору брожения. Речь идёт об этом фрагменте из «Философии религии»: «*Существование общины есть ее продолжающееся, вечное становление, основанное на том, что дух есть вечное познавание себя, он рассыпается на конечные искры отдельных сознаний и вновь собирает себя и постигает себя из этой конечности по мере того, как в конечном сознании рождается знание о его сущности и, таким образом, божественное самосознание. Из брожения конечности, превращающейся в пену, рождается благоухание духа*» [Гегель, 1977, с. 312]. Брожение и ферментация представляют более точно логику гегелевского снятия (*Das Aufhebung*): нечто конкретное, порождает своё противоречие, которое отрицается и превосходится, чтобы из него вызрело что-то новое (тоже конкретное и невозможное без негации старого). «Брожение» здесь – не прямолинейная закономерность или склонность материала, а вызов, в котором важны история и жизнь, создающая фермент, позволяющий трансформацию.

Важно отметить, что философия не только анализирует, она сама активно создаёт метафоры, по крайней мере способна к этому. Очевидно, что переос-

[9]Подробнее см.: Messer E. Anthropological Perspectives on Diet // Annual Review of Anthropology. 1984. Vol. 13. P. 205–249.

мысление привычных концепций часто начинается с конкурирующей метафоры. Простой пример: долгое время в описании социальных процессов полиэтничных обществ в широком употреблении была метафора *melting pot*. Критические возражение на эту теорию зарождались как буквально применение новых пищевых метафор – чаши с салатом (*salad bowl* или *tossed salad*) и пиццы[10]. Кухня прямо подсказывает, что многие общности являются сложными сборками элементов, а не однородным сплавом. Более глубокий пример предлагают сторонники современного материализма: философский журнал «Коллапс» в 2011 году выпустил под редакцией Робина Маккея и Резы Негарестани тематический номер, озаглавленный «Кулинарный материализм». В нём целый ряд авторов обратили внимание на сложные и перспективные примеры, связывающие приготовление еды, химические процессы и важные изменения в мире и обществе, которые в свою очередь дают пищу для нередуктивного взгляда на материальные процессы (в том числе заимствуя метафоры из кулинарии). В статьях этого номера звучат провокационные, но эвристически ценные идеи о том, что питание и готовку следует рассматривать как часть истории Земли и геофактор, а также о том, что еда используется для производства субъекта и чужого (буквально, Coquo, ergo cogito – «я готовлю, следовательно думаю») [Collapse, 2011].

Метафоры – форма реакции на современные изменения в нашем питании, что также следует анализировать, в том числе в рамках социальной философии и философии телесности. Например, для ГМО часто используется метафора Франкенштейна, высококалорийная жареная еда получила название джанк-фуд (от англ. *junk* – мусор), а самая распространенная метафора еды сегодня пришла из области техники: еда как топливо для наших тел (тела описывают как машины ещё с Нового времени). Кроме того, в современности довольно резко расходятся дискурсы пользы и здоровья (обычно это нутрициологи, диетологи, врачи) и дискурс удовольствия (фуд-порн, телешоу, реклама). Здесь можно также заметить, что метафоры еды в принципе всегда тесно сплетены с доминирующими метафорами тела и удовольствия. Мы до сих пор наследники картезианского дуализма (пища для ума и тела, еда полезная, буквально разумная, и еда, дающая удовольствие). И по сути концепцию тела или удовольствия сложно понять и реконструировать, говоря лишь об абстрактных потребностях. Ни один человек не нуждается в еде вообще, люди голодают, желают, предпочитают или даже требуют конкретной еды. Более того, если уж говорить о здоровье, то, как это ни удивительно, люди нуждаются не только в калориях и нутриентах, но и в удовольствии. Об этом свидетельствует широкое распространение таких явлений, как фуд-порн, мокпан и др. [Кудряшов, 2021]. Кроме того, ряд современных исследований в области психонейроиммунологии свидетельствуют о том, что удовольствие – важный фактор здоровья (в том числе весьма вероятно допущение, что люди, балу-

[10] Мы опираемся здесь на критическое ревю Berray M. A Critical Literary Review of the Melting Pot and Salad Bowl Assimilation and Integration Theories // Journal of Ethnic and Cultural Studies. 2019. Vol. 6. № 1. P. 142–151.

ющие себя вкусной едой и удовлетворенные своим обедом, чаще обладают более сильной иммунной системой)[11].

В силу этого стоит вспомнить о том, что питание (продукты, блюда, приготовление, ритуалы) очень тесно соприкасаются и с этической проблематикой: от классического гедонизма до современной дискуссии об экологичном потреблении. И речь не только об удовольствии, но и о цене выбора. Многие этические дилеммы звучат совсем иначе, если они касаются голода[12], пищевых табу или необходимости радикально и насильственно вмешиваться в чужие диетарные привычки (стабилизирующие наши представления о том, кто мы есть). В этом плане некоторые современные люди, не знающие опыта настоящего голода, вероятно, испытывают сложности с пониманием не только некоторых гипотетических ситуаций, но и огромной доли опыта жителей других стран и эпох.

3. Пища как фактор в построении социальных и антропологических моделей (философская антропология и этика)

Без еды сложно представить какой-либо социум, тем более самый древний. Любые попытки изучать древние общества, а значит и такие важные проблемы как антропогенез, культуросоциогенез, глоттогенез, генезис искусства, ремёсел и морали, а может и философии – не могут игнорировать столь значимую заботу человека. Заботу не только о пропитании, но и организации отношений и связей с миром, богами и людьми. Развитие и формирование человека, культуры и языка – многоступенчатые процессы, которые неизбежно протекают на фоне таких значимых факторов как условия и ресурсы питания, кулинария и ритуал.

Не учитывать в понимании древних людей факт голода и то, как с ним справляются, столь же странно, как и представлять на месте первобытного охотника сытого и уверенного в наличии еды в ближайшем магазине современника. Меж тем что-то подобное регулярно можно найти в философских рассуждениях о зарождении языка или культуры. Философии пора открыть и признать, что в ряду классических дефиниций человека должна появиться и такая, как *cooking animal*, живое существо, не просто готовящее еду, но нуждающееся в этом.

Мы вряд ли узнаем в точных деталях, как ели наши доисторические предки (это бы ответило на многие вопросы), однако мы предполагаем, что весомая часть ритуалов, правил (основы культуры) и человеческой речи зарождались именно в этой точке – там, где голодное племя не просто питается, а решает десятки задач. Мало добыть, важно решить кто и как готовит, как и кем свершится раздел пищи и, что немаловажно, как справиться с голодом и стрессом, пока еда готовится. Мне кажется, то, что люди говорят и рассказывают друг другу истории, а также ритуализируют подобные вещи, следовало бы рассмотреть в том числе как наш чисто человеческий способ справляться с напряжением и конфликтами. И этому нас научили очаг и стол. Как отмечают этологи, способность делиться пищей со

[11] См. Bitzer-Quintero O.K. et. al. Psycho-Neuro-Endocrine-Immunology: A Role for Melatonin in This New Paradigm // Molecules. 2022. Vol. 27(15).

[12] Например, классический пример из многих этических дискуссий о краже ради выгоды и краже, чтобы прокормить своих голодающих детей.

взрослыми особями (а не только с чужими детёнышами) – практически исключительная черта человека. Конечно, описываются эпизодические случаи пищевого альтруизма у многих других животных, но всё-таки, кажется, один из ключевых признаков человека культуры – это жест, протягивающий гостю кусок пищи, ритуал гостеприимства, открывающий возможность к диалогу с кем-то вне твоего клана.

Еда – один из важнейших посредников, базовый медиум, наряду со словом, жестом, письменным знаком. Возможно, питание и кормление — самая первая форма медиации, собиравшая в единый мир людей, животных, вещи, прежние поколения и богов. Поделиться своей едой — для всех народов означает что-то вроде социального договора, который включает ограничение в адрес обоих участников. Еда объединяет не только семейство или племя, но и этнос или разные поколения (именно поэтому любой праздник, особенно похороны и поминки, символизирующий причастность к чему-то большему, сопровождается групповой трапезой, часто со специальной пищей). Сотрапезник — это соучастник, на таком фундаменте и возникает общность. Более того, способность поделиться пищей – важнейшая предпосылка для доместикации животных, без которых человеческая цивилизация вряд ли когда-нибудь вышла из колыбели. Охотники и собиратели же до сих пор, как и тысячи лет назад, не просто убивают добычу, но испытывают вину за свой способ питаться и страх навлечь гнев или истощение природы. Питание древних пронизано религиозностью без культа и богов, но реализованную через вербальную магию и ритуал.

Каждая личность в значительной степени формируется благодаря другим людям, а значит, влияет и то, где, когда и с кем она питалась. Люди всегда угадывали социальный статус по возможности человека питаться в кругу семьи и по способности устроить угощение гостям. Более того, как показывает антрополог Сидни Минц, еда в широком контексте – это не банальный источник энергии и удовольствия, но ещё и судьбоносные выборы в системе преимуществ и издержек всего социального устройства. На примере сахара он выдвигает любопытную гипотезу о том, что рост популярности этого продукта в Европе и его приход в рацион бедных были важнейшими факторами в становлении западного индустриального общества (ведь оно создаётся не только энергией машинного производства, но и энергией тысяч работников, вписанных в определённый рацион и образ жизни). Дешёвый и быстрый источник пустых калорий, часто вместе со стимуляторами (кофе, чай, алкоголь, табак), а также его производные (сахар как сырьё, консервант, компонент десертов) со временем формирует совершенно новый антропологический тип и иное общество, которые не объяснить ссылками только на доминирующие в эпохе идеи [Mintz, 1979].

Изучение еды в антропологической перспективе позволяет идти не только от точки зарождения культуры в сторону современных сложных социумов, но и в обратном направлении – к проблемам антропогенеза. Например, одна из ключевых проблем в понимании появления человека – вопрос о том, где вышедшему в саванну гоминиду добыть достаточное количество энергии (сахара), чтобы развить и поддерживать большой и энергозатратный мозг? Антропологи сперва попросту не видели эту проблему, а когда обнаружили – создали дилем-

му «мясо или корнеплоды?». И те, и другие при обработке огнём (реакция Майяра) дают нужный ресурс, но это ещё не ответ, ведь есть и другой вопрос: откуда их брать в достаточном количестве в саванне? Если бы среди антропологов были алиментарные философы, хоть немного знающие о флоре и фауне Африки, они бы сразу отметили, что исследователи забыли альтернативы. Такая альтернатива, играющая огромную роль в периоды засухи или при неудачных охотах, – мёд, ведь в Африке очень много медоносов и разных видов медоносных пчёл (в том числе безжальных). Но сделать это открытие ученые-антропологи смогли только в конце XX века, тщательно изучая племя хадза, живущее в наиболее близких условиях тем, что считаются началом антропогенеза. Исследователь Алиса Криттенден не просто доказала, что в некоторые периоды мёд даёт хадза до 80 % всех калорий, но также сделала много других открытий, касающихся питания наших предков[13]. И чем больше мы знаем про человека со всех ракурсов, тем понятнее становятся нам другие вопросы – об обществе, культуре, искусстве, философии.

4. Питание как ключевой вопрос осмысления общества, особенно будущего (социальная философия и футурология)

На обыденном уровне состояние цивилизации от жестокой дикости отделяет всего несколько пропущенных приёмов пищи. Этот фактор серьёзно недооценивают многие, кто занимается социальной философией, предпочитая рассуждать лишь про то, какое устройство государства более разумно. Мы можем обдумывать эту перспективу гипотетически, однако в XX–XXI веке было предостаточно примеров коллапсирующих без продовольствия и электричества городов, в которых обычные жители на третий день голода демонстрировали готовность пойти на многое ради еды, вплоть до каннибализма, который, казалось, остался в далёком доисторическом прошлом.

Но и в ближайшем будущем многие общества, вероятно, напрямую, а не теоретически заденут проблемы источников питания и его разнообразия. Поэтому они становятся одним из ключевых моментов любых прогнозов и форсайт-аналитики. Когда люди реально столкнутся с однообразным и бедным рационом, им будут по большей части безразличны дебаты на тему наилучшего вида демократии. Ради питания люди поддержат любой авторитаризм, особенно тот, который предложит решения. Причём как мирные, так и агрессивные, вроде захвата чужих плодородных территорий. Подобный суровый реализм в отношении к обществам в наши дни диктуется сложными реалиями трансформирующегося миропорядка. Быть может, через пару десятков лет многие, особенно небольшие, государства будут обсуждать различные меры по переориентации образа жизни своего населения, в том числе в плане диетарных привычек и участия в производстве пищи. Эту тенденцию мы предлагаем назвать «йоменизация», или «новые йомены» (от англ. *yeomen* – мелкий землевладелец). Данное явление в какой-то мере обратно

[13]Подробнее см.: Crittenden A.N. The Importance of Honey Consumption in Human Evolution // Food and Foodways. 2011. Vol. 19(4). P. 257–273; Marlowe F., Berbesque C., Wood B., Crittenden A., Porter C., Mabulla A. Honey, Hadza, hunter-gatherers, and human evolution // Human Evolution. 2014. Vol. 71. P. 119–28.

популярной концепции джентрификации, оно обозначает становление значительного количества граждан производителями продовольствия (у себя дома, коллективно в подвалах или крышах домов, в специальных зданиях-фермах около своих жилищ). По крайней мере, многие технологии активно развивают такую возможность – от домашних устройств для гидро- и аэропоники до технических средств, позволяющих создавать удобрения (из бытовых отходов), выращивать съедобных насекомых и т.п.

И хотя продовольственные перспективы будущего пока неоднозначны, думаю, уже наши поколения застанут реальные, а не теоретические дебаты о том, какой путь предпочтительнее – агрессия и захват территорий или сотрудничество, выращивание живых тканей или искусственная сборка, еда на принтере или выращенная своими силами, традиция или новшества, включая расширение рационов и источников (насекомые, грибы, водоросли и т.п.), борьба за качество или обман чувств. Всё ещё растущее население планеты становится всё более значимым фактором как в политике, так и в нагрузке на экосистемы. Поэтому несложно понять, что речь идёт в первую очередь о еде и питье и только потом о территории для расселения, культурно-исторических притязаниях и т.п.

На этом фоне совершенно неудивительна констатация, что никогда исторически в западной цивилизации гастрокультура не занимала столь обширного места (от гастрошоу и фуд-порн до движения слоу-фуд и идеологического обсуждения этичности еды и её производства) [Collapse, 2011]. Анализ современных алиментарных практик и связанных с ними социальных процессов (например, макдональдизация Джорджа Ритцера) также необходим, поскольку медиатизирующая функция пищи почти целиком проигнорирована социальной философией. Меж тем сегодня социальная философия без серьёзного обращения к аспектам медиа немыслима, поскольку людям неизвестны сообщества телепатов, и всякая коммуникация в обществе всегда уже организована некоторыми «посредниками».

Однако современные тенденции в еде – не просто предмет изучения некоторых социальных явлений в ряду прочих. Необходимо понимать, что отношение к питанию продолжает быть зависимым от тех метафор, концептуальных схем и идейных направлений, которые существуют и кем-то продвигаются. В этом плане мы считаем, что эпоха постмодерна создала крайне идеалистический взгляд на пищу, закрепив шизофренический её разрыв на образы хорошей и плохой (с проблемной сочетаемостью удовольствия и пользы). По сути, постмодерн продолжает утверждать прежние стереотипы, связанные с неприятием еды как важной темы: просто вместо негласного запрета на «незначимые разговоры о еде» появилось толерантное принятие разговоров, но не темы. То есть теперь про еду можно говорить, но оставляя её незначимой, утверждая через эту незначимость отказ от ценностных иерархий и постмодернистскую иронию.

На деле нам нужна борьба за другие идеи: вместо идеализма постмодерна и нарастающего господства стоических и скептических тенденций необходимо развивать и отстаивать новый эпикуреизм и материализм, которые способны задавать вопрос о еде как важном элементе нашей жизни (не абстрактной, а конкретной жизни, тесно сплетённой с этикой и эстетикой). На фоне моды на стоицизм и бурно цветущих форм скептицизма новые формы эпикуреизма уже появляются. На-

пример, у Роберта Пфаллера, видящего в материализме и эпикуреизме лекарство от многих разрушительных тенденций постмодерна [Пфаллер, 2018]. Или у Мишеля Онфре, продвигающего новый гедонизм в мировоззрении через материалистическую онтологию и левое ницшеанство [Онфре, 2017].

Другое любопытное явление, которое можно счесть за возвращение эпикуреизма – движение слоу-фуд (медленная еда). Оно было противопоставлено фаст-фуду и выработало три ключевых принципа: вкусная еда, чистое производство, честная оплата. Карло Петрини организовал это движение в Италии, а затем с подачи Карла Оноре и Гейра Бертелсена появляется более обширное движение за замедление (включающее в себя медленное искусство жить, медленное родительство, медленное чтение, медленный город и мн. др.). Эпикурейский ракурс позволяет также включить в социальный разворот темы элемент психологии / психоанализа, тем более что каждая индивидуальная психика напрямую сталкивается с общественным дискурсом. Наш личный ежедневный опыт тесно переплетён с тем, что мы чувствуем в связи с едой. И судьба многих в наши дни – те или иные расстройства питания или образа жизни (что всегда отзывается и на питании, а затем и здоровье), мучительные поиски связи с другими или её замены едой. Люди часто одиноки и даже не подозревают, что одиночество как опыт тесно связано с едой.

Можно было бы символически это выразить как необходимость питать себя общением, сопричастностью другим, но у этой связи есть и органическое, материальное основание: голод, одиночество и неправильное питание напрямую связаны с выработкой гормонов грелина (отвечает за голод) и серотонина (отвечает за удовлетворенность и стрессоустойчивость). Грелин быстрее вырабатывается у тех, кто ощущает себя одиноким[14]. А серотонин в значительной степени вырабатывается в ЖКТ, микробиомом, который живет в симбиозе с нами, если не уничтожать его стрессами, антибиотиками и ужасным питанием. Страдающий и фрустрированный житель города – в значительной степени продукт специфического питания и нерефлексивного или неверного отношения к еде и кулинарии. Да и стремительный рост пищевых аллергий и РПП (прежде всего анорексии и булимии), идущий в последние 50 лет, заставляет задуматься.

Резюме

От вопросов о питании невозможно сбежать в конечном счёте, как невозможно сбежать от самих себя. Питаться, не принимая тему еды на уровне рефлексии, – это странный парадокс для мыслящих, в котором нам видится один из источников многих перекосов и уродств современного мира. Теоретики как будто готовы заниматься любыми далёкими от наших реалий проблемами, накапливать ненужные знания и поддерживать нереалистичный образ человека, но обратить внимание на повседневную рутину, играющую столь важную роль в здоровье ума и тела, – им почему-то недосуг.

[14]См. например, Jaremka L.M., FagundesC.P., Peng J., Belury M.A., Andridge R.R., Malarkey W.B, Kiecolt-Glaser J.K. Loneliness predicts postprandial ghrelin and hunger in women // Hormones and Behavior. Vol.70, April 2015, pp. 57-63.

Между тем даже простой список с кратким перечислением теоретических и практических проблем, касающихся еды, занял бы несколько страниц. Широкий ряд теоретических проблем мы предложили в четырёх тематических разворотах алиментарной проблематики. Здесь же, не претендуя на полноту списка, мы попытаемся озвучить ряд реальных практических проблем, в решении которых были бы не бесполезны систематические знания об алиментарной проблематике в философии.

Во-первых, это проблемы, касающиеся современных индивидов. Среди таковых не только проблемы со здоровьем, ожирением, расстройствами пищевого поведения, также сюда нужно вписать комплексные проблемы – например, одиночество (трапеза – древнейшая форма коммуникации; чувство одиночества усиливает выделение гормона голода – грелина) или рост психической нагрузки от избытка информации (о диетах и системах питания, о вреде и пользе продуктов, об этических последствиях потребления тех или иных видов пищи и т.д.). Пища напрямую связана с коммуникацией и удовольствием, а не только нехватка, но и другие трудности с любым из этих компонентов жизни неминуемо ведут к психологическим, а затем и социальным последствиям. Рост аллергий, депрессий, хронической усталости также, вероятно, имеет тесную связь с несбалансированным питанием или с плохо выстроенным образом жизни (где питание всегда один из важных элементов, в том числе из-за затрат времени и средств).

Во-вторых, это проблемы, формулируемые на уровне систем и подсистем общества. Например, это поиск решения по обеспечению пищей больших масс людей, в котором сталкиваются экономическая рентабельность и огромный пласт людских привычек, культурных стереотипов и предпочтений, религиозных норм и морально-этических допущений конкретных эпох и сообществ. Сегодня еда – это в значительной степени вопрос о будущем, в котором мы хотели бы жить, а может, придётся существовать. Следовательно, существует необходимость создания ясного запроса или даже стимуляции в области определённых пищевых технологий. Нехватка пищи и питьевой воды, как любого из ключевых ресурсов, в перспективе – всегда война или распад общества, а там, где затронуты вопросы выживания, мы напрямую имеем дело с политикой и идеологией, причём в их самом практическом понимании. Именно идея выживания общества (обеспечение ли это того, что признаётся необходимым, или претензии на обеспеченный ресурсами будущий рост) тесно связана, как показывает Петер Слотердайк, с национализмами и фашистскими идеологиями [Слотердайк, 2009, с. 36-39].

Наконец, в-третьих, это проблемы, связанные с самим образом человека и человечества. Организация питания – индивидом или сообществом – это всегда род антропотехники, т.е. одним из последствий оказывается определённый тип человека или убеждение о том, каков он. Осмысление питания, оторванное от почти всех систем воспитания и образования, в свете такого понимания представляется нелепым и безрассудным. Но это и есть наша реальность, в ней мы наивно убеждены, что образованный человек как-то разберётся и со своим отношением к еде. Между тем вдумчивое отношение даже не к еде, а ко времени жизни, которое мы вынуждены затратить на питание, представляется одним из важных импульсов к культурному и интеллектуальному развитию личности. В противном

случае мы должны признать в качестве неизбежного следствия тот факт, что человек не является человеком в полной мере: человеческое как таковое остаётся лишь областью ума, в то время как психическое и телесное бытие человека мы попросту отдаём во власть крупным системам (вроде экономики и политики), которые сводят человека до показателей и объектов манипуляции. То, что гуманитарные науки потворствуют подобным допущениям, – весьма прискорбный факт, требующий исправления.

Глубинная причина того, почему это до сих пор происходит, состоит в том, что теоретики и шире интеллектуальный класс не принимают еду как философский вопрос. У данного предубеждения немало причин, но основных – всего две. Первая причина – ограничения нашего повседневного опыта и отсутствие привычки к его осмыслению, вторая – своего рода родимое пятно философии.

По поводу первой причины можно заметить, что очень немногие люди доводят свои жизненные заботы или приобретённый опыт до рефлексии, чаще им нужны практические ответы, созданные экспертами, а не выработанные ими самими. А в области еды у большей части населения ещё и крайне скудный опыт, как чувственный, так и дискурсивный. Порой человеку попросту не у кого учиться вдумчивому подходу к питанию в детстве, да и негативный опыт, тоже нередко посещающий нас вместе с пищей, у многих вырабатывает не желание разобраться, а устойчивый комплекс вытеснений. Стремление получить всё и побыстрее по-человечески понятно, но ведёт оно обычно к логике таблетки. Многие грезили и грезят о том, чтобы чудесная таблетка освободила их даже от необходимости несколько раз в день жевать пищу. Но таблетки не сделают человека счастливым, еду придётся использовать, если хочешь получать удовольствие и новый опыт, а также чтобы создавать связи и поводы к общению.

Кроме того, приготовление еды – времязатратный процесс. Готовка и всё, что с ней связано, – это те рутины, которые, может показаться, отнимают очень много времени, особенно если вы хотите потратить его на чтение и размышления. И требование высокого качества и стандарта в питании доступно только тем, кто либо живёт за счёт других, либо имеет прихоть и роскошь заниматься только этим. Именно поэтому даже философия возникает там, где свободные мужи Греции были относительно свободны от многих алиментарных забот (поскольку они легли на рабов и женщин).

Но именно здесь возникает вторая причина. Философия возникла на фоне свободы от пищевых забот, но в своём развитии она движется не только вперёд (новые термины, проблемы, подходы), но и назад – к всё более фундаментальным аспектам бытия человеческого, в том числе тем, что ещё не ассимилированы мыслью. И в этом плане философия просто обречена вернуться к своему «родимому пятну» – к следу того незнания или неозабоченности едой и кулинарией, которые участвовали в её возникновении. Вернуться, чтобы принять или хотя бы сделать несколько шагов в этом направлении. При этом обращение к алиментарной проблематике не требует посвятить себя только гастрономии. В конце концов это означало бы нелепость в духе «Жить чтобы питаться» вместо «Питаться чтобы жить». Но и облегчать задачу ни культура, ни биология нам не планируют: всем, кто оценит значимость этой темы, придётся искать свой уникальный баланс

в пище, который зависит как от социального положения и финансов или вашей генетики и состояния здоровья, так и от философской проницательности, дерзости воображения и развития практических талантов. Еду всё-таки делают руками, а для этого придётся вернуться из высей духа в мир земной.

Переосмысление целого ряда вопросов и проблем, существующих философских теорий и научных исследований открывает путь к концептуализации нового порядка, которую нельзя провести без собственного, отчётливо представленного класса предметов. Формулировка единого пространства алиментарной проблематики в философии и шире в антропологии (включая не только философский её аспект, но и научно-эмпирический) в дальнейшем открывает две, на наш взгляд, важные для современности перспективы. С одной стороны, это решение практических задач на основе хорошо разработанной теории и методологии. С другой, – создание проработанной классификации философских взглядов на вопросы еды и дискурса о ней – может стать весомым импульсом к развитию и переработке воспитательных и образовательных систем, в том числе в плане выработки индивидуального этического жизненного стиля.

Да, мы считаем, что философское обращение к еде может стать вопросом выработки этики и стиля жизни, вместе с тем не стоит забывать и о социальном аспекте. В этом плане хочется вспомнить о том, что еда очень легко становится политическим и культурным фактором, приводящим к открытости или закрытости, к разобщению или новым контактам. На фоне мировой нестабильности и грядущих проблем с экологией, чистой водой, плодородными почвами и т.п. в России, как мне кажется, есть смысл изучать еду, в том числе её философско-культурологический аспект, потому, что наша страна может оказаться одним из центров не только производства продовольствия, но и технологических и гуманитарных разработок в этой области, и даже в сфере мирового гастротуризма. Этому способствуют и разнообразные ресурсы, и очень богатая, многообразная и гибко реагирующая на изменения кулинарная традиция. И это тоже вопрос принятия себя – того, кто ты есть и где живёшь. Но подобное развитие может и должно идти рука об руку с изучением и культурным просвещением.

Список литературы

Батай Ж. Проклятая часть. М.: Ладомир, 2006.

Брилья-Саварен Ж. Физиология вкуса. М.: Изд-во Секачев В.Ю., 2019.

Гегель Г. В. Ф. Философия религии: В 2 т. М.: Мысль, 1977. Т. 2.

Кудряшов И. С. Феномен фуд-порн: философский и психоаналитический взгляд на современные алиментарные практики // Сиб. филос. журн. 2021. № 19(4). С. 34–51.

Ницше Ф. Ecce Homo. Антихрист. М.: Азбука, 2023.

Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. М.: Азбука, 2015.

Онфре М. Космос. Материалистическая онтология. М.: Кучково Поле, 2017.

Пфаллер Р. Ради чего стоит жить. Начала материалистической философии. М.: Дело, 2018.

Романенко Ю. М. Метафизика пищи: О реконструкции утраченного Аристотелевского трактата «О пище» // Вестн. русс. христ. гуманит. акад. 2016. Т. 17. Вып. 4. С. 107–117.

Слотердайк П. Критика цинического разума / пер. с нем. А. Перцева. Екатеринбург: У-Фактория, М.: АСТ. МОСКВА, 2009.

Слотердайк П. Сферы. Микросферология. СПб.: Наука, 2005. Т. 1. Пузыри.

Collapse. Culinary Materialism / Ed. by Reza Negarestani, Robin Mackay. Falmouth: Urbanomic, 2011.

Hossenfelder M. Antike Gluckslehren.Kynismus und Kyrenaismus, Stoa, Epikureismus und Skepsis.Quellen in deutscher Ubersetzung mit Einfuhrungen. Stuttgart: Kroner, 1996.

Mintz S.W. Time, sugar and sweetness // Marxist Perspectives. 1979. Vol. 2. №4. P. 56–73.

References

Bataille G. The Cursed Part. M.: Ladomir, 2006. (in Russian)

Brillat-Savarin J. Physiology of Taste. M.: Sekachev Publishing, 2019. (in Russian)

Collapse. Culinary Materialism / Ed. by Reza Negarestani, Robin Mackay. Falmouth: Urbanomic, 2011.

Hegel G. W. F. Philosophy of Religion: In 2 vols. M.: Mysl, 1977. Vol. 2. (in Russian)

Hossenfelder M. Antike Gluckslehren. Kynismus und Kyrenaismus, Stoa, Epikureismus und Skepsis. Quellen in deutscher Ubersetzung mit Einfuhrungen. Stuttgart: Kroner, 1996. (in German)

Kudryashov I. S. Food-porn: philosophical and psychoanalytics view on contemporary alimentary practics // Siberian Journal of Philosophy. 2021. Vol. 19. № 4. P. 34–51. (in Russian)

Mintz S. W. Time, sugar and sweetness // Marxist Perspectives. 1979. Vol. 2. № 4. P. 56–73.

Nizche F. Ecce Homo. Antichrist. M.: Azbooka, 2023. (in Russian)

Nizche F. On the other side of good and evil. M.: Azbooka, 2015. (in Russian)

Onfray M. Cosmos. Materialistic ontology. M.: Kuchkovo Pole, 2017. (in Russian)

Pfaller R. What is worth living for. Principles of materialistic philosophy. M.: Delo, 2018. (in Russian)

Romanenko U. M. Metaphisics of Food: About reconstruction of lost Aristoteles`s tractatus «About Food» // Herald of the Russian Christian Humanities Academy. 2016. Vol. 17. № 4. P. 107–117. (in Russian)

Sloterdijk P. Critics of Cynical Reason. M.: AST, 2009. (in Russian)

Sloterdijk P. Spheres. Microspherology. Saint Petersburg: Nauka, 2005. Vol. 1. Bubbles. (in Russian)

Информация об авторе

Иван Сергеевич Кудряшов, кандидат философских наук
доцент кафедры социальной философии Новосибирского государственного университета;
доцент кафедры философии факультета социальной работы и клинической психологии Новосибирского государственного медицинского университета

Information about the Author

Ivan S. Kudryashov, Candidate of Philosophical Sciences
Associate Professor, Department of Social Philosophy, Novosibirsk State University;
Associate Professor, Department of Philosophy, Faculty of Social Work and Clinical Psychology, Novosibirsk State Medical University

Статья поступила в редколлегию 18.09.2023;
одобрена после рецензирования 27.10.2023; принята к публикации 14.11.2023

The article was submitted 18.09.2023;
approved after reviewing 27.10.2023; accepted for publication 14.11.2023

Научная статья

УДК 316.334.3, 323
DOI 10.25205/2541-7517-2023-21-3-88-105

Органы местного самоуправления в процессе муниципального реформирования: тенденции и закономерности развития

Мария Рудольфовна Зазулина

Институт философии и права Сибирского отделения РАН
Россия, Новосибирск
zamashka@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-8984-1129

Аннотация

Статья посвящена исследованию закономерностей развития системы местного самоуправления в РФ. Целью исследования является анализ изменений в структуре органов местного самоуправления и правилах их формирования на каждом этапе развития этого института, а также выявление основных закономерностей этого процесса. Внесение на рассмотрение ГД РФ проекта Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» в декабре 2021 г. означает подготовку нового этапа муниципальной реформы и делает актуальным исследование изменений в институциональной организации местного самоуправления с точки зрения более долговременной перспективы. Анализ законодательной базы, регламентирующей структуру и правила формирования органов местного самоуправления, показывает, что структура органов местного самоуправления не претерпела существенных изменений, но произошли изменения в способах формирования органов местного самоуправления, которые отражают тренд на потерю ими институциональной независимости и встраивание в единую систему публичной власти. Эта тенденция проявилась на этапе реализации Федерального закона о местном самоуправлении 2003 г. и закрепилась в новом Проекте закона о местном самоуправлении. В вопросе формирования органов местного самоуправления прослеживается тенденция усиления зависимости от федерального и регионального законодателей. Для глав муниципальных образований потеря институциональной независимости ярко проявилась во введении процедуры избрания глав по конкурсу, постепенно вытесняющему все прочие способы формирования. Представительные органы, пройдя этап делегирования депутатов, возвращаются к модели прямых выборов. Однако происходит это в условиях отказа от двухуровневой системы местного самоуправления.

Ключевые слова

местное самоуправление, реформа, органы местного самоуправления, глава муниципального образования, представительный орган муниципального образования, 131-ФЗ, единая система публичной власти.

© Зазулина М. Р., 2023

Для цитирования

Зазулина М. Р. Органы местного самоуправления в процессе муниципального реформирования: тенденции и закономерности развития. // Сибирский философский журнал. 2023. Т. 21, № 3. С. 88–105. DOI 10.25205/2541-7517-2023-21-3-88-105

Local self-government bodies in the process of municipal reform: trends and patterns of development

Mariya R. Zazulina

Institute of Philosophy and Law of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences
Russia, Novosibirsk

zamashka@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-8984-1129

Abstract

The article is devoted to the study of the development patterns of the local government system in the Russian Federation. The submission to the State Duma of the Russian Federation of the draft Federal Law «On the general principles of the organization of local self-government in the unified system of public authority» in December 2021 means the preparation of a new stage of municipal reform and makes it relevant to study long-term changes in the institutional organization of local self-government. The purpose of the study is to analyze changes in the structure of local self-government bodies and the rules of their formation at each stage of the development of this institution, as well as to identify the main patterns of this process. The analysis of the legislative base regulating the structure and rules of formation of local self-government bodies has been carried out. The data related to the development of the local government system provided by the Ministry of Justice of the Russian Federation were analyzed. It is shown that the structure of local self-government bodies has not undergone significant changes. However, there have been changes in the ways of forming local self-government bodies, which reflect the trend towards their loss of institutional independence and integration into a single system of public power. This trend appeared at the stage of implementation of the Federal Law on Local Self-Government in 2003 and was consolidated in the new Draft law on Local self-government submitted to the State Duma of the Russian Federation in 2021. It is concluded that there is a tendency to increase the dependence on federal and regional legislators of local self-government bodies. For the institute of heads of municipalities, the loss of institutional independence was clearly manifested by the introduction of the procedure for electing heads by competition, displacing both election at municipal elections and election from the Council of Deputies. The formation of representative bodies, having passed the stage of delegating deputies to higher levels, returns to the model of direct elections. However, this happens in the context of the rejection of a two-tier system of local self-government.

Keywords

local self-government, reform, local government bodies, head of municipality, representative body of the municipality, 131-FZ, a unified system of public power

For citation

Zazulina M. R. Local self-government bodies in the process of municipal reform: trends and patterns of development // *Siberian Journal of Philosophy*, 2023, vol. 21, no. 3, p. 88–105. (In Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2023-21-3-88-105

Распад Советского Союза завершился для Российской Федерации витком реформ, связанных с попыткой транзита демократических институтов западного образца. Местное самоуправление оказалось одной из сфер, где подобные пре-

образования имели место. Выбранная стратегия развития предполагала институциональную независимость местного самоуправления, что получило закрепление в Конституции 1993 г. Однако дальнейший опыт показал, что выбранная стратегия оказалась неэффективной и не соответствующей отечественным реалиям. Результатом стала постепенная трансформация института местного самоуправления в России, в ходе которой происходили параллельные изменения в концептуальной трактовке местного самоуправления, его законодательной базе и правилах его институциональной организации.

Изменения в концепции местного самоуправления происходили по траектории от общественной (местное самоуправление как самостоятельная деятельность) к государственной (местное самоуправление как форма осуществления власти) и к гипергосударственной (местное самоуправление как звено в единой системе осуществления власти). В целом направленность этих изменений можно определить как дрейф по оси институциональная независимость / институциональная зависимость местного самоуправления от органов государственной власти.

В законодательном плане речь идет о принятии федеральных законов, маркирующих различные этапы муниципальной реформы. В 1995 г. был принят Федеральный закон от 28.08.1995 № 154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее 154-ФЗ)[1]. Этому закону предшествовало принятие в 1993 г. Конституции РФ, содержавшей отдельную главу о местном самоуправлении[2]. В 2003 г. начался очередной этап реформы местного самоуправления, и был принят Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее 131-ФЗ)[3]. Изменения, последовательно вносимые в этот закон, нашли закрепление в поправках, внесённых в Конституцию РФ в 2020 г. в той ее части, которая касалась местного самоуправления. Очередная муниципальная реформа была анонсирована внесением на рассмотрение ГД РФ в декабре 2021 г. Проекта Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» (далее Законопроект-2021)[4]. Несмотря на то что в силу внешнеполитических обстоятельств обсуждение и принятие законопроекта было приостановлено, не вызывает сомнений, что в дальнейшем местное самоуправление ожидает принятие нового федерального закона и, как следствие, новый этап реформирования.

---

[1] Федеральный закон от 28.08.1995 № 154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Росс. газ. – № 170. – 01.09.1995

[2] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс] // Законодательная база Российской Федерации. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 30.09.2023)

[3] Федеральный закон от 06.10.2003 N 131-ФЗ (ред. от 30.12.2021) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/ (дата обращения: 30.09.2023)

[4] Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти. Проект» [Электронный ресурс] // Система обеспечения законодательной деятельности Государственной Думы РФ. — URL: https://sozd.duma.gov.ru/download/626BB5D1-C7D8-4ED3-8AD7-51DA08BF6719 (дата обращения: 30.09.2023)

Как мы уже отметили, изменения в концептуальной трактовке и законодательной базе местного самоуправления сопровождались изменениями в его институциональной организации, т. е. в структуре составляющих его элементов и принципах их взаимодействия. Одними из наиболее значимых характеристик институциональной организации местного самоуправления являются структура органов местного самоуправления и правила их формирования. Цель данного исследования – проанализировать, как менялись структура органов местного самоуправления и правила их формирования на каждом этапе развития института, выявить основные тенденции этого процесса. Кроме этого, крайне актуальным представляется сопоставить эти тенденции с общими закономерностями в развитии самоуправления и его концептуального понимания в постсоветской России.

Основными методами исследования выступают, во-первых, анализ правовых документов, определяющих институциональную организацию и статус органов местного самоуправления: Конституция РФ 1993 г. и пакет поправок, внесённых в нее в 2020 г. (часть этих поправок непосредственно касалась местного самоуправления), тексты федеральных законов о местном самоуправлении. Во-вторых, анализ данных ежегодного мониторинга развития системы местного самоуправления, организованного в соответствии с планом реализации государственной программы Российской Федерации «Развитие федеративных отношений и создание условий для эффективного и ответственного управления региональными и муниципальными финансами», утвержденной постановлением Правительства Российской Федерации от 18 мая 2019 г. № 445. Данный мониторинг осуществлялся Министерством юстиции в период с 2014 по 2021 гг. и представляет собой количественные данные о различных аспектах развития системы местного самоуправления, полученные от муниципальных и региональных органов власти.

Тема местного самоуправления на всем протяжении развития этого института получила глубокое и всестороннее освещение в научных работах. Можно выделить ряд исследований на стыке философии, политологии и социологии, посвященных осмыслению общих тенденций в развитии местного самоуправления [Лексин, 2016; Нечаев, 2006], а также отдельных его аспектов [Упоров, 2022]. Также отметим исследования, посвященные анализу количественных характеристик института местного самоуправления на различных этапах его развития [Пашенцев, 1999; Реформа местной власти, 2008]. В данной работе мы сосредоточимся на реальных последствиях концептуальной и законодательной трактовок местного самоуправления и проследим количественные и качественные изменения, произошедшие в отдельных аспектах его институциональной организации.

Органы местного самоуправления в федеральном законодательстве

Закон 1995 г. относил к органам местного самоуправления: выборные органы местного самоуправления, образуемые в соответствии с Федеральным законом, законами субъектов Федерации и уставами муниципальных образований (ст. 14, ч. 1), а также другие органы, образуемые в соответствии с уставами муниципальных образований. Их структура местного самоуправления определялась населе-

нием самостоятельно (ст. 146, ч. 6)[5]. Таким образом, перечень элементов был открытым, обязательные элементы отсутствовали. Основным критерием местного самоуправления выступало именно наличие выборных органов, без дальнейшей конкретизации.

В то же время специальные статьи касались основных элементов, составляющих структуру органов местного самоуправления. Для представительного органа местного самоуправления предусматривался единственный способ формирования – путем избрания на всеобщих равных прямых и тайных выборах. Формулировка ст. 16, ч. 1 гласила, что «уставом муниципального образования *могут быть* (курсив наш. – *М. З.*) предусмотрены должность главы…, а также должности иных выборных должностных лиц местного самоуправления». Таким образом, даже должность главы не была обязательной. Формирование института глав предусматривало два способа: либо избрание населением на муниципальных выборах, либо избрание депутатами из своего состава. Отсутствовало упоминание об исполнительных органах местного самоуправления, т. е. об администрации.

Действующий 131-ФЗ, принятый в 2003 г., предусматривает наличие в структуре органов местного самоуправления трех обязательных элементов: представительного органа, главы муниципального образования и местной администрации (ст. 34, п. 2). При этом законодатель оставляет вопрос об окончательной структуре органов местного самоуправления открытым, отмечая, что в нее могут входить «иные органы и выборные должностные лица местного самоуправления, предусмотренные уставом муниципального образования» (ст. 34, п. 1)[6].

Принятие в 2014–2015 гг. Федерального закона от 27.05.2014 № 136-ФЗ и Федерального закона от 03.02.2015 № 8-ФЗ[7], вносящих изменения в основной закон о местном самоуправлении, привело к тому, что порядок формирования, полномочия, срок полномочий, подотчетность, подконтрольность органов местного самоуправления, а также иные вопросы их организации и деятельности ставились в зависимость от законов субъекта РФ. С одной стороны, это означало определенную свободу в вопросах местного самоуправления на региональном уровне: регионы сами могли выбирать модель самоуправления. Но фактически выбор осуществлялся лишь из тех вариантов, которые были предусмотрены в федеральном законе. Это касалось как института глав, так и представительного органа местного самоуправления.

В соответствии с Законопроектом-2021 структура органов местного самоуправления также включает в себя три обязательных элемента, оставляя полный перечень органов открытым (ст. 14, п. 2)[8]. Для корректной оценки положений,

---

[5] Федеральный закон от 28.08.1995 № 154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Росс. газ. – № 170. – 01.09.1995.

[6] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс] // Законодательная база Российской Федерации. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 30.09.2023)

[7] Федеральный закон от 06.10.2003 N 131-ФЗ (ред. от 30.12.2021) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/ (дата обращения: 30.09.2023)

[8] Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти. Проект» [Электронный ресурс] // Система обеспечения законодательной

предлагаемых Законопроектом-2021 в вопросе состава и формирования органов местного самоуправления, необходимо учитывать общую направленность этого закона. Прежде всего, им предусматривается отказ от существующей сегодня двухуровневой системы местного самоуправления и введение одноуровневой. Устранен будет низовой уровень самоуправления – уровень поселений. Одноуровневая система местного самоуправления будет включать всего три возможных типа муниципальных образований: муниципальный округ, городской округ и внутригородская территория (внутригородское муниципальное образование) города федерального значения (ст. 9). Более подробный анализ нововведений, предлагаемых в новом законопроекте, был осуществлён в одной из наших предыдущих работ [Зазулина, 2022]. Подчеркнем два момента. Во-первых, Законопроект-2021 ориентирован на встраивание института местного самоуправления в единую систему публичной власти (что следует уже из его названия). Во-вторых, значительная часть изменений, вносимых в 131-ФЗ начиная с 2014 г. (например, введение в качестве нового типа муниципального образования – муниципального округа, изменение процедуры избрания глав муниципальных образований), были перенесены затем в Законопроект-2021. Таким образом, при дальнейшем анализе данных мониторинга развития местного самоуправления данные, относящиеся к тем типам муниципальных образований, которые останутся в соответствии с положениями Законопроекта-2021, мы можем воспринимать как предварительную репрезентацию модели самоуправления, которая ожидает Российскую Федерацию в дальнейшем.

Институт глав муниципальных образований

За время действия 131-ФЗ важные изменения произошли в непосредственных способах формирования института глав. Первая его редакция предусматривала два способа: избрание на муниципальных выборах и избрание представительным органом муниципального образования из своего состава. Отдельный способ прописывался для поселений с численностью избирателей менее 100 человек: в них глава муниципального образования должен избираться на сходе граждан.

Федеральным законом от 03.02.2015 № 8-ФЗ дополнительно был введен третий способ формирования института глав – выбор депутатами представительного органа из числа кандидатов, представленных конкурсной комиссией. Формальная выборность сохранялась, но в значительной степени нивелировалась тем, что большая часть членов конкурсной комиссии назначалась вышестоящими органами власти. Для поселений и внутригородских муниципальных образований отбор кандидатов на пост главы контролировался главами соответствующих муниципальных районов и городских округов с внутригородским делением. Для муниципальных районов и городских округов – высшим должностным лицом субъекта Российской Федерации. Таким образом, усиливалась зависимость глав поселений от глав районов (на фоне формально установленной автономии

деятельности Государственной Думы РФ. — URL: https://sozd.duma.gov.ru/download/626BB5D1-C7D8-4ED3-8AD7-51DA08BF6719 (дата обращения: 30.09.2023)

уровней самоуправления), а глав районов и городских округов, в свою очередь, – от региональных органов власти.

Как мы уже отмечали, субъекты РФ могли выбирать среди предложенных моделей. На 01.01.2016 г. 36 субъектов РФ установили единый унифицированный порядок избрания глав муниципальных образований для всех своих муниципальных образований. В том числе прямые выборы были предусмотрены в двух субъектах РФ, избрание из состава депутатов – в 24 субъектах РФ, избрание по конкурсу – в 10 субъектах РФ[9]. На 01.01.2021 г. избрание глав муниципальных районов осуществлялось по конкурсу в 35 субъектах РФ (при этом в 28 субъектах такой порядок избрания устанавливался как безальтернативный законами субъектов Федерации, а в семи субъектах устанавливался на основе критериев, которым соответствовали все муниципальные районы субъекта РФ). Ещё в 18 субъектах РФ главы муниципальных районов избирались депутатами представительных органов из своего состава и, соответственно, исполняли обязанности председателей представительных органов (в 17 субъектах такой способ устанавливался субъектом РФ как безальтернативный и в одном субъекте как соответствующий критериям). Ещё в 18 субъектах РФ муниципальным районам была предоставлена какая-то степень свободы в вопросах способа формирования института глав и их статуса[10].

Для глав городских округов порядок избрания устанавливался схожим образом. В 39 субъектах РФ было законодательно установлено избрание по конкурсу (в том числе в 31 субъекте РФ это был безальтернативный вариант, а в 8 субъектах РФ применение конкурсной системы поставлено в зависимость от выполнения формальных критериев, которым удовлетворяют все городские округа). В 16 субъектах региональным законодателем было установлено избрание и состава депутатов (в том числе в 13 случаях безальтернативно и в трех – на основе соответствия критериям). Законами четырех субъектов РФ главы городских округов выбирались на прямых выборах, а ещё в трёх субъектах РФ за городскими округами закреплялось право самостоятельно выбирать способ формирования института глав. В остальных субъектах к городским округам применялось более сложное регулирование, закрепляющее за ними известную свободу в этом вопросе[11].

---

[9] Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти. Проект» [Электронный ресурс] // Система обеспечения законодательной деятельности Государственной Думы РФ. — URL: https://sozd.duma.gov.ru/download/626BB5D1-C7D8-4ED3-8AD7-51DA08BF6719 (дата обращения: 30.09.2023)

[10] Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 30.12.2021) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/ (дата обращения: 30.09.2023)

[11] Федеральный закон от 27.05.2014 № 136-ФЗ «О внесении изменений в статью 26-3 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001201405270020 (дата обращения: 30.09.2023); Федеральный закон от 03.02.2015 № 8-ФЗ «О внесении изменений в статьи 32 и 33 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [Элек-

Таким образом, менее чем за десятилетие модель избрания муниципальных глав по конкурсу получила широкое распространение. Это касается количества регионов, которые ее используют (в 2016 г. данная модель была утверждена законами 10 субъектов РФ, в 2021 уже более чем 30 субъектов РФ). Также это касается совокупной доли глав, избранных тем или иным способом. Именно данные о способах формирования института глав муниципальных образований дают представление о реальных последствиях отмеченных изменений в законодательстве (табл. 1) и реальных масштабах распространения практики назначения по конкурсу. Среди всех глав муниципальных образований доля избранных по конкурсу к 2021 г. составила 39,8 %, в то время как на муниципальных выборах - лишь 24,5 %. Таким образом, процедура избрания по конкурсу приходит на смену прежде всего прямым выборам глав населением. Порядка 75 % всех глав муниципальных образований на сегодняшний день избираются не напрямую населением, а опосредованно, представительными органами местного самоуправления.

Таблица 1. Способы формирования института глав муниципальных образований 2016–2021 гг., %

Table 1. Methods of formation of the Institute of heads of municipalities 2016–2021, %

Способ формирования	*Год*					
	2016	*2017*	*2018*	*2019*	*2020*	*2021*
Муниципальные выборы	40,7	34,9	31	25,7	24,2	24,5
Выборы из числа депутатов	42	43,7	41	41,2	41	35,3
Конкурс	17	21,1	27,7	32,8	34,5	39,8
Избрание на сходе	0,3	0,3	0,3	0,3	0,3	0,4
Всего	100	100	100	100	100	100

Составлено автором на основе данных Мониторинга организации и развития системы местного самоуправления в РФ за 2016–2021 гг.

Еще более отчетливо тенденции в способах формирования института глав проявляются, если проанализировать данные по муниципальным районам, городским округам и муниципальным округам, т. е. именно тем муниципальным образованиям, которые составят каркас новой системы самоуправления (табл. 2). В период с 2016 по 2021 гг. доля глав муниципальных районов, избранных на прямых выборах, снизилась с 32,1 % до 11,7 %, а муниципальных округов, соответственно, с 36,7 % до 7,3 %. Глав, избранных из числа депутатов, также стало значительно меньше в обоих типах муниципальных образований. Взамен происходит увеличение доли избранных по конкурсу. Более того, приведенные данные демонстрируют, что такое изменение правил формирования института глав в городских округах имеет более быстрые темпы. За один и тот же период доля руководителей

тронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201502040017 (дата обращения: 30.09.2023)

органов местного самоуправления, избранных по конкурсу, в городских округах увеличилась с 20 % до 75 %, в муниципальных – с 19 % до 54 %.

Таблица 2. Способы формирования института глав муниципальных районов, городских округов и муниципальных округов в 2016 и 2021 гг., %

Table 2. Methods of formation of the institute of heads of municipal districts, city districts and municipal districts in 2016 and 2021, %

Фактический способ формирования	*Тип муниципального образования*		
	Муниципальный район	*Городской округ*	*Муниципальный округ*
Муниципальные выборы	11,7	7,3	1
Выборы из числа депутатов	34,3	20,1	2
Конкурс	54	72,6	97
Всего	100	100	100

Составлено автором на основе данных Доклада о результатах ежегодного мониторинга организации и развития местного самоуправления в Российской Федерации за 2016 и 2021 г.

Будущий институциональный дизайн системы местного самоуправления хорошо демонстрируется на примере муниципальных округов, т. е. абсолютно нового типа управления, в который так или иначе должны быть преобразованы нынешние муниципальные районы. На 01.01.2021 г. в Российской Федерации 99 муниципальных районов были преобразованы в муниципальные округа. Из 99 глав этих округов 96 были избраны на конкурсной основе, двое – из состава депутатов, и один – на прямых муниципальных выборах. При этом различие подходов к муниципальному строительству на уровне региональных властей по-прежнему сохраняется: из 17 субъектов, в которых сформированы муниципальные округа, лишь девять установили конкурс в качестве единственной безальтернативной системы избрания, ещё в четырех субъектах конкурсная система введена на основании соответствия критериям, установленных субъектом. В остальных случаях муниципальные образования имели различную степень формальной свободы[12].

Можно утверждать, что преобразование муниципальных районов в муниципальные округа сопровождается тенденцией значительного сокращения доли глав, избранных на муниципальных выборах, и увеличения доли тех, кто избран по конкурсу. Иначе говоря, несмотря на то что формально избрание на муниципальных выборах сохраняется в качестве возможного способа формирования института глав, фактически это способ не используется.

[12] Там же.

В 131-ФЗ статус глав зависел от способа их избрания. В случае избрания на муниципальных выборах глава муниципального образования мог либо возглавить местную администрацию, либо стать председателем представительного органа. В случае избрания представительным органом муниципального образования из своего состава, в соответствии с первой редакцией, глава становился председателем представительного органа, а с 2015 г. мог также возглавлять местную администрацию (совмещение этих должностей не допускалось). Несмотря на то что четких правил по поводу занимаемых должностей не сформулировано, на практике главы, избранные на прямых выборах, занимали пост главы администрации, а избранные Советами депутатов становились председателями этих Советов. Исключения из сложившихся негласных правил единичны.

В сельских поселениях, а также во внутригородских муниципальных образованиях города федерального значения глава мог одновременно возглавлять администрацию и быть председателем Совета депутатов. Практика совмещения должностей использовалась первоначально даже в случае избрания по конкурсу. Данные 2016 г. показывают, что из 3784 глав муниципальных образований, избранных по конкурсу, 1077 совмещали должность председателя Совета депутатов и главы администрации. Такая практика прекратилась с принятием Федерального закона от 30 октября 2018 г. № 384-ФЗ[13]. В целом модель совмещения должностей использовалась в 2016 г. в 62 % сельских муниципалитетов; к 2021 г. эта цифра сократилась до 41 %. Связано это было с внедрением на поселковом уровне самоуправления модели назначения глав по конкурсу. Кроме того, сочетание конкурсного способа избрания глав сельских поселений со статусом глав-совместителей было определено как недопустимое. В случае избрания по конкурсу глава муниципального образования в обязательном порядке становился главой местной администрации, это правило действовало во всех типах муниципальных образований.

Поскольку статус главы муниципального образования напрямую зависит от способа его избрания, то закономерна тенденция увеличения доли глав, занимающих должность главы местной администрации (табл. 3). В период с 2016 по 2021 гг. она увеличилась с 28,1 % до 48,7 %. Это происходит за счёт уменьшения доли совместителей, в то время как доля глав, занимающих пост председателя Совета депутатов, остаётся неизменной.

Данные за 2021 г. показывают, что в муниципальных районах, городских и муниципальных округах подавляющее большинство занимало должность главы местной администрации (табл. 4). Более того, при преобразовании муниципальных районов в муниципальные округа прослеживается четкая тенденция сокращения доли глав муниципальных образований, занимающих должность председателя Совета депутатов.

[13] Федеральный закон от 30.10.2018 № 384-ФЗ «О внесении изменения в статью 36 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. —URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201810310012 (дата обращения: 30.09.2023)

Таблица 3. Статус глав муниципальных образований в 2016–2021 гг., %

Table 3. The status of heads of municipalities in 2016–2021, %

Статус глав фактический	*Год*					
	2016	*2017*	*2018*	*2019*	*2020*	*2021*
Председатель совета депутатов	21,3	21,4	21,3	19,7	20,3	21,3
Глава администрации	28,1	26,7	34,6	35,1	40,9	48,7
Совместитель	50,6	51,9	44,1	45,2	38,8	30
Всего	100	100	100	100	100	100

Составлено автором на основе данных Мониторинга организации и развития системы местного самоуправления в РФ за 2016–2021 гг.

Таблица 4. Статус глав муниципальных районов, городских округов и муниципальных округов на 01.01.2021 г., %

Table 4. Status of heads of municipal districts, city districts and municipal districts as of 01.01.2021, %

Статус глав фактический	*Тип муниципального образования*		
	Муниципальный район	*Городской округ*	*Муниципальный округ*
Председатель Совета депутатов	32	19,3	2,2
Глава администрации	68	80,7	97,8
Всего	100	100	100

Составлено автором на основе данных Доклада о результатах ежегодного мониторинга организации и развития местного самоуправления в Российской Федерации за 2021 г.

Законопроект-2021 в вопросе формирования института глав практически полностью повторяет положения 131-ФЗ. Формирование института глав предусматривает три возможных способа избрания: населением на муниципальных выборах; представительным органом из своего состава и представительным органом из числа кандидатов, представленных высшим должностным лицом субъекта РФ (22, ст. 19, п. 2)[14]. В последнем случае главу муниципального образования также выбирают депутаты, но кандидаты на пост главы представляются не специально сформированной конкурсной комиссией (такая схема предполагалась 131-ФЗ), а непосредственно главой региона. Таким образом, даже формально имеет место

[14]Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти. Проект» [Электронный ресурс] // Система обеспечения законодательной деятельности Государственной Думы РФ. — URL: https://sozd.duma.gov.ru/download/626BB5D1-C7D8-4ED3-8AD7-51DA08BF6719 (дата обращения: 30.09.2023)

усиление зависимости местного самоуправления от органов государственной власти. Статус глав определяется в зависимости от способа избрания по правилам, аналогичным правилам 131-ФЗ. В первых двух случаях глава муниципального образования может возглавлять либо Совет депутатов, либо местную администрацию. В случае избрания из числа кандидатов глава возглавляет местную администрацию.

Хотя в данном случае невозможно указать более-менее точные прогнозы относительно способов формирования института глав в дальнейшем, можно попытаться оценить приведенные данные с точки зрения общих закономерностей развития отечественного самоуправления. Выделенный нами тренд на потерю им институциональной независимости на уровне конкретных практик проявляется как отказ от прямых выборов в пользу опосредованных и распространение модели избрания по конкурсу. Можно предположить, что в случае усиления отмеченного тренда именно избрание по конкурсу окажется основным способом формирования. Также можно предположить, что, возможно, будет установлен единственный способ формирования института глав местного самоуправления – путем назначения главой субъекта Федерации. Вероятность обеих прогнозов обусловлена как приведёнными выше данными, так и тенденцией на унификацию функционирования различных уровней, составляющих единую систему публичной власти.

Представительные органы местного самоуправления

В вопросе формирования представительного органа для муниципальных районов 131-ФЗ изначально предусматривал два альтернативных способа формирования: путем избрания на муниципальных выборах и путем делегирования из глав и депутатов поселений, входящих в состав муниципального района (ст. 35, п. 4)[15]. При этом приоритетным оказывался способ избрания на муниципальных выборах, который применялся, если иное не было установлено специально. В дальнейшем два варианта формирования были распространены также на представительные органы городского округа с внутригородским делением.

Практика формирования представительного органа путем делегирования, которая до этого была «запасным вариантом», стала получать все большее распространение после витка реформ 2014–2015 гг. Расчеты, сделанные на основе данных, ежегодно предоставляемых Министерством юстиции РФ, показывают, что в муниципальных районах доля фактически действующих представительных органов, сформированных путем делегирования, к 2015 г. составляла 28 %, а к 2021 г. увеличилась до 40 % (на 01.01.2021 г. путем делегирования были сформированы 634 состава представительных органов из 1603)[16]. При этом из 77 ре-

[15] Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 30.12.2021) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/ (дата обращения: 30.09.2023)

[16] Информационно-аналитические материалы о развитии системы местного самоуправления в Российской Федерации (данные за 2015 г. – начало 2016 г.). [Электронный ресурс] // Сайт Министерства юстиции Российской Федерации. — URL: https://minjust.gov.ru/uploaded/files/informacionno-anal

гионов, в которых существуют муниципальные районы, на 01.01.2021 г. система делегирования применялась в 38. В том числе в 26 регионах ее применение регламентировано законами субъектов федерации как единственно возможный способ формирования муниципальных легислатур или как единственно соответствующий специально установленным критериям. При применении системы делегирования законы большинства субъектов РФ устанавливают равные нормы представительства для всех поселений независимо от численности их жителей. Применение неравной нормы предполагает представленность различных поселений в зависимости от численности их жителей. Такая система предусматривается или допускается законами 14 субъектов РФ. В соответствии с 131-ФЗ при формировании представительных органов городских округов с внутригородским делением может применяться как система делегирования, так и система прямых выборов. На 01.01.2021 г. в каждом из трёх существующих в РФ городских округов с внутригородских делением применялась система делегирования. Иначе говоря, в этом типе муниципальных образований она получила повсеместное распространение.

В новом Проекте закона о местном самоуправлении формирование представительного органа происходит одним-единственным способом – путем избрания на муниципальных выборах (ст. 15, п. 1)[17]. Делегирование в качестве способа формирования в новом законе не предусмотрено, что вполне закономерно, поскольку подобный способ предполагает двухуровневую систему самоуправления. Таким образом, в вопросе формирования представительных органов самоуправления Законопроект-2021 возвращается к модели ФЗ 1995 г. Способ формирования представительного органа местного самоуправления оказывается тем вопросом, который предполагает единственно возможный способ решения.

Замысел законодателя относительно реорганизации института местного самоуправления прослеживается уже на этапе внесения изменений в 131-ФЗ. Для тех типов муниципальных образований, которые предполагается оставить после новой муниципальной реформы (это муниципальный округ, городской округ и внутригородское муниципальное образование в городах федерального значения), в качестве единственно возможного способа формирования представительного органа 131-ФЗ предусматривает избрание на муниципальных выборах.

Основным способом формирования представительных органов местного самоуправления на протяжении всей истории постсоветской России оставались муниципальные выборы. Это ставит формирование местных легислатур в зависимость от выборного законодательства. Изменения в выборном законодательстве определяют всю процедуру: правила допуска и участия кандидатов,

---

iticheskiematerialyorazvitiisistemymestnogosamoupravleniyavrossiyskoyfederacii00.docx (дата обращения: 30.09.2023); Доклад о результатах ежегодного мониторинга организации и развития местного самоуправления в РФ за 2020 г. [Электронный ресурс] // Сайт Министерства юстиции Российской Федерации. — URL: https://minjust.gov.ru/uploaded/files/monitoring-msu-202115.docx (дата обращения: 30.09.2023).

[17] Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти. Проект» [Электронный ресурс] // Система обеспечения законодательной деятельности Государственной Думы РФ. — URL: https://sozd.duma.gov.ru/download/626BB5D1-C7D8-4ED3-8AD7-51DA08BF6719 (дата обращения: 30.09.2023)

распределение депутатских мандатов между ними. Как известно, использование той или иной системы избрания оказывается решающим для представленности различных партий в легислатурах различного уровня, что, в свою очередь, определяет консолидированность легислатур, их подконтрольность государственным органам и партии власти. Как показывают исследования, в странах, в которых установилась партийная система с доминирующей партией (именно к такому типу относится современная РФ), использование мажоритарной системы приводит к увеличению в представительных органах доли кандидатов от этой партии. А использование смешанной и пропорциональных систем избрания, напротив, ведет к большей представленности прочих партий.

В России политика федерального центра в отношении политических партий пережила несколько этапов в развитии – от периода повсеместного внедрения модели избрания по партийным спискам до отката в сторону использования мажоритарной модели. Это дает исследователям повод говорить о том, что в сфере избирательного права на муниципальном уровне имеют место «зигзаги, превратившиеся в круговорот», а сама политика в отношении партий используется как инструмент в борьбе за политическое влияние [Кынев, 2020]. Данные, приведенные в табл. 5, показывают, что за последние пять лет доля представительных органов, сформированных по пропорциональной либо смешанной системе (т. е. с использованием партийных списков), неуклонно сокращалась.

Таблица 5. Способы формирования представительных органов муниципальных образований в 2016–2020 гг., %

Table 5. Methods of formation of representative bodies of municipalities in 2016–2020, %

Способ формирования	*Год*				
	2016	*2017*	*2018*	*2019*	*2020*
Избрание по мажоритарной системе	93,8	95,1	95,3	96,6	96,8
Избрание по пропорциональной или смешанной системе	6,2	4,9	4,7	3,4	3,2
Всего	100	100	100	100	100

Составлено автором на основе данных Мониторинга организации и развития системы местного самоуправления в РФ за 2016–2020 гг.

На начало 2020 г. в муниципальных образованиях РФ действовало в общей сложности 647 составов, сформированных с использованием партийных списков, в том числе 138 сформированных по пропорциональной системе и 509 – по смешанной системе избрания. По партийным спискам были избраны 11300 депутатов (или 5,5 % от общего числа депутатов, избранных на прямых выборах), в том числе 7,8 тысяч (68,3 %) выдвигались «Единой Россией»; 1,9 тысяч (17,2%) – КПРФ; 0,7 тысячи (6,1%) – ЛДПР; 0,6 тысяч (5,4%) – «Справедливой Россией»; 0,3 тысячи

(2,8 %) – иными политическими партиями и местными избирательными объединениями[18].

Прогноз по поводу представленности партий в муниципальном процессе в обновленной системе самоуправления достаточно затруднителен. Законопроект-2021 предусматривает возможность формирования представительных органов по партийным спискам. Есть отдельная статья, регламентирующая деятельность партийных фракций в легислатурах (то есть деятельность партий на муниципальном уровне предусматривается федеральным законодателем). На данный момент мажоритарная избирательная система применяется практически во всех муниципальных округах и внутригородских муниципальных образованиях в городах федерального значения. Смешанная пропорционально-мажоритарная система является преобладающей в городских округах – административных центрах субъектов РФ, а также активно применяется в городских округах и внутригородских районах. Учитывая, что после вступления в силу Законопроекта-2021 представительные органы сельских поселений (именно они составляют более 80 % всех муниципальных образований и избираются по мажоритарной системе) окажутся расформированы, то доля легислатур, сформированных на пропорциональной и смешанной основе, вырастет относительно общей численности всех муниципальных образований. Однако реальная распространенность различных систем избрания будет зависеть от совокупности факторов, прежде всего от линии государства в отношении партийной системы.

Выводы

С точки зрения опыта, накопленного Россией в постсоветский период, изменения, происходящие в отечественном местном самоуправлении, связаны с поиском собственной уникальной и аутентичной модели развития, показывая, в каком направлении они происходят. Основные из них связаны с постепенным отказом от ценностей демократического транзита в пользу ценностей, более соответствующих российским культурным, политическим и социально-экономическим реалиям.

Основная тенденция в развитии системы местного самоуправления – потеря институциональной независимости и включение в единую вертикаль власти. Проведенный нами анализ показывает, каким образом происходит выстраивание новой самобытной модели местного самоуправления в ее отдельных практических аспектах, прежде всего в вопросах структуры и способах формирования органов власти на местах, а изменение концептуальных и теоретических схем в понимании тех или иных явлений соотносится с реальными процессами их функционирования.

С одной стороны, для органов местного самоуправления состав основных элементов не меняется на протяжении всех этапов развития. В качестве таковых

[18] Доклад о результатах ежегодного мониторинга организации и развития местного самоуправления в Российской Федерации (за 2019 год и первое полугодие 2020 года) [Электронный ресурс] // Сайт Министерства юстиции Российской Федерации. — URL: https://minjust.gov.ru/uploaded/files/monitoring-2019-2020.pdf (дата обращения: 30.09.2023)

выступают представительный орган, глава муниципального образования и местная администрация. Назревшие перемены происходят за счет изменений в способах формирования органов местного самоуправления, а также принципов их взаимоотношений с органами государственной власти.

В вопросе формирования института глав муниципальных образований потеря институциональной независимости проявилась в том, что в большинстве регионов модель самоуправления выбирается региональным законодателем, но из числа вариантов, предложенных в федеральном законе. Другими словами, большая часть муниципалитетов любого уровня лишена возможности самостоятельно выбирать модель самоуправления даже из предложенного ограниченного спектра.

Тенденция потери институциональной независимости ярко проявилась также в виде введения процедуры избрания глав по конкурсу. Распространение такого способа вытеснило все прочие: значительно сократилось число муниципалитетов, в которых глава избирался на прямых муниципальных выборах, также, пусть и в меньшей степени, сократилась доля муниципалитетов, где главу выбирают из числа совета депутатов. Законопроект-2021 лишь усиливает данную тенденцию, модифицируя конкурсную модель таким образом, что кандидаты на пост главы муниципалитета предлагаются непосредственно руководителем региона, а их подотчетность этому главе усиливается.

В вопросе формирования представительных органов муниципальных образований в рамках действия 131-ФЗ получила распространение практика делегирования депутатов с уровня поселений на уровень округов и районов. Такая модель фактически замещала формирование муниципальных легислатур верхнего уровня путем прямых выборов. Законопроект-2021 формально вернулся к модели 1995 г., допустив лишь один способ формирования представительных органов – путем избрания на прямых выборах. Однако происходит это в условиях упразднения поселенческого уровня самоуправления и введения одноуровневой системы самоуправления.

Таким образом, мы видим, что в способах формирования органов местного самоуправления последовательно закрепляются изменения, связанные с усилением влияния государства на этот институт. Наиболее ярко это проявилось в создании единой системы публичной власти, в рамках которой самоуправление оказывается нижним звеном единой управленческой вертикали. Все отмеченные процессы демонстрируют кристаллизацию оптимальной модели как местного самоуправления, так и, шире, развития общества и государства в современной России.

Список литературы

Зазулина М. Р. Встроиться в систему: местное самоуправление в условиях новой федеральной реформы // Вестн. Кемер. гос. ун-та. Сер.: Полит., социол. и экон. науки. 2022. Т. 7. № 3. С. 275–284. DOI 10.21603/2500-3372-2022-7-3-275-284.

Кынев А. В. Двадцатилетие путинской избирательной реформы: зигзаги, превратившиеся в круговорот // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2020. № 1(129). С. 62–75.

Лексин В. Н. Что происходит с местным самоуправлением в России? // Федерализм. 2016. № 1(81). С. 65–76.

Нечаев В. Д. Основные тенденции в институциональной организации местного самоуправления в современной России // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журн. полит. философии и социологии политики). 2006. № 4. С. 22–44.

Пашенцев В. Организация местного самоуправления в российских регионах: цифры и типы // Реформа местного самоуправления в региональном измерении. М., 1999. С. 44–57.

Реформа местной власти в городах России, 1991–2006: монография / под ред. А. О. Брезмана СПб.: Норма, 2008. 367 с.

Упоров И. В. Глава местной администрации в системе органов местного самоуправления: от единоначалия к коллегиальности? // Междунар. журн. гуманит. и ест. наук. 2022. № 1–2(64). С. 154–158. DOI 10.24412/2500-1000-2022-1-2-154-158.

References

Kynev A. V. Twenty years of Putin's electoral reform: zigzags that turned into a cycle // Neprikosnovenny`j zapas. Debaty` o politike i kul`ture. 2020. № 1(129). P. 62–75. (In Russian)

Leksin V. N. What is going on with the local self-government in Russia? // Federalizm. 2016. № 1(81). P. 65–76. (In Russian)

Nechaev V. D. The main trends in the institutional organization of local self-government in modern Russia // Politiya: Analiz. Xronika. Prognoz (Zhurn. polit. filosofii i sociologii politiki). 2006. № 4. P. 22–44. (In Russian)

Pashencev V. Organization of local self-government in Russian regions: datas and types // Reform of local self-government in the regional dimension. M., 1999. P. 44–57. (In Russian)

Reform of local government in Russian cities, 1991–2006 / A. O. Brezman (Ed.). SPb.: Norma, 2008. (In Russian)

Uporov I. V. Head of local administration in the system of local self-government: from unity of management to collegiality? // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2022. № 1-2(64). P. 154–158. (In Russian). DOI 10.24412/2500-1000-2022-1-2-154-158.

Zazulina M. R. Integrating into the System: Local Self-Government in the Context of the New Federal Reform // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki, 2022. № 7(3). P. 275–284. (In Russian). DOI 10.21603/2500-3372-2022-7-3-275-284.

Информация об авторе

Зазулина Мария Рудольфовна, кандидат философских наук
старший научный сотрудник, Институт философии и права СО РАН

Information about the Author

Mariia R. Zazulina, Candidate of Science (Philosophy)
Senior Researcher, Institute of Philosophy and Low SB RAS

Статья поступила в редколлегию 30.11.2023;
одобрена после рецензирования 19.01.2024; принята к публикации 24.01.2024

The article was submitted 30.11.2023;
approved after reviewing 19.01.2024; accepted for publication 24.01.2024

Рецензия на монографию
УДК 162
DOI 10.25205/2541-7517-2023-21-3-106-110

Рецензия на книгу: Гънгов А.Л. Кръговостта във философската логика на континенталната традиция : Монография. София: Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 2023. 28 лева, 333 с. ISBN 978-954-07-5663-9

Наталия Атанасова

Софийский Университет имени Св. Климента Охридского
София, Болгария

nataliya.atanasova@protonmail.com

Аннотация

Книга известного болгарского философа, профессора Софийского университета Александра Гынгова посвящена проблеме кругового рассуждения в логических и философских работах ведущих представителей континентальной традиции: Г. Гегеля, К. Маркса, Э. Гуссерля и М. Хайдеггера. Монография акцентирует внимание на важности кругового рассуждения в повседневности, разъясняя понятие «превращенной формы» Маркса–Мамардашвили, а также гегелевское логическое движение от менее истинного к действительно истинному, основывающееся на спекулятивном предположении. Раскрывается то, как непрерывное само-раскрытие бытия в виде алетейи является круговой структурой Dasein, осуществляющей динамическое телеологическое трансцендирование по направлениям к бытию-в-мире и к бытию-совместно-с-другими. Тема интенциональности представлена интерсубъективностью Э. Гуссерля как способом соотношения с миром, неизменно приводимого в движение телосом.

Ключевые слова

круговое рассуждение, континентальная философия, овеществление, телос, алетейя, квазиобъект, интерсубъективность, воображение

Для цитирования

Атанасова Н. Рец. на кн.: Гънгов А.Л. Кръговостта във философската логика на континенталната традиция. София: Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 2023 // Сибирский философский журнал. 2023. Т. 21, № 3. С. 106–110. DOI 10.25205/2541-7517-2023-21-3-106-110.

© Атанасова Н., 2023

Book review: Gungov A.L. Circularity in the Philosophical Logic of the Continental Tradition : Monograph. Sofia: University Press "St. Kliment Ohridski", 2023. ISBN 978-954-07-5663-9

Nataliya Atanasova

University of Sofia St. Kliment Ohridski
Sofia, Bulgaria

nataliya.atanasova@protonmail.com

Abstract

This book analyzes the principle of circularity within logical and philosophical works of leading representatives of the continental tradition: Hegel, Marx, Husserl, and Heidegger. The review pays attention to circularity in everyday life elucidating Marx's–Mamardashivili's "converted form" as well as Hegel's logical movement from less true to really true based on the speculative presupposition. It is also exposed how the constant self-disclosure of Being as aletheia is Dasein's circular structure of a dynamic teleological transcending towards being-in-the-world and being-with-others. Expressing the theme of intentionality is Husserl's intersubjectivity as a way of relating better to the world, always moved by a telos.

Keywords

circular reasoning, continental philosophy, reification, telos, aletheia, quasi-object, intersubjectivety, imagination

For citation

Atanasova N. Book Review: Gungov A.L. Circularity in the Philosophical Logic of the Continental Tradition. Sofia: University Press "St. Kliment Ohridski", 2023. *Siberian Journal of Philosophy*, 2023, vol. 21, no. 3, p. 106–110. (in Russian) DOI 10.25295/2541-7517-2023-21-3-106-110

В своей книге «Круговое рассуждение в философской логике в континентальной традиции» Александр Гынгов вовлекает читателя в увлекательное путешествие, исследуя перипетии логики кругового рассуждения, лежащей в основе самой структуры сущности, существования и действительности. Однако, в отличие от проблемы порочного круга рассуждения, часто встречающейся в аргументации, в книге исследуется такая форма кругового рассуждения, которая способствует позитивному открытию нового и прояснению содержания важных философских понятий. Опираясь на таких философов, как Георг Вильгельм Фридрих Гегель, Эдмунд Густав Альбрехт Гуссерль, Ганс-Георг Гадамер, Карл Генрих Маркс, Дьёрдь Бернат Лукач, Мераб Мамардашвили, Джамбаттиста Вико и Иммануил Кант, анализ автора выходит далеко за рамки теоретического размышления, проникая в сферу практики и раскрывая круговое рассуждение как внутренне присущее различным контекстам повседневности. От политики, демократии и экономики до сложностей диагностики в медицине, – книга исследует «неотъемлемое присутствие кругового рассуждения, как одного из наиболее важных аспектов фундамента повседневной жизни» (с. 174).

Когда текст углубляется в реальность повседневности, он пересекается с хайдеггеровской концепцией онтического и онтологического. Кроме того, повсед-

невность характеризуются постоянным движением от идеального к реальному, от абстрактного к конкретному и от наименее истинного к действительно истинному. В этом смысле «повседневность представляет собой жизненный опыт и практические занятия, с помощью которых люди ориентируются в мире, стирая границы между теоретическими концепциями и живыми реалиями» (с. 293). Согласно А.Л. Гынгову, круговое рассуждение находит выражение в соответствующей телеологической модели существования. По мере анализа значения кругового рассуждения автор обращает внимание на его «присутствие в структуре временного экстаза» (с. 230). Здесь круговое рассуждение проявляется в сфере экзистенциального трансцендирования *Dasein* и проливает свет на возможность экстатического темпорализирования. Проницательный взгляд автора распознает круговую природу, присущую процессу экзистенциального трансцендирования, обнаруживая глубокое взаимодействие между временем, экзистенцией и специфически понимаемым опытом.

Исследование автора выходит за рамки анализа кругового рассуждения, присущего существованию *Dasein*. Он предпринимает рассмотрение концепции интерсубъективности и возникновения онтологического измерения через посредничество Другого. В этом смысле понятие «телос» служит жизненно важным мостом, «обеспечивающим трансформацию бытия» (с. 14). Специфика телеологического подхода стимулирует движение вперед, требуя возвращения к исходной точке уже в трансформированном состоянии, чем указывает на «связь между телеологией и круговым рассуждением» (с. 201). Кроме того, для автора важно подчеркнуть, что именно концепция «ничто» выступает движущей силой. Проводя хайдеггеровское различие между *nihil originarium u nihil absolutum*, автор утверждает, что «ничто следует рассматривать не как исключение бытия, а, скорее, как его фундаментальный аспект» (с. 259). Ничто наделено преобразующим качеством, инициирующим процессы изменения и эволюции. С этой точки зрения небытие, присущее бытию, становится движущей силой, подталкивающей людей к самопознанию и обновлению.

Кроме того, в книге также обсуждается превращение повседневных характеристик в *квазиобъекты*[1], включая индивиды, подчеркивая, что «единый синтез и множественность переживаний и перспектив невозможны, когда индивидуальность сведена на нет» (с. 14). По мнению автора, современная организация общества, в частности его финансовая составляющая, сводит индивидов к статистическим единицам, где их потенциал стать активными субъектами не учитывается в схемах и графиках, на восполнение которых направлен весь смысл статистических единиц. Следовательно, выполняя свою роль, «индивид становится просто числовым знаком, отражая себя в графике, которая заменяет его идентичность и подлинность» (с. 84). Это влияет на позицию каждого человека в так называемом *пост-потребительском обществе*, где единственная задача человека – это выполнять свою роль во имя продвижения видимости и сокрытия действительности: «Вместо того, чтобы расширять возможности индивидуальной свободы воли и демократии, статистическая визуализация и репрезентация способству-

[1]Здесь автор обращается к анализу понятия «превращенной формы» в работах М. Мамардашвили, развивающих идеи, заложенные К. Марксом в первом томе «Капитала».

ют усилению осязаемого проявления фантасмагорического мира квазиобъектов. Индивид сводится к самореферентной графической единице, ограниченной своей собственной формой и контекстом, лишенной потенциала для самосознания и развития» (с. 117). Этот процесс препятствует диалектике «осознания» и стирает границу между онтическим и идеальным (см., например: [Baudrillard, 1981, с. 177]). В этом смысле статистика также рассматривается как само-осуществляющееся предсказание. Сводя сложные социальные явления к числовым данным, статистика может скрыть лежащие в основе социальные бытия отношения и структурные неравенства, которые способствуют формированию самих математических соотношений. По этой причине подобный редукционистский подход не учитывает многомерность человеческого опыта и еще сильнее утверждает уже существующие различия по отношению к власти.

Что касается понятия «квазиобъект», то капитал также является одной из таких превращенных форм. Как отмечает А.Л. Гынгов: «Живя в своем собственном понятии, капитал уже способен и уполномочен формировать весь мир в соответствии со своими интересами, условиями и телосом» (с. 134). Капиталистическая реальность и ее логика колонизируют повседневную жизнь и мышление, увековечивая неразрешимые противоречия между ее различными элементами. Кроме того, идеальная форма денег, отделенная от их осязаемого проявления в качестве средства обмена, исследуется как пример несоответствия между реальной и идеальной функцией денег (см. с. 94–109). В духе гегелевской спекулятивной логики господство капитала заменяет традиционное спекулятивное предложение в его двойном выражении: «Бог есть действительность» и «Действительность есть Бог», – на «Действительность есть капитал» и «Капитал есть действительность», переплетаясь, таким образом, с общественными отношениями и образуя «органическое целое, или конкретное всеобщее» (с. 133).

Исследуя процессы овеществления и товарного фетишизма, книга углубляется в трансцендентальную природу воображения, распознавая его как мощный инструмент и как «продуктивную функцию самости» (с. 322–323). Воображение играет значительную роль в круговом движении самопознания, позволяя людям погрузиться в мир, созданный ими самими. Воображение служит средством для прощупывания глубин своего внутреннего мира и формирования внешней реальности. Признавая влиятельную роль окружающей среды в формировании сознания, А.Л. Гынгов также подчеркивает метаморфическую силу самого сознания. Убедительные примеры подтверждают марксистское утверждение о существенной роли окружающей среды в формировании сознания, – и в то же время автор признает внутренне присущую способность сознания формировать собственное окружение и создавать свой особый мир. Этому трансформационному процессу способствует целенаправленное культивирование воображения, в частности, в сфере манипуляции, как показано на примере Тома Сойера, который используется в качестве иллюстрации того, как «воображение может радикально изменить опыт и представление о существующих внешних обстоятельствах» (с. 311).

В соответствии с трансцендентальной феноменологией Э. Гуссерля, которая признает роль воображения в управлении интенциональным сознанием и, таким

образом, раскрывает основные условия горизонта возможностей, автор подчеркивает значение интерсубъективной конституции мира. По этой причине акцент делается на влиянии внутреннего телеологического порядка трансцендентального Я на внешнюю организацию, проливая свет на преобразующую природу тематизирующего интенционального восприятия в движении к осмысленному и открытию заново условий собственного существования. В этом смысле воображение совместно с другими интеллектуальными способностями также представлено как средство избежать потенциальных катастроф и привести свое восприятие в соответствие с реальностью: «Внутренний телеологический порядок устанавливает круговую зависимость между интенциональностью, воображением и интерсубъективной конституцией мира» (с. 326).

Таким образом, на наводящих на размышления страницах «Круговое рассуждение в философской логике в континентальной традиции» А.Л. Гынгова мы видим, что мир часто остается далеким и чуждым, несмотря на наш вклад в его устройство. И тем не менее, благодаря идеям, предлагаемым книгой, читателю предоставляется возможность подвергнуть сомнению установленные рамки и исследовать логику, лежащую в основе существования, действительности и социальных отношений.

Список литературы

Гънгов А.Л. Кръговостта във философската логика на континенталната традиция: Моногр. София: Университетско изд-во «Св. Климент Охридски», 2023.

Baudrillard J. "Requiem for the Media." For A Critique of the Political Economy of the Sign. Telos Press, 1981.

References

Gungov A. L. Circularity in the Philosophical Logic of the Continental Tradition: Monograph. Sofia: University Press "St. Kliment Ohridski", 2023. (in Bulgarian)

Baudrillard J. "Requiem for the Media." For A Critique of the Political Economy of the Sign. Telos Press, 1981.

Информация об авторе

Атанасова Наталия, аспирант,
философской факультет, Софийский университет имени Св. Климента Охридского

Information about the Author

Atanasova Natalia, PhD student,
Faculty of Philosophy, St. Kliment Ohridski University of Sofia

Статья поступила в редколлегию 28.08.2023;
одобрена после рецензирования 20.10.2023; принята к публикации 14.11.2023
The article was submitted 28.08.2023;
approved after reviewing 20.10.2023; accepted for publication 14.11.2023

Научная статья

УДК 165:53.01
DOI 10.25205/2541-7517-2023-21-3-111-120

Следует ли рассматривать информацию как физическое понятие? (О недавних статьях Р. Кржановского)

Александр Витальевич Думов[1]
Екатерина Алексеевна Алексеева[2]

[1,2]Государственный академический университет гуманитарных наук
Москва, Россия

[1]avdumov@inbox.ru
[2]eaalekseeva@gaugn.ru

Аннотация

В статье критически анализируется содержание физической интерпретации информации, развиваемой польским исследователем Р. Кржановским. Демонстрируется связь воззрений Р. Кржановского со взглядами Р. Ландауэра и Т. Стоньера на место информации в контексте физической реальности и способ ее существования. Выявляются теоретические затруднения, возникающие при принятии принципов понимания информации, развиваемых Р. Кржановским. Эти затруднения касаются связи понятия информации с понятиями структуры и значения, а также осмысления эпистемической роли информации в целом. Обращается внимание на перечень актуальных вопросов философии информации, приведенный Р. Кржановским в статье «Что такое физическая информация» (2020). Ряд предложенных вопросов носят спекулятивно-метафизический характер, что обусловливает возможность критики его позиции за попытку «подтвердить» и «обосновать» метафизические допущения посредством использования теоретических инструментов и данных конкретно-научных дисциплин.

Ключевые слова

философия информации, физическая информация, структура, паттерн

Благодарности

Исследование осуществлено в ФГБОУ ВО «Государственный академический университет гуманитарных наук» в рамках выполнения государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (FZNF-2023-0004 – «Цифровизация и формирование современного информационного общества: когнитивные, экономические, политические и правовые аспекты», регистрационный номер темы 102040800826-5-5.2.1;6.3.1;5.9.1).

© Думов А. В., Алексеева Е. А., 2023

Для цитирования

Думов А. В., Алексеева Е. А. Следует ли рассматривать информацию как физическое понятие? (О недавних статьях Р. Кржановского) // Сибирский философский журнал. 2023. Т. 21, № 3. С. 111–120. DOI 10.25205/2541-7517-2023-21-3-111-120

Should we consider information as a physical concept? (on R. Krzanowski's recent articles)

Alexander V. Dumov[1]
Ekaterina A. Alekseeva[2]

[1,2]State Academic University for Humanities, Moscow, Russia

[1]avdumov@inbox.ru
[2]eaalekseeva@gaugn.ru

Abstract

In this article, the authors critically analyze the content of the physical interpretation of information developed by the Polish researcher R. Krzanowski. They demonstrate the connection of Krzanowski's views with the views of R. Landauer and T. Stonier on the place of information in the context of physical reality and the mode of its existence. The research is aimed at identifying the theoretical difficulties that arise when accepting the principles of Krzanowski's understanding of information. These difficulties relate to the connection of the concept of information with the concepts of structure and meaning, as well as understanding the epistemic role of information in general. The authors also consider the list of topical issues of the philosophy of information, given by Krzanowski in his article "What is Physical Information?" published in 2020: a number of proposed questions are speculative-metaphysical, which makes it possible to criticize his position for trying to «confirm» and «substantiate» metaphysical assumptions through the use of theoretical tools and data from specific scientific disciplines.

Keywords

philosophy of information, physical information, structure, pattern

Acknowledgments

The research was carried out in State Academic University for Humanities within the state assignment of Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (FZNF-2023-0004 – «Digitalization and formation of contemporary information society: cognitive, economic, political and legal aspects», theme No.102040800826-5-5.2.1;6.3.1;5.9.1)

For citation

Dumov A.V., Alekseeva E.A. Should we consider information as a physical concept? (About R. Krzanowski's recent articles). *Siberian Journal of Philosophy*, 2023, vol. 21, no. 3. pp. 111-120. DOI 10.25205/2541-7517-2023-21-3-111-120 (in Russ.)

Концептуальное содержание термина «информация» часто становится предметом философского осмысления как отечественных, так и зарубежных авторов. Представляется целесообразным выделить две ключевых тенденции в философском применении данного термина: первая предполагает формирование контекста его продуктивного использования для решения определенных вопросов, вторая – выявление (на практике – постулирование) его собственного содержания. Реализация второй тенденции таит определенные опасности, связанные с отмеченным

Л. Витгенштейном «очаровывающим» действием языка на интеллектуальную активность: «Следствием реификации понятия становятся формирование практик произвольного использования и постановка псевдопроблем» [Витгенштейн, 1994, с. 127]. Анализ теоретических результатов, полученных в ходе подобной реификации, представляет интерес с точки зрения оценки перспектив тех или иных траекторий развития философии информации как тематически самостоятельной исследовательской области.

В работах польского исследователя Романа Кржановского (Папский университет Иоанна Павла II, г. Краков) читатель может найти множество ярких примеров реификации понятия информации: им открыто утверждается необходимость рассмотрения информации в качестве объективно существующего явления (в смысле независимости от активности какого-либо воспринимающего ее агента) (см.: [Krzanowski, 2020a, с. 5). Само по себе данное допущение является не только распространенным, но и достаточно сдержанным (так как существуют и подходы, в рамках которых следующим шагом за признанием объективности информации становится принятие ее в качестве «первоосновы» реальности) (см.: [Яковлев, 2020, с. 62]).

Гораздо более интересен избранный Р. Кржановским способ реификации: информация рассматривается им как физическое явление (см.: [Krzanowski, 2020a, с. 1]). Физический характер существования информации определяется на основании следующих ее свойств: наблюдаемость, онтологическая объективность, ненаделенность значением, количественная измеримость, открытость к взаимодействию [Там же, с. 4]. Положение информации в контексте физической реальности определяется им следующим образом: она представляет собой скрытый порядок, проявляющийся в способности природы создавать морфологически сложные объекты и низкоэнтропийные комплексы [Там же, с. 6]. Информация определяет структурные характеристики объектов и процессов реальности, но она не может быть редуцирована к структуре [Там же, с. 2].

Термин «эпистемическая информация» (или абстрактная информация, Р. Кржановским обозначается как IA в противоположность IC, т. е. конкретной) используется для контекстов обращения с информацией, организуемых эпистемическими агентами: такая информация, по Р. Кржановскому, не содержится в объектах реальности, и в этом смысле – не существует сама по себе. Она создается эпистемическими агентами в ходе процессов познавательного и деятельного упорядочивания действительности и, таким образом, имеет вторичный характер по отношению к конкретной, физической информации (см.: [Krzanowski, 2020a, с. 8–9]). Интересно, что в другой статье 2020 г., посвященной соотношению онтологических и эпистемологических интерпретаций информации, Р. Кржановский придерживается более осторожной позиции, говоря о том, что на сегодняшний день нам следует признать существование обоих типов информации как несводимых друг к другу (см.: [Krzanowski, 2020b, с. 56]).

Наследует ли физическая интерпретация информации, развиваемая Р. Кржановским, способы осмысления информации, предложенные в более ранних исследованиях? На этот вопрос стоит ответить утвердительно. Сам Р. Кржановский часто отсылается к перечню авторов (специалистов в различных отраслях зна-

ния: физики, биологии, компьютерных науках, философии и даже естественной теологии), в той или иной мере внесших вклад в обоснование физической интерпретации информации. Среди них он выделяет К.Ф. Вайцзеккера, М.К. Хеллера, Т. Стоньера, К. Турека, К. Ровелли, Дж. Полкинхорна и др. (см.: [Krzanowski, 2023, с. 2]). Конечно же, рассмотрение всего множества генетических связей системы воззрений Кржановского с теоретическими построениями его предшественников оказалось бы слишком масштабным, ввиду чего мы ограничимся сравнительным анализом положений Р. Кржановского и нескольких других авторов, ранее предложивших собственные физические интерпретации информации, – Р. Ландауэра и Т. Стоньера. Тем самым мы сможем и выявить общие черты таких интерпретаций информации, и указать на особенности философского проекта Р. Кржановского.

В понимании Р. Ландауэра информация является физической в том смысле, что она никогда не существует независимо от ее физического носителя. На основании этого им делается вывод, согласно которому ограничения и возможности любых процессов обработки информации в конечном итоге определяются физическими законами [Landauer, 1999, с. 64]. Р. Кржановским тезис о физическом характере информации интерпретируется иначе: реализация физических законов представляет собой демонстрацию скрытого порядка реальности, которым и является информация (при этом сама по себе она является ненаблюдаемой и несводимой к структурным и морфологическим аспектам явлений и объектов реальности, так как в этом случае она носила бы преходящий характер, а для Кржановского важным является положение о совечности такого порядка реальности самой реальности) (см.: [Krzanowski, 2023, с. 5–6]). И для Р. Ландауэра, и для Р. Кржановского информация является физической, однако если Р. Ландауэр подчиняет процессы обработки информации закономерностям физической реальности, то Р. Кржановский рассматривает таковые закономерности как проявления имманентного для реальности порядка, называемого им информацией.

Т. Стоньер, в свою очередь, предлагает рассматривать информацию как одно из фундаментальных свойств вселенной (наряду с материей и энергией), выражением которого является организованный характер систем, т. е. их структурная и функциональная упорядоченность [Stonier, 1996, с. 136]. Вселенная Т. Стоньера представляет собой иерархию информационных уровней, и в любое физическое уравнение так или иначе заложена информация, так как используемые физикой константы и величины предполагают наличие определенной организации исследуемых систем (см.: [Там же, с. 138]). Разграничивая концептуальное содержание терминов «информация» и «паттерн», Стоньер подчеркивает, что информация представляет собой абстрактную величину, тогда как паттерн – конкретное проявление на уровне систем (см.: [Там же, с. 138]). Таким образом, способы понимания физического характера информации, развиваемые Т. Стоньером и Р. Кржановским, роднит стремление связать информацию с организацией систем реальности. Но если Т. Стоньер физически концептуализирует информацию по аналогии с энергией, говоря о ней как о фундаментальной величине, определяющей характер реальности, то Р. Кржановский придерживается взгляда на ин-

формацию как на генеративный порядок, первичный по отношению ко всякой физической организации.

Это сопоставление физических интерпретаций информации было предпринято нами с конкретной целью постановки вопроса о том, какую роль играет непосредственно физическое содержание в теоретических построениях Р. Кржановского. Ведь если информация является частью физической реальности (пусть даже образующей наиболее фундаментальный организационный уровень), то она должна являться предметом исследования физической науки с соответствующими последствиями. В первую очередь, речь идет о возможности выявления физических закономерностей, определяющих существование информации и осуществление информационных процессов. Иными словами, следует прояснить, что представляет собой «физика информации» с точки зрения Р. Кржановского.

Если обратиться к содержанию его исследований, то нетрудно убедиться в том, что существование «физики информации» актуально ограничено набором риторических вопросов и общих предположений. Так, вопрос о «законах сохранения информации», продолжающий аналогию информации и энергии, рассматривается Р. Кржановским как нерешенный вопрос, от перспективного исследования которого зависит существование самой физической интерпретации информации (см.: [Krzanowski, 2020a, с. 13–14]). Существенное внимание уделяется Кржановским вопросу о неизменности информации как генеративного порядка реальности, однако он сам вынужден признать, что применение характеристик постоянства, устойчивости, длительности, используемых применительно к привычным физическим объектам, в отношении него оказывается затруднительным: его нельзя рассматривать ни как событие, ни как процесс (см.: [Krzanowski, 2023, с. 6]). Наконец, актуально нерешенным остается и философский вопрос о том, что означает тезис о фундаментальном характере информации для физической реальности (см.: [Krzanowski, 2020a, с. 14]).

Нетрудно заметить, что Р. Кржановский не только не создает «физики информации» как таковой, но и не решает значимых для нее онтологических и методологических вопросов, лишь умножая их. В результате полученные им заключения о физическом характере информации создают впечатление преждевременности, так как не определяется ни положение информации в научной картине мира современной физики, ни характерные для нее физические закономерности, более того, не вводятся методы количественного исследования информации (и даже не рассматриваются существующие). Способ понимания информации, развиваемый Р. Кржановским, может быть назван физическим только в том случае, если мы определяем физику в духе философий эллинистического периода, включая в ее содержание множество метафизических вопросов. Так, если к ряду физических интерпретаций информации (например, рассмотренным подходам Р. Ландауэра и Т. Стоньера) является применимым критическое возражение о том, что за тезисом о физическом характере информации скрывается смещение акцентов в сторону рассмотрения физических репрезентантов информации, в том числе свойств носителей информации (безусловно, имеющих физический характер) (см.: [Burgin, Mikkilineni, 2022, с. 8]), то в отношении подхода Р. Кржановского

прежде всего применимо замечание о том, что он фактически не является физическим.

Реализуемое Р. Кржановским стремление привлечь физические аналогии и «вписать» информацию в контекст физической реальности в действительности мотивируется спекулятивно-метафизическими целями. В этом смысле несколько странной кажется его осторожность, проявившаяся во включении в число актуально неразрешенных вопроса о том, подразумевает ли использование введенных им представлений о физической информации принятие какой-либо формы гилеморфизма (см.: [Krzanowski, 2020a, с. 14]), ведь фактически именно развитием современной формы гилеморфизма он и занимается в рамках собственного проекта философии информации. Информация занимает в его системе место активного формального начала, генеративного порядка, воспроизводящегося в объектах, явлениях и процессах реальности.

Метафизический характер подхода Р. Кржановского актуализирует в отношении него некоторые из замечаний, сделанных П.П. Киршенманном применительно к метафизическим исследованиям информации как таковым: во-первых, метафизическая интерпретация научно-теоретического содержания предполагает его предварительный анализ (а работы Р. Кржановского не содержат апелляций к содержанию существующих теорий информации и отдельных определений информации), во-вторых, хотя теория информации и кибернетика и не содержат прямых опровержений гилеморфизма, они не содержат и положений, которые могли бы использоваться для его защиты (см.: [Kirschenmann, 1971, с. 187, 191]). Это справедливо и в отношении положений физики, а равно и любой другой научной отрасли: они не могут рассматриваться как подтверждающие или доказывающие какие-либо метафизические допущения. В силу этого намерение Р. Кржановского обосновать гилеморфизм путем включения особым образом интерпретируемой информации в картину физической реальности представляется по меньшей мере наивным.

К слову, обращений к существующим формальным теориям информации Р. Кржановский избегает небезосновательно, так как тем самым им игнорируется то обстоятельство, что для той же статистической теории Шеннона являются в равной степени возможными как «физические», так и «эпистемические» интерпретации (см.: [Lombardi, Holik, Vanni, 2014, с. 1253–1255]). Ее инструменты могут использоваться как для рассмотрения процессов передачи сигналов, так и для изучения состояния осведомленности отправителя и получателя сообщения. Не существует способов однозначного обоснования развиваемого Р. Кржановским подхода к интерпретации информации, основанных на анализе практик ее понимания, сложившихся в теориях информации или обыденных контекстах. Столь же слабо обоснован и ригоризм некоторых авторов в утверждении фундаментального значения эпистемических интерпретаций информации (яркий пример этого обнаруживается в исследовании В. Ленски, см.: [Lenski, 2010, с. 111]).

Вопрос о правомерности применения той или иной интерпретации термина «информация» не может быть решен путем привлечения каких-либо спекулятивно-метафизических доводов. Гораздо большее значение для его обсуждения имеет введение критериев обоснованности употребления термина в конкретном кон-

тексте. Вариант такого критерия предлагается С. Секвойей-Грайсоном: апеллируя к словам К. Шеннона о возможности появления способов понимания информации, которые окажутся полезными для решения отдельных задач, он предлагает рассматривать полезность и отсутствие субъективного произвола в использовании как необходимые черты обоснованного употребления (см.: [Sequoiah-Grayson, 2007, с. 333]). Такой критерий является достаточно мягким, так как не содержит конкретных требований к содержанию предлагаемых интерпретаций информации, оценивая лишь контекстуальную значимость их принятия.

Присущи ли устанавливаемые критерием Секвойи-Грайсона черты практике использования термина «информация», развиваемой Р. Кржановским? Вероятнее всего, на этот вопрос стоит ответить отрицательно. Полезность предложенного способа понимания информации вызывает сомнения даже на уровне метафизических контекстов (не говоря о том, что в сферу интересов современной физики не входят столь общие задачи выявления и исследования «внутреннего порядка реальности, совечного ей»). Поднимая вопрос о том, что означает такая фундаментальность информации для физической реальности, Р. Кржановский выделяет два пути организации обсуждения: введение триады фундаментальных свойств (материя, энергия, информация) и рассмотрение информации по аналогии с активным метафизическим началом реальности («логос», «дао» и т. д.) (см.: [Krzanowski, 2020a, с. 14]). Первый путь обсуждения не реализуется в исследованиях Р. Кржановского, им не предлагаются конкретные решения относительно соотношения информации с материей и энергией. В случае второго пути ценность использования термина «информация» для обсуждения скрытого внутреннего порядка реальности является неочевидной, так как существует достаточно большое число предназначенных для этого концептуальных инструментов, выработанных на протяжении истории развития метафизики.

Соответствие критерию отсутствия произвола в употреблении также можно подвергнуть сомнению, так как Р. Кржановский не примыкает к сложившимся в научном и обыденном контекстах способам понимания термина. Выше нами уже было отмечено то обстоятельство, что подход Р. Кржановского существенно выделяется даже на фоне других способов понимания информации, подразумевающих ее физический характер. При этом нуждающиеся в обосновании ключевые допущения подхода в большинстве случаев принимаются без обсуждения: так, статья 2023 года «Исследование касательно постоянства физической информации» начинается с введения положений о том, что информация представляет собой физическое явление, воспринимаемое как форма или организация реальности, и ее существование (как и существование всех физических явлений) протекает во времени и пространстве (см.: [Krzanowski, 2023, с. 1]). Далее содержание этих положений Р. Кржановским не раскрывается, и то же самое можно сказать относительно других осуществленных им исследований проблематики информации.

Неясности и нерешенные вопросы сопровождают каждый шаг данных исследований, и если некоторые авторы находят в принятии Р. Кржановским неполноты и ограниченности всякого серьезного анализа вопроса об отношении информации к физической реальности интеллектуальное достоинство (см.: [Mścisławski,

2022, с. 156]), мы предполагаем, что в случае Р. Кржановского это достоинство оборачивается сокрытием существенных недостатков обоснованности предлагаемого способа понимания информации. Если в исследованиях Р. Ландауэра (см.: [Landauer, 1999, с. 64–66]) и Т. Стоньера (см.: [Stonier, 1996, с. 138–139]) имеются попытки обоснования значимости физической концептуализации информации исходя из потребностей развития самой физики, то в работах Р. Кржановского такие шаги не предпринимаются.

Не исключая возможности существования и успешного применения таких способов понимания информации, которые бы устанавливали ее физический характер, мы предполагаем, что они должны удовлетворять требованиям обоснованности применения термина «информация» (например, установленным согласно критерию Секвойи-Грайсона). При этом физические интерпретации будут только лишь образовывать подмножество возможных интерпретаций информации, но никак не претендовать на формирование наиболее фундаментального и исчерпывающего понимания того, что представляет собой информация. В свою очередь, относительно исследований Р. Кржановского следует признать, что они не лишены оригинальности в предлагаемых способах осмысления проблематики и постановки вопросов, однако развиваемая в них интерпретация информации является не физической, а онтологической, так как в основе ее содержания находятся не теоретические положения и данные физики, а метафизические спекуляции о способе существования информации и ее роли в организации реальности, использующие апелляции к физике в качестве инструмента легитимации собственных положений.

Список литературы

Витгенштейн Л. Философские работы. Часть I. М.: Гнозис, 1994. 612 с.

Яковлев В. А. Априоризм математики, физическая реальность и информация // Метафизика. 2020. № 1(35). С. 52–64.

Burgin M., Mikkilineni R. Is Information Physical and Does It Have Mass? // Information. 2022. Vol. 13. № 11. P. 1–10.

Kirschenmann P. P. Science and Its Metaphysical Interpretations // Studies in Soviet Thought. 1971. Vol. 11. № 3. P. 186–195.

Krzanowski R. An Inquiry Concerning the Persistence of Physical Information // Philosophies. 2023. Vol. 8. № 2. P. 1–11.

Krzanowski R. What is Physical Information? // Philosophies. 2020a. Vol. 5. № 2. P. 1–19.

Krzanowski R. Why Can Information Not Be Defined as Being Purely Epistemic? // Philosophical Problems in Science. 2020b. № 68. P. 37–62.

Landauer R. Information is a Physical Entity // Physica A: Statistical Mechanics and Its Applications. 1999. Vol. 263. № 1–4. P. 63–67.

Lenski W. Information: A Conceptual Investigation // Information. 2010. Vol. 1. № 2. P. 74–118.

Lombardi O., Holik F., Vanni L. A Pluralist View about Information // Philosophy of Science. 2014. Vol. 82. № 5. P. 1248–1259.

Mścisławski Ł. Is Information Ontological or Physical, or Is It Perhaps Something Else? Some Remarks on Krzanowski's Approach to the Concept of Information // Philosophical Problems in Science. 2022. № 73. P. 147–169.

Sequoiah-Grayson S. The Metaphilosophy of Information // Minds & Machines. 2007. Vol. 17. № 3. P. 331–344.

Stonier T. Information as a Basic Property of the Universe // Biosystems. 1996. Vol. 38. № 2–3. P. 135–140.

References

Burgin M., Mikkilineni R. Is Information Physical and Does It Have Mass? // Information. 2022. Vol. 13. No. 11. P.1–10.

Kirschenmann P. P. Science and Its Metaphysical Interpretations // Studies in Soviet Thought. 1971. Vol. 11. No. 3. P. 186–195.

Krzanowski R. An Inquiry Concerning the Persistence of Physical Information // Philosophies. 2023. Vol. 8. No. 2. P. 1–11.

Krzanowski R. What is Physical Information? // Philosophies. 2020a. Vol. 5. No. 2. P. 1–19.

Krzanowski R. Why Can Information Not Be Defined as Being Purely Epistemic? // Philosophical Problems in Science. 2020b. No. 68. P. 37–62.

Landauer R. Information is a Physical Entity // Physica A: Statistical Mechanics and its Applications. 1999. Vol. 263. No. 1–4. P. 63–67.

Lenski W. Information: A Conceptual Investigation // Information. 2010. Vol. 1. No. 2. P. 74–118.

Lombardi O., Holik F., Vanni L. A Pluralist View about Information // Philosophy of Science. 2014. Vol. 82. No. 5. P. 1248–1259.

Mścisławski Ł. Is Information Ontological or Physical, or Is It Perhaps Something Else? Some Remarks on Krzanowski's Approach to the Concept of Information // Philosophical Problems in Science. 2022. No. 73. P. 147–169.

Sequoiah-Grayson S. The Metaphilosophy of Information // Minds & Machines. 2007. Vol. 17. No. 3. P. 331–344.

Stonier T. Information as a Basic Property of the Universe // Biosystems. 1996. Vol. 38. No. 2–3. P. 135–140.

Wittgenstein L. Philosophical Works. Vol. I. M.: Gnozis, 1994. (in Russian).

Yakovlev V. A. Apriory Mathematics, Physical Reality and Information // Metafizika. 2020. No. 1(35). P. 52–64. (in Russian).

Информация об авторах

Думов Александр Витальевич, магистрант,
философский факультет, Государственный академический университет гуманитарных наук

Алексеева Екатерина Алексеевна, кандидат философских наук
доцент кафедры эпистемологии и логики, философский факультет, Государственный академический университет гуманитарных наук

Information about the Authors

Dumov Alexander Vitalievich, graduate student,
faculty of philosophy, State Academic University for Humanities (Moscow, Russia)

Alekseeva Ekaterina Alekseevna, Candidate of Sciences (Philosophy),
Associate Professor, Department of Epistemology and Logic, Faculty of Philosophy,
State Academic University for Humanities (Moscow, Russia)

Статья поступила в редколлегию 05.09.2023;
одобрена после рецензирования 11.10.2023; принята к публикации 14.11.2023

The article was submitted 05.09.2023;
approved after reviewing 11.10.2023; accepted for publication 14.11.2023

Научная статья

УДК 167/168+001
DOI 10.25205/2541-7517-2023-3-121-143

К истории обсуждения противостояния ламаркизма и менделизма в нашей стране (новосибирский Академгородок, научно-методологические семинары и социальная ангажированность знания)*

Анна Юрьевна Сторожук

Институт философии и права СО РАН
Новосибирск, Россия
stor71@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-0893-6212

Аннотация

Цель данной статьи – обоснование авторского анализа противостояния научных взглядов с точки зрения социальной эпистемологии в контексте известного тезиса Э. Агасси «наука всегда социально ангажирована, но она не должна быть социально зависимой» на материале противостояния лысенковской интерпретации ламаркистской методологии взглядов Г. Спенсера и представителей отечественной школы классической менделевской генетики. Отличительная особенность Академгородка 1970-х – 1980-х годов – присутствие практически в каждом академическом институте ответственного за организацию профильного научно-методологического семинара, посвященного философско-методологическим проблемам развития конкретной области знания. Воспоминания участников этих семинаров и реконструкция обсуждавшихся тогда вопросов – богатый эмпирический материал, дающий возможность проверять современные концепции в области социальной антропологии, социальной эпистемологии и социологии науки. Возрождение генетики в нашей стране началось с момента основания Института цитологии и генетики СО АН СССР/СО РАН. Показано, что процесс развития противостояния ламаркизма и менделизма в 1930–1960-е годы начинается от стадии отрицания тезисов идейных противников до возникновения сопутствующих междисциплинарных исследований. При этом особая роль отводится конкретизации методологической функции философии и тем формам ее реализации, которые сами заинтересованные ученые – участники научно-методологических семинаров – скорее, склонны связывать с «содержательными», а не с «социологическими» аспектами описания ситуации.

Ключевые слова

история новосибирского Академгородка, социальная эпистемология, история генетики, противостояние ламаркизма и менделизма

* Статья представляет собой расширенную версию доклада, прочитанного на Пленарном заседании Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной XXX-летию профессионального философского образования в НГУ «Наука. Философия. Университет» (Новосибирск, НГУ, 11–14 мая 2023).

© Сторожук А. Ю., 2023

Благодарности

Автор выражает сердечную благодарность за беседы и консультации при подготовке статьи нашим учителям и старшим коллегам доктору философских наук Александру Леонидовичу Симанову, доктору философских наук Василию Павловичу Горану, доктору биологических наук Олегу Васильевичу Трапезову, доктору химических наук Юрию Исаевичу Наберухину.

Для цитирования

Сторожук А. Ю. К истории обсуждения противостояния ламаркизма и менделизма в нашей стране (новосибирский Академгородок, научно-методологические семинары и социальная ангажированность знания) // Сибирский философский журнал. 2023. Т. 21. № 3. С. 121-143. 10.25205/2541-7517-2023-3-121-143

On the discussion of the confrontation between Lamarckism and Mendelism in Russia (Novosibirsk Academgorodok, methodological seminars and social embedding of knowledge)

Anna Y. Storozhuk

Institute of Philosophy and Law SB RAS
Novosibirsk, Russia

stor71@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-0893-6212

Abstract

The article aims at providing grounds for the analysis of the confrontation of scientific views in the context of E. Agassi's famous thesis: "science is always socially engaged, but it should not be socially dependent". This socio-epistemological analysis focuses on the clash between Lysenko's interpretation of the Lamarckian methodology of H. Spencer's views and representatives of the Russian school of classical Mendelian genetics. A distinctive feature of Akademgorodok in the 1970s-1980s was that almost every academic institute had a person responsible for organizing a specialized scientific-methodological seminar on philosophical and methodological problems of a particular field of knowledge. Recollections of the participants of these seminars and reconstruction of the issues discussed at that time are rich empirical material, providing an opportunity to test modern conceptions in the field of social anthropology, social epistemology, and sociology of science. The revival of genetics in our country began with the founding of the Institute of Cytology and Genetics of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences/SB RAS. It is shown that this confrontation between Lamarckism and Mendelism in 1930s-1960s develops from the denial of the theses of the ideological opponents to the emergence of accompanying interdisciplinary research. At the same time, a special role is given to the specification of the methodological function of philosophy and to those forms of its realization that scientists personally participating in scientific-methodological seminars, were more inclined to associate with "substantive" rather than "sociological" aspects of the description of the situation.

Keywords

history of the Novosibirsk Akademgorodok, social epistemology, history of genetics, dispute between Lamarckism and Mendelism

Acknowledgements

The author expresses her deep gratitude for the conversations and consultations during the preparation of the article to our beloved teachers and senior colleagues Aleksandr Simanov, Vasily Goran, Oleg Trapezov and Yuri Naberukhin

For citation

Storozhuk A.Yu. On the discussion of the confrontation between Lamarckism and Mendelism in Russia (Novosibirsk Academgorodok, methodological seminars and social embedding of knowledge) // *Siberian Journalof Philosophy*, 2023, vol. 21, no. 3, pp. 121–143. DOI 10.25205/2541-7517-2023-3-121-143

В свое время Эвандро Агасси выдвинул тезис о том, что «наука всегда социально ангажирована, но она не должна быть социально зависимой» (см., например: [Agazzi, 2014], русский перевод: [Агацци, 2017]). История новосибирского Академгородка, как и история любого крупного научного центра, полна примеров, обращаясь к которым можно без труда проинтерпретировать этот тезис. Неизменным будет то, что за всеми этими примерами будут стоять люди, их судьбы, социально-политические контексты и нелегкая борьба за лидерство в науке. Отличительная особенность Академгородка 1970–1980-х годов – присутствие практически в каждом академическом институте ответственного за организацию профильного научно-методологического семинара, посвященного философско-методологическим проблемам развития конкретной области знания. Такие семинары были организованы по всей стране, известно, что в Новосибирском научном центре семинары проводились примерно с 1963 по 1986 гг.[1] В этом смысле воспоминания участников этих семинаров и реконструкция обсуждавшихся тогда вопросов – это богатый эмпирический материал, дающий возможность анализировать сегодняшние концепции в области социальной антропологии, социальной эпистемологии и социологии науки. Предмет нашего исследования – попытка ответить на вопрос, почему именно в Новосибирском научном центре через поколения ученых сохранилась во времени та интеллектуальная традиция, которая позволила с момента образования Академгородка приступить к возрождению классической менделевской генетики в нашей стране. В качестве отправной временной точки мы рассматриваем противостояние представителей менделевской генетики и выразителей идей так называемой «мичуринской агробиологии», наиболее одиозным из которых был Трофим Лысенко. Основой сложившегося непримиримого противостояния была дискуссия о механизме наследственности, которая началась еще в XIX веке[2]. Сторонникам ламаркистской методологии, изложенной Гербертом Спенсером в двухтомнике «Основания биологии» [Спенсер, 1870], полагавшим, что формирование наследования признаков организма дикту-

[1] См., например: Абросенко С.К. Роль философских (методологических) семинаров в укреплении связи философии с частными науками: дисс. ... канд. филос. наук: 09.00.01. 1984, или Боряз В.Н. Принципы союза философии и частных наук и их реализация в научно-организационных формах (на опыте деятельности методологических семинаров за годы Советской власти): дисс. ... д-ра филос. наук: 09.00.01. 1982.

[2] Как отмечает Олег Васильевич Трапезов (личная переписка), при всей несхожести, а в некоторых случаях принципиальной несовместимости гипотез о механизме наследственности их объединяла одна существенная черта – стремление найти материальные основы наследственности. Прежде всего, это умозрительные гипотезы об «идиоплазме» – выдвигавшиеся в 1860-х годах мюнхенским ботаником Карлом Негели. Негели полагал, что передача наследственных свойств осуществляется мицеллами (молекулами кристаллической формы), совокупность которых представлена заключенной в половых клетках идиоплазмой. Герберт Спенсер, формируя по сути механо-ламаркистскую «временную гипотезу пангенезиса», рассуждает об особых «физиологических единицах», которые содержатся как в соматических, так и в зародышевых клетках и претерпевают изменения под воздействием внешней среды. Чарльз Дарвин формирует представление о крупинках-геммулах – особых саморазмножающихся корпускулах наследственного вещества, которые, отделяясь всеми клетками организма, образуют его наследственную основу, концентрируясь в репродуктивных органах, подвергаясь изменениям под воздействием среды. И только Грегор Мендель, проводя свои знаменитые эксперименты, сформулировал законы наследственности, которые гласят, что любой признак определяется двумя факторами, которые Мендель назвал *elementen*, – задатки, зачатки.

ется условиями среды, импонировала книга Т.Д. Лысенко «Агробиология» [Лысенко, 1948], представляющая собой грубую антитезу к данным экспериментальной генетики, которые демонстрировали, что наследственность детерминируется генотипом родительской пары и не зависит от средового воздействия и «воспитания». И здесь нам следует вернуться к тому времени, когда ситуация в биологической науке в нашей стране требовала ее обсуждения на научно-методологических семинарах, в частности, в институтах биологического профиля Академгородка.

Во-первых, на Августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 г. классическая менделевская генетика была представлена как лженаука и разгромлена[3]. Требовалось воссоздать научную школу, занимающуюся фундаментальными проблемами наследственности. И основанный в 1957 г. Новосибирский Институт цитологии и генетики (ИЦиГ) стал первым в стране институтом классической менделевской генетики, организованным после Августовской сессии. Более того, ИЦиГ был создан по инициативе основателя Академгородка – Михаила Алексеевича Лаврентьева, супруга которого Вера Евгеньевна была дочерью профессора Колумбийского университета Веры Михайловны Данчаковой, которую в научном мире называют «матерью стволовых клеток» (*mother of stem cells*), подчеркивая тем самым, что она стояла у истоков изучения стволовых клеток и внесла значительный вклад в развитие данного направления исследований[4]. Лаврентьев был в курсе проблем современной биологии и стремился привлечь в Академгородок тех, кто занимается самыми передовыми исследованиями. Можно смело утверждать, что именно с основания Института цитологии и генетики СО АН СССР / СО РАН началось возрождение генетики в нашей стране[5].

Во-вторых, руководителем Программы проведения научно-методологических семинаров в институтах Сибирского отделения в течение многих лет был

---

[3] По словам известного специалиста по истории и философии генетики академика Ивана Тимофеевича Фролова, Августовская сессия ВАСХНИЛ 1948 года была подобна Философской дискуссии 1947 года, когда «философия, как наука была, по существу, разгромлена так же, как затем и генетика» [Фролов, 2002, с. 10].

См.: «Августовская сессия ВАСХНИЛ (1948)». *Википедия – Свободная энциклопедия*. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/ Августовская_сессия_ВАСХНИЛ_(1948) (дата обращения: 1.08.2023); «Философская дискуссия 1947 года». Википедия – *Свободная энциклопедия*. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/ Философская_дискуссия_1947_года (дата обращения: 1.08.2023).

[4] См.: Данчакова, Вера Михайловна. Википедия – Свободная энциклопедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/ Данчакова, Вера Михайловна (дата обращения: 1.08.2023).

[5] Как отмечает Олег Васильевич Трапезов (личная переписка), инициативу организовать Институт цитологии и генетики в Академгородке поддержали видные академики: И.В. Курчатов, Н.Н. Семенов, П.Л. Капица, В.А. Энгельгардт. М.А. Лаврентьев в своих мемуарах впоследствии писал: «Институт цитологии и генетики прошел на первом этапе трудный путь развития. При этом огромная роль в сохранении и дальнейшем развитии Института (после отъезда первого директора Н.П. Дубинина) принадлежала академику Д.К. Беляеву». Не удивительно, поскольку сохранение Института потребовало от М.А. Лаврентьева непосредственно держать ответ перед главой государства. Известно, что Никита Сергеевич Хрущев несколько раз посещал Академгородок, и вопрос о закрытии ИЦиГ висел в воздухе. Лаврентьев нашел компромиссное решение: первого директора Института Н.П. Дубинина вернут в Москву, а директором ИЦиГ поставят Д.К. Беляева, известного специалиста по генетике пушных зверей. Позже Лаврентьев неоднократно говорил, что «при умном высшем руководителе надо объяснять суть проблемы, а руководителю с узким кругозором следует просто указать на народохозяйственное значение, – и тем самым спасти дело. Страна получает на меховых аукционах необходимую валюту, и ИЦиГ трогать неразумно» (см., например: [Шумный, 2002; Шумный и др., 2012]).

директор ИЦиГ – академик Дмитрий Константинович Беляев. Более того, секретарем Программы был тогда научный сотрудник отдела философии Объединенного Института истории, филологии и философии СО АН СССР, а впоследствии один из основателей и главный редактор журнала «Философия науки» (издается СО РАН с 1995 г.) – Александр Леонидович Симанов, организовавший после распада СССР и прекращения работы научно-методологических семинаров специализированный открытый междисциплинарный семинар по философии науки при Институте философии и права (ИФПР) СО РАН, долгие годы продолжавший активно поддерживать контакты с участниками семинаров по всему Сибирскому отделению от Омска до Якутска. Нельзя сказать, что за прошедшие сорок лет вся информация о семинарах сохранилась, многое утеряно безвозвратно. Однако фигура и наследие Д.К. Беляева, а также активность А.Л. Симанова и других членов редакции журнала «Философия науки» и участников междисциплинарного семинара по сохранению традиции и продолжению семинаров (пусть уже и не в таком масштабе, как раньше), – все это предоставляет достаточно материала, по крайней мере для предварительного анализа феномена научно-методологических семинаров в русле самых разнообразных проектов социального анализа науки и производства научного знания.

В-третьих, противостояние сторонников Лысенко и представителей менделевской генетики с точки зрения социальной эпистемологии является классической конфликтной ситуацией, когда в дискуссии о природе наследственности возникла подмена научного спора заказной идеологией (противостояние вышло далеко за рамки научного спора о природе наследственности и во многом носило именно заказной политический характер), что определило характер научных исследований в нашей стране на долгие годы.

В-четвертых, не стоит забывать, что в то время важность поднимаемых вопросов была связана с необходимостью решать стоявшую перед руководством страны острую проблему периодически повторяющихся в 1930-х годах «волнах» голода. Это трагический пример истории науки, когда необходимость «накормить страну» привлекала пристальное внимание к биологии со стороны партийного руководства. Философские научно-методологические семинары, проходившие в Институте цитологии и генетики СО АН СССР, позволяют сегодня в анализе соотношения науки и общества системно проанализировать социальную детерминированность не только производства и функционирования знания, но и его содержания[6].

[6] Как отмечает Олег Васильевич Трапезов (личная переписка), Беляев, вспоминая то время, видел объяснение происходящему «не только в бесконечных обещаниях Лысенко в корне изменить состояние сельского хозяйства страны, увеличив его продуктивность в неправдоподобно короткие сроки. Причина была в другом, – организатором беспрецедентного разгрома биологической науки он считал не Лысенко, – тот был инструментом, а непосредственно Иосиф Виссарионович». Есть все основания полагать, что Сталин был «ламаркистом», т. е. сторонником концепции наследования в формообразовательном процессе благоприобретенных признаков. Например, именно эту идеологию Сталин проводит в своей ранней философской работе «Анархизм или социализм» (см., например: [Сталин, 1946]), где он отдает предпочтение ламаркизму перед дарвиновской теорией. Естественно, возникает вопрос: почему такое предпочтение? Следует указать (примечание О.В. Трапезова), что в каких-то моментах истории неудовлетворенность дарвиновской основой теории селекции действительно могла подтолкнуть к поиску свидетельств в пользу ламарковского механизма наследственности. Примером

Ниже мы кратко остановимся на истории организации научно-методологических семинаров в Академгородке. Затем рассмотрим смысл фанатичных убеждений сторонников ламаркизма в противовес данным экспериментальной менделевской генетики, а также оценим с точки зрения социальной эпистемологии доводы противостоящих сторон. При этом особая роль будет отведена конкретизации методологической функции философии и тем формам ее реализации, которые сами заинтересованные ученые – участники научно-методологических семинаров, скорее, склонны связывать с «содержательными», а не с «социологическими» аспектами описания ситуации.

Философско-методологические семинары в новосибирском Академгородке

В 1970 г. из Москвы в Академгородок был направлен заведующий кафедрой философии МФТИ, доктор философских наук, член-корреспондент АН СССР Геннадий Александрович Свечников, в задачу которого, кроме прочего, входила организация научно-методологических семинаров, как «объективно необходимой эффективно-организационной формой развития и укрепления союза марксистско-ленинской философии и частных наук». Именно Г.А. Свечников начал формировать в Академгородке философскую команду, приглашая в философскую аспирантуру талантливую молодежь со всей страны. В частности, побывав в Педагогическом институте (ныне подразделение ВятГУ) города Киров (Вятка), Г.А. Свечников познакомился с будущим сотрудником отдела философии ОИИФФ и секретарем Программы научно-методологических семинаров А.Л. Симановым, тогдашним студентом. Александр Леонидович вспоминал, как Г.А. Свечников устроил ему настоящий экзамен, особенно дотошно интересуясь пониманием квантовой механики. Экзамен был с честью выдержан, и А.Л. Симанов получил приглашение Г.А. Свечникова приехать в Академгородок к нему в аспирантуру. Точно так же Г.А. Свечников пригласил к себе в отдел Василия Павловича Горана – будущего основателя фундаментальной историко-философской школы Академгородка, который до этого обучался у другого известного классика отечественной философии науки – Михаила Васильевича Мостепаненко в Ленинградском университете. Аналогичным образом в Академгородок попал Валентин Никонович Карпович – впоследствии неизменный руководитель отдела философии ИФПР, закончивший философский факультет Московского государственного университета по кафедре логики. Естественно, тогдашние аспиранты и молодые ученые привлекались к участию в философско-методологических се-

---

тому и служат события 1930-х годов. Тогда в ходе разрушительной коллективизации в стране исчезли прекрасные районированные сорта пшеницы (знаменитые «крымки» и «кубанки»). Отсутствие созданных за долгие десятилетия селекции сортов, адаптированных к конкретным районам страны, привело к неурожаям и, как следствие, к массовому голоду. И вот здесь-то ламаркизм, опирающийся на постулат о наследовании благоприобретенных признаков, полученных через воздействие среды и «воспитание», обещал решить создание новых сортов взамен утраченных в ходе коллективизации не за годы человеческой жизни, а в течение одного-двух сезонов вегетации. Поддержанные лично Сталиным сторонники Лысенко находились во власти ламарковского наследования благоприобретенных через «воспитание» признаков, и именно эта теория, примененная в практике сельского хозяйства, способствовала неурожаям и голоду того трагического времени.

минарах, точно так же, например, как и к работе на кафедре философии и научного коммунизма НГУ, которой Г.А. Свечников руководил до 1974 года. Не удивительно, что большинство из тех, кого Г.А. Свечников вовлек в философскую науку, впоследствии составили основу профессорско-преподавательского состава будущего философского факультета НГУ, открытого в 1993 году.

Естественно, Г.А. Свечников не только организовал философское сообщество Академгородка, возглавив и отдел философии ОИИФФ, и кафедру философии и научного коммунизма НГУ, он также курировал работу научно-методологических семинаров, а также выпуск соответствующих сборников философско-методологических работ участников этих семинаров. См., например, «Современный детерминизм и наука» (Новосибирск, 1972). Многие из состава первой редколлегии журнала «Философии науки» – Л.М. Барков, В.П. Горан, В.С. Диев, Ю.Л. Ершов, В.Н. Карпович, В.В. Корухов, Ю.И. Наберухин, В.Е. Накоряков, Б.И. Пещевицкий, А.Л. Симанов, О.В. Трапезов, В.В. Целищев, О.В. Шарыпов, В.К. Шумный – были активными участниками семинаров. После ухода Г.А. Свечникова[7] соруководителями программы научно-методологических семинаров стали Алексей Тимофеевич Москаленко, занимавшийся проблематикой интеграции наук и комплексных исследований (см., напр.: [Москаленко, 1979; 1983]), и Дмитрий Константинович Беляев, обсуждавший на семинарах вопрос соотношения предопределенности и влияния окружающей среды (см.: [Беляев, 1981б; 1981в]). Помимо вопросов индивидуального развития особи, Д.К. Беляева также интересовали проблемы социальных отношений, тема альтруизма и эгоизма, доброжелательности и агрессии [Беляев, 1976].

Представления сторонников неоламаркизма как антитеза классической менделевской генетики

В 1809 г. Жан Батист Ламарк опубликовал трактат «Философия зоологии», где изложил основные идеи концепции эволюции через наследование в ряду поколений благоприобретенных в течение жизни признаков. Ламарк начинает свое рассмотрение эволюционной теории с процессов деградации живых организмов: «можно считать установленным фактом, что при обзоре живой лестницы в направлении, обратном тому, в каком происходило образование живых тел в природе, в группах, составляющих животную лестницу, наблюдается неослабевающая, но неправильная деградация животной организации; наблюдается все большее и большее упрощение последней и, вместе с тем, пропорциональное сокращение числа способностей, свойственных животным» [Ламарк, 1933, с. 175]. Упрощение организмов в ходе эволюции происходит «неправильным» неопределенным образом, Ламарк ищет причину этой неправильности и находит ее в разнообразии условий обитания: «Теперешнее состояние животных есть, с одной стороны, результат нарастающей сложности организации – сложности, стремящейся к пра-

[7] Геннадий Александрович умер 26 января 1974 года. См.: Свечников, Геннадий Александрович. Википедия – Свободная энциклопедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/ Свечников,_ Геннадий_ Александрович (дата обращения: 1.08.2023); Свечников Геннадий Александрович. Сайт Отделения ГПНТБ СО РАН в Новосибирском академгородке. URL: http://www.prometeus.nsc.ru/elibrary/2007pers/498-499.ssi (дата обращения: 1.08.2023).

вильной градации, а с другой – след влияния весьма многочисленных и крайне разнообразных внешних обстоятельств, постоянно стремившихся нарушить правильный ход градации в развитии организации» [Там же, с. 176]. Так появляется идея о влиянии внешних обстоятельств на форму и строение животных, причем Ламарк оговаривает, что эта идея, понятая буквально, ведет к ошибке, так как под влиянием самых разных обстоятельств строение существующих животных не меняется. Но резкие перемены в окружающей среде могут привести к появлению у организмов новых потребностей, а с ними формируются новые привычки: «Новые длительные условия жизни какой-нибудь природы животных, сообщившие этим последним новые привычки и значит побудившие их к новым действиям, обращающимся в привычку, приведут к тому, что данные животные будут пользоваться одной своей частью тела более, чем другой, и в известных случаях, перестанут вовсе употреблять какую-нибудь часть, сделавшеюся бесполезной» [Там же, с. 177]. Далее нужная часть упражняется и усиливается, ненужная ослабевает и отстает в своем развитии. Ламарк полагает, что размножение особей, находящихся в неблагоприятных условиях, сохраняет приобретенные изменения и в конце концов приводит к появлению новой породы[8].

Сторонники Лысенко в попытке на практике доказать правоту ламарковского утверждения об унаследовании благоприобретенных в течение жизни признаков спекулировали на результатах работы талантливого селекционера Ивана Владимировича Мичурина (см., например: [Мичурин, 1950]), невежественно подавая свое учение как «мичуринскую агробиологию». Однако работа И.В. Мичурина по созданию зимостойких сортов фруктовых деревьев – это не иллюстрация «ламарковского унаследования благоприобретенных признаков», а иллюстрация действия естественного отбора, который благодаря существующей в любой популяции изменчивости к воздействию низких температур может приводить к отбору более устойчивых к низкой температуре форм. Этим и пользовался И.В. Мичурин, применяя хорошо известный в селекционной практике прием под названием «селекция на провокационном фоне». Другой селекционный при-

[8] Хорошо известно высказывание Чарльза Дарвина: «Да хранит меня небо от ламарковских глупостей вроде стремления к прогрессу». Как отмечает Олег Васильевич Трапезов (личная переписка), в механизме эволюции по представлению Ламарка изменчивость отсутствует – она Ламарком не рассматривалась, поскольку прогресс идет за счет унаследования возникших в течение жизни признаков. При этом механизм эволюции по Дарвину требует обязательной изменчивости – наследственной изменчивости, поскольку отбор отбирает нужные варианты из de novo возникших признаков. Именно поэтому первые две главы «Происхождения видов путем естественного отбора…» посвящены изменчивости (см.: [Darwin, 1975]). Именно Дарвин впервые обратил внимание на колоссальную внутривидовую изменчивость, с одной стороны, и на относительность границ между «разновидностью» и видом, с другой. В трактате «Естественный отбор», еще до написания главного произведения – «Происхождение видов», Дарвин уже сформулировал свои воззрения на изменчивость и её эволюционную роль: «Я не сомневаюсь, что большая изменчивость существует в дикой природе» [Ibid, p. 164, 299]. Именно по этой причине «Происхождение видов» у Дарвина начинается не с картины потрясающего видообразования на примере галапагосских вьюрков, а с разбора в первой главе потрясающей изменчивости, вскрытой при одомашнивании диких видов и во второй главе с описания изменчивости видов в дикой природе (всего в книге 15 глав). Он в полную силу развивает эту тему дальше во второй главной своей книге «Изменения домашних животных и культурных растений»: «Хотя человек не вызывает изменчивость и даже не может предотвратить ее, он может отбирать, сохранять и накоплять изменения, которые дает ему природа, почти во всех направлениях, в каком он пожелает» [Дарвин, 1951, с. 101].

ем по скрещиванию между собой районированных сортов из разных климатических регионов приводил к увеличению комбинативной изменчивости у полученных в первом поколении гибридов, среди которых уже в местных климатических условиях выбирались формы, оптимально адаптированные к конкретной климатической зоне. Такие же эффекты на размер и вкус плодов фруктовых деревьев, как и на устойчивость к низким температурам, были получены в 1930–1940-е годы на Новосибирской плодово-ягодной опытной станции и Самаркандской плодовой станции талантливым селекционером Валентиной Нестеровной Васильевой при скрещивании зимостойкой формы сибирской ягодной яблони и среднеазиатской крупноплодной яблони (см.: [Васильева, 1991]).

С тем же самым эффектом столкнулся Т.Д. Лысенко, работая с горохом по признаку раннеспелости и позднеспелости (одни и те же сорта проявляли себя как ранние на Украине, но как поздние в Азербайджане), но вот его обещание руководству страны создать за два года вегетации высокоурожайные сорта за счет ламарковского унаследования благоприобретенных признаков и «воспитания», – было нереальным[9]. Эмпирически мы знаем, что выведение сорта требует не менее 10 лет напряженной селекционной работы, когда семенной материал следует провести через обязательное сортоиспытание на опытных участках, расположенных в разных климатических зонах, с оценкой хозяйственно-полезных признаков

[9] Как пишет сам Т.Д. Лысенко: «В организме нет конкретно заданных признаков, но в организме нет и произвольного изменения формы. Озимость, яровость, зимостойкость, большая или малая кустистость, остистость, окраска и т. д. не заданы в наследственном основании, а являются результатом развития наследственного основания в тех или иных условиях внешней среды, участвующих в самом формировании конкретных признаков организма. Но в то же время внешние условия не вольны направлять развитие в любом направлении, не вольны поворачивать его вспять, не вольны отменить требования данным наследственным основанием тех или иных условий развития любого своего этапа. Индивидуальное развитие растительного организма идёт на основе биологических требований тех или иных стадий развития самого наследственного основания» [Лысенко, 1948, с. 13]. Однако, как отмечает рецензент, эта цитата из работ условно «позднего периода», и тут важно понимать, что взгляды Лысенко на теорию яровизации формировались постепенно. На этапе «работы с горохом», имея перед собой в общем вполне научную задачу и столкнувшись с сопротивлением среды, Лысенко посчитал, что проблема заключалась не в избранном научном методе, а в сопротивлении среды. Л. Грэхем пишет: «Во время своей работы в Азербайджане Лысенко столкнулся с практической проблемой: бобовые растения, используемые в качестве грубых кормов и в качестве зеленого удобрения, нуждались в поливе для своего роста. В Азербайджане выпадает незначительное количество осадков, необходимое для получения урожая различных культур, а потому здесь используют ирригацию. Однако вся вода, особенно летом, используется для выращивания основной культуры этого района – хлопка… Лысенко решил выращивать устойчивые к зимним условиям сорта бобовых. Выбирая раннесозревающие сорта и засевая их глубокой осенью, он надеялся, что растения достигнут зрелости до наступления холодов… Процесс роста семян [по мнению Лысенко] в непривычных условиях стал "замедленным", а потому растения либо вообще не достигали степени зрелости, либо достигали ее очень поздно» [Грэхем, 1991, с. 106–107]. Учитывая прикладной характер работы Лысенко и, скорее всего, недостаток у последнего серьезной марксистско-ленинской подготовки в «ранний период», собственно становление условной «парадигмы яровизации», скорее всего, было бы не мыслимо без Исаака Презента – известного соратника Лысенко. Ученики Лысенко (а на каком-то историческом этапе их было много) помогали собирать базу знаний об экспериментах по яровизации с мест. Но этим сырым данным требовалось определенное строгое научное оформление. скорее всего именно человек с университетским образованием и хорошей марксистской подготовкой в том числе и занимался подбором соответствующих отсылок и цитат к трудам Ламарка, Спенсера и других авторов. См.: Презент, Исаак Израилевич. Википедия – Свободная энциклопедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/ Презент, _Исаак_Израилевич (дата обращения: 1.08.2023)

(урожайности, засухоустойчивости, зимостойкости). Здесь необходимо иметь в виду, что в ходе практической работы селекционер сталкивается с изменчивостью, которая подразделяется на наследственную, или *генотипическую*, и ненаследственную, иными словами – *модификационную*[10]. Различие между ними сводится к тому, что первой предшествуют необратимые изменения в геноме любого живого организма замены или вставки-выпадения пар нуклеотидов в ДНК, но и так называемые геномные мутации, т.е. изменение числа хромосом, включая сюда полиплоидизацию, которая происходит вследствие нарушения работы белков митотического веретена (см., например: [Лобашев, 1967]). Модификационная изменчивость ни в коей мере не связана с генетическими изменениями – это фенотипический ответ генотипа на воздействие условий среды – температурных сезонных колебаний, периодически повторяющихся засух[11].

Возрождение генетики в нашей стране, начавшееся с создания в новосибирском Академгородке Института цитологии и генетики, неизбежно потребовало осмысления происходившего, оно стало основной темой межинститутских философско-методологических семинаров, проходивших под руководством Дмитрия Константиновича Беляева. Проблема взаимоотношения «генотип-сре-

[10]Как отмечает Олег Васильевич Трапезов (личная переписка), первое научное описание влияния средовых условий на фенотипические проявления признака провел Карл Не́гели, который и предложил для этого термин – модификация (см.: [Naegeli, 1865]). К такому же заключению, практически в то же время и независимо, пришел Чарльз Дарвин. Мы можем прочитать это в его второй главной книге о приручennых животных и возделываемых растениях, где он так рассуждает о причинах изменчивости: «Всякого рода перемены в условиях существования, даже чрезвычайно легкие, часто бывают достаточны, чтобы обусловить изменчивость… Некоторые изменения являются следствием прямого действия условий среды на весь организм или только на некоторые части его, а другие изменения обусловливаются через нарушение воспроизводительной системы» [Дарвин, 1951, с. 95]. Стоит помнить, что, обращаясь к проблемам изменчивости, мы говорим не только об изменчивости в воспроизведении, но и в изменчивости в процессе реализации генетической информации (см., например: [Инге-Вечтомов, 2005]).

[11] Не стоит забывать, что мы говорим о науке соответствующего периода и о том, что само по себе противостояние в тот момент не было продиктовано исключительно политическими причинами. Обсуждение теоретических и экспериментальных исследований селекционных и эволюционных процессов носило чрезвычайно острый, дискуссионный характер не только у нас в стране. Академик И.Т. Фролов, описывая собственно научную постановку вопроса, отмечает: «Подобные споры уже имели место в Англии в 70–80 годы XIX столетия, время, когда против дарвиновского учения о происхождении видов путем отбора выступал современник Дарвина английский философ Герберт Спенсер – сторонник ламарковского наследования благоприобретенных признаков» [Фролов, 2002, с. 105]. Так, в свое время Николай Иванович Вавилов, находясь на стажировке в Англии у Уильяма Бэтсона, вспоминал, как в 1914 году ему «пришлось быть в Лондоне на одном из вечеров в знаменитом Королевском институте, где оппоненты Бэтсона, биометрики Карл Пирсон и Уолтер Уэлдон, демонстрировали пятнистых собачек и их потомство, выявлявших сложную картину расщепления, пытаясь при этом высмеять учение Менделя и его последователей» [Вавилов, 1935, с. 75]. Как отмечает Олег Васильевич Трапезов (личная переписка), Уэлдон и Пирсон были уверены, что эволюция идет посредством отбора, действующего на непрерывных вариациях. Бэтсон же, как и двоюродный брат Дарвина – Френсис Гальтон, изучая наследственную изменчивость, был убежден, что эволюционное (а стало быть, и селекционное значение) имеет дискретная, или прерывистая изменчивость. Автор теории нейтральной эволюции японский генетик Муамаро Кимура напишет: «Ярое неприятие менделизма биометриками во главе с Пирсоном и Уэлдоном привело к тому, что Уэлдон бросил все свои силы на опровержение менделизма и в поисках исключений из его законов пересмотрел множество огромных томов заводских племенных книг породистых лошадей, подорвал свое здоровье и умер молодым» [Kimura, 1985, p. 18].

да» до сегодняшнего дня затрагивает мировоззренческие философские аспекты вроде «что влияет на наследование признаков – только врожденные или приобретенные в онтогенезе качества или взаимоотношение тех и других?». На экспериментальной базе ИЦиГ начинается эксперимент века – воспроизведение исторического процесса доместикации, который Д.К. Беляев начинал еще до переезда в Академгородок в эстонском звероводческом хозяйстве «Кохила» [Беляев, 1981а; 1983]. Признаком для отбора служило поведение животных, различающихся по поведению. Отбирались особи с ручным поведением. Другой класс составляли лисицы, агрессивно относящиеся к человеку. «Чтобы проверить, чем обусловлена разница в поведении животных, генами или внешней средой, ученые решили провести сложный эксперимент: исследователи решили подсадить бластоцисты (эмбрионы на самых ранних стадиях развития) из матки одомашненной матери (донора) в матку беременной агрессивной лисицы (реципиенту), и наоборот. Когда у агрессивной матери-реципиента появился первый смешанный помет и щенки достигли возраста, когда они могут покинуть гнездо и самостоятельно передвигаться по клетке, приехал Беляев. Его очень интересовали лисята с генетически разными поведенческими характеристиками, рожденные и выращенные одной и той же матерью. Беляев остановился у клетки, в которой жили те и другие лисята, и долго наблюдал за их поведением». Людмила Николаевна Трут вспоминает: «Это действительно была удивительная картина! Жаль, что тогда у ученых не было видеокамер, и они не могли запечатлеть этот исторический момент. Первыми вылезли цветные щенки – родные дети агрессивной матери. Они еще не могли толком и ходить, но сразу стали огрызаться и сторониться людей. Вслед за ними появились приемные черненькие лисята, которые выросли из эмбрионов, пересаженных от ручной матери. Они жалобно скулили, виляли хвостиками и шли прямо к человеку! Разница в поведении была разительной... Беляев просто глаз оторвать от них не мог. А потом сказал: “Какие же еще нужны доказательства, что осуществляется генетическая трансформация поведения вида *Vulpes vulpes* (лисы) в поведение *Canis familiaris* (собаки)!”» [Трут, 2007, с. 62]. Так была экспериментально доказана генетическая обусловленность доместикационного и агрессивного поведения.

В рамках философско-методологических семинаров Д.К. Беляев поставил вопрос о расширении полученных результатов на общество: «Изменение центральной системы нейрогормональной регуляции автоматически влекло за собой резкое изменение признаков и функций, стабилизированных в предшествующей эволюции. В этом смысле отбор по свойствам и функциям мозга в процессе эволюции человека вызывал такую же широкую изменчивость, так же сильно повышал темп формообразования, как это имеет место в процессе доместикации животных» [Захаров, Гербек, Трапезов, 2012, с. 333]. Помимо биологических, для исследования людей использовались и психологические методы изучения: «Основным методом исследования поведения человека является использование опросников, один из которых был разработан для оценки склонностей игнорировать свои собственные потребности и удовлетворять чужие, т. е. по сути дела, для оценки степени альтруизма» [Там же]. Было показано, что люди, более альтруистичные, генетически отличались от эгоистичных. Д.К. Беляев подчеркивал

двунаправленность вектора отбора на социально значимые качества в процессе антропогенеза: «Хотя обычно эгоист в выигрыше, но в определенные моменты истории человечества, такие как периоды тяжелых голодовок, гуманизм приобретал адаптивное значение» [Там же, с. 332]. Как мы видим, со временем менделевская генетика как научная теория не только победила, обозначив новый передний край в дискурсе о наследственности, по и продемонстрировала свою продуктивность, в частности, и в области наук о растениях, и в области наук о животных. Можно сказать, что после Менделя в биологии утвердился новый стиль мышления, оказавший громадное влияние не только на весь комплекс биологических наук, но и научного мировоззрения в целом, когда любое новое явление не считается полноценным, если ему (явлению) не дано генетическое обоснование.

Наука социально ангажированная, но не социально зависимая

Чем может быть оправдано повышенное внимание к истории противостояния сторонников «мичуринской агробиологии» Т.Д. Лысенко и классической менделевской генетики со стороны социальной эпистемологии и социально-философского анализа проблемы соотношения науки и общества? Тому есть несколько причин. Во-первых, и те, и другие «предложили единую нарративную структуру, чтобы внутри неё писать интерналистскую или философскую историю науки» [Rouse, 1987, p. 43], что удобно для выстраивания материала в хронологическом порядке. Более того, в рамках социальной эпистемологии мы можем равноправно рассматривать как истинные, так и ложные представления: «Социология знания должна быть беспристрастной в отношении истины и лжи, рационального и иррационального, достижений и провалов. Обе стороны данных дихотомий будут требовать объяснения. Форма ее объяснений должна быть симметричной. Одни и те же типы причин будут объяснять, например, и истинные и ложные представления» [Блур, 2002, с. 5]. Это тоже важно, так как одна из рассматриваемых концепций содержала идеи, признанные в настоящее время ложными, но на этапе конфликта у руководства страны не было достаточных оснований для того, чтобы однозначно выбрать теорию, которая победит впоследствии[12].

[12] Лысенко не зря опирался на работы Ламарка, написанные еще в восемнадцатом веке. Как пишет известный специалист по истории и философии генетики академик Иван Тимофеевич Фролов: «Было время, когда против дарвиновского учения о происхождении видов путем отбора выступал современник Дарвина английский философ Герберт Спенсер – сторонник ламарковского наследования благоприобретенных признаков. Это объясняется общей ламаркистской методологией взглядов Спенсера и тезисов “мичуринской” биологии в лысенковской интерпретации. Тот, кто возьмет на себя труд изучить “Основания биологии Г. Спенсера”, будет поражен совпадением ключевых формулировок с тезисами, выдвигавшимися в “Агробиологии” Лысенко в качестве “нового слова в биологии”» [Фролов, 1981, с. 35]. Как отмечает Олег Васильевич Трапезов (личная переписка), следует иметь в виду, что в свое время датский физиолог профессор Института физиологии растений Копенгагенского университета, член шведской Академии наук Вильгельм Людвиг Иогансен также вначале не признавал материальность гена: «В настоящий момент мы используем термин “ген” как бы вроде счетной единицы. Не имеется никаких оснований рассматривать ген как морфологическое образование в смысле “геммул” Дарвина и других спекулятивно-морфологических понятий других авторов» [Иогансен, 1933, с. 8]. И американский эмбриолог Томас Хант Морган, в последующем основатель хромосомной теории наследственности, вначале также отрицал экспериментальные выводы Г. Менделя: «Мендель не говорит, что элементы, схождение и расхождение которых он постулирует, являются материальны-

Во-вторых, одна из рассматриваемых концепций оказалась впоследствии ложной, однако в свое время она вызывала одобрение у государственной политической элиты, – это предмет особого интереса социальной эпистемологии. Аргументы, которыми обменивались стороны, выходят за принятые рамки академических дискуссий, когда «идейные» противники порой не останавливаются перед выбором средств[13]. К сожалению, объем и общая направленность нашего исследования не дают нам возможности погрузиться здесь в соответствующий социально-философский анализ собственно «идейно-политического». Это предмет дальнейших исследований[14].

В-третьих, носителями идеологии и с той и с другой стороны являлись сами исследователи и научные коллективы, то есть сложно организованные социальные структуры. И мы знаем, что социальная эпистемология делает акцент на исследовании социальных практик в терминах их воздействия на процесс приобретения знаний (см., например: [Goldman, 1999]). Как отмечает Э. Агасси: «культурно-историческая детерминированность научного знания и исторический анализ его развития явно включают социологическую компоненту, поскольку “история” понимается не только как отсылка на конкретные события в прошлом, но как указание на весь контекст жизни и деятельности человека во все времена. Следовательно, возражения могут вызывать не социологические соображения сами по себе, а возможные последствия привлечения таких соображений. Обычно их вызывает “абсолютизация” социологического подхода, пытающаяся свести к нему все формы изучения науки с соответствующим сведением всех аспектов науки к социальным факторам. Влияние общества на развитие науки неизбежно, но мы должны отличать последствия применения социологического подхода на когнитивном и на практическом уровнях, а также учесть отношения между индивидуальным

ми частицами. Насколько мы знаем, наоборот, добрый аббат скорее мог иметь в виду нечто духовное или чудесное» [Морган, 1937, с. 190]. И все же последующая экспериментальная работа исследовательской группы Моргана на *Drosophila melanogaster* в попытке опровергнуть выводы работы Менделя привела к тому, что Морган подтвердили его правоту – материальной основой наследственности являются хромосомы, в которых в линейном порядке располагаются гены [Morgan et al., 1915]. В итоге было показано, что менделевские закономерности справедливы не только для дрозофилы, но и для других видов животных и растений. В философском и мировоззренческом плане произошел переход от идеалистического восприятия гена к материальному. В 1970 г. в издательстве Чикагского университета вышла книга У. Провайна «Теоретические основы популяционной генетики», где в разделе «Дарвиновский отбор: полемика 1900–1918 гг.» излагается противостояние сторонников учения Менделя и его критиков [Provine, 1970].

[13]В качестве примера здесь можно привести то, как события в биологической науке нашей страны спекулятивно интерпретировались отдельными зарубежными авторами с явным политическим подтекстом об отрицательной корреляции между биологическими науками и внутриполитическим устройством (см., например: [Joravsky, 1961]). Работавший в Московском государственном университете участник одной из первых программ обмена учёными между США и СССР Лорен Грэхем, специализировавшийся по истории советской и российской науки, также написал книгу, отдельный моменты которой отличаются не меньшей политизированной предвзятостью к описываемым событиям (см.: [Грэхем, 1991]).

[14]В этой работе мы интерпретируем «политическое» исключительно в терминах, описывающих противостояние «групп ученых». Индивидуальное поведение (амбиции, стремление исключить конкурентов и монополизировать область исследования и др. – черты, которые можно часто отметить, анализируя конфликты в академической среде) также является важным аспектом описания «социального».

и коллективным вкладами в рост науки» [Агацци, 2017, с. 593]. В этом смысле, возвращаясь к основному предмету нашего исследования – формированию в сибирской науке интеллектуальных традиций, прежде всего, мы хотели бы предложить свою рациональную реконструкцию развития противостояния двух школ, значимым элементом которой будут именно «содержательные», а не только «социологические» аспекты.

Современная социальная эпистемология не является монолитной наукой, обеспеченной единой методологией исследования, – это скорее пространство выбора различных социально-философских подходов для анализа соответствующих классов явлений. Исходный пункт нашего рассуждения – становление сибирской науки, – в первую очередь нам важно то, как те или иные «научные конфронтации» отразились на том, чем занимаются ученые в Академгородке сейчас. Соответственно, нам важно отразить *историческое* развитие противостояния генетиков-менделистов с лысенковцами. И как результат применения условного исторического подхода к социально-философскому анализу непримиримого противостояния, мы готовы выделить основные этапы, которые, на наш взгляд, полностью отражают не только то, с какой остротой как протекало противостояние, но и то, как соответствующие содержательные идеи возникали, проверялись и закреплялись в научном сообществе.

Первая стадия – это труды отдельных ученых: Жана Батиста Ламарка с одной стороны и экспериментальная работа немецкого теоретика эволюционного учения Августа Вейсмана «О наследственности» (1883) с другой. А. Вейсман отрубал у экспериментальных лабораторных грызунов хвосты в течение 22 поколений и никакой разницы по длине хвоста в ряду поколений не обнаружил. На этой стадии были заложены основы взглядов на наследственность со стороны каждого направления. Долгое время их идеи не находили последователей, и потому первая стадия может быть рассмотрена с точки зрения классической эпистемологии, поскольку в «истории эпистемологии доминировала индивидуалистическая составляющая человеческого познания» [Kitcher, 1994, p. 112].

Вторая стадия – формирование научных школ, которые придерживались базовых принципов обозначенных подходов. «Социальное, – пишет У. Алстон, – входит в эпистемологию во множестве обличий. И прежде всего вводит различные социальные содержания (*social subject matters*). Вместо того чтобы иметь в виду эпистемолога, обращающегося к тому, во что верят (*belief*), и к индивидуальным когнитивным объектам, как это обычно было в данной дисциплине, социальная эпистемология может изучать то, что мы (члены определенной социальной группы) знаем или во что верим. Или она может рассматривать знание, “собранное” или “воплощенное” в определенных институциях, дисциплинах или организациях. Следовательно, имеются социально установленные (передаваемые, санкционированные) процедуры и методы, которые направлены на приобретение знания или рациональные (подтвержденные) верования, и в результате имеет место эпистемический импорт» [Alston, 1994, p. 29]. Эта стадия в принципе укладывается в описание нормальной науки, сделанной Томасом Куном, то есть происходит разработка и уточнение непонятных моментов. Но есть моменты, которые выходят

за рамки куновской парадигмы, это – практические нужды страны, что определяет прикладную направленность исследований обеих школ.

Данная стадия реализовалась как развитие парадигмы и на уровне теории, и на эмпирическом уровне. Например, приверженцы принципа «мичуринской биологии» рассматривая данные по влиянию климата на сроки созревания растений, обосновали свое толкование в виде представлений о стадийном развитии растений, объяснявшего «большую пластичность» сортов культурных растений, когда один и тот же сорт гороха в климате Украины проявлял себя как ранний, а в климате Азербайджана как среднеспелый. Многие сорта пшеницы, озимые при выращивании в Сибири, проявили себя как яровые при посеве в Казахстане. К началу тридцатых годов в нашей стране были выполнены важные теоретические открытия, и отечественная генетическая школа вышла на передовые позиции в мире. В частности, в 1922 г. Н.И. Вавилов сформулировал закон гомологических рядов о параллелизме в изменчивости родственных групп растений (см.: [Вавилов, 1935]). Закон Вавилова также применим и к популяциям животных. Яркой иллюстрацией этому послужило в свое время методическое руководство по генетике и селекции пушных зверей клеточного разведения, позволяющее прогнозировать существование у них еще не зафиксированных возможных окрасочных форм мехового покрова. В 1925 г. микробиологи Г.А. Надсон и Г.С. Филиппов обнаружили трансмутирующее влияние радиоактивного излучения у низших грибов. В 1927 г. Герман Джезеф Мёллер продемонстрировал мутагенный эффект рентгеновских лучей в экспериментах с дрозофилой. В 1926 г. С.С. Четвериков заложил основы популяционной генетики, устранив противоречие между генетикой и дарвинизмом, дал толчок созданию эволюционной генетики (см.: [Четвериков, 1926]). Н.К. Кольцов выдвинул идею матричного синтеза, предположив, что в *основе каждой хромосомы лежит последовательность органических молекул – генов*. В 1929–30 гг. А.С. Серебровский и Н.П. Дубинин впервые продемонстрировали сложную природу организации гена и развили представления о структуре гена и возможной делимость генов (см.: [Дубинин, Хвостова, 1935]). В 1934 г. Н.П. Дубинин и Б.Н. Сидоров открыли влияние эффекта положения гена (см.: [Дубинин, Сидоров, 1934]). Н.И. Вавилов собрал большой коллекционный материал разных сортов культурных и диких растений, который в дальнейшем стал основой селекции (коллекция семян ВИР)[15]. Многие из видных ученых и их учеников участвовали в дальнейшем в организации и проведении исследований в Академгородке.

Третья стадия – противостояние исследовательских программ, которые расходятся в понимании принципиального вопроса: механизма наследования. Содержательно данная проблема не выходит за рамки научной дискуссии относительно степени экспрессии генов, но социально-политический накал ему придала острая проблема угрозы голода. Генетики проводили конгрессы, организовывали экспедиции в разные страны, но проблема голода в СССР в 1929–1934 гг., послевоенный голод 1946–1947 гг. требовали принятия безотлагательных мер. Поэтому противоречие между концепциями стало решаться политическими методами, по-

[15] См.: Коллекция семян растений ВИР. Википедия – Свободная энциклопедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/ Коллекция_семян_растений_ВИР (дата обращения: 1.08.2023)

скольку основные положения механизма эволюции Жана Батиста Ламарка в интерпретации «выходца из народа» Лысенко были понятнее государственной политической элите той поры, чем генетическая теория. Ориентация на скорейшее решение проблем сельского хозяйства была крайне востребована руководством страны. Эта стадия требует анализа с точки зрения социальной эпистемологии, поскольку фаза противоборства двух концепций практически не освещена у Томаса Куна.

Сложно сказать, можно ли описать анализируемое противостояние как столкновение исследовательских программ. Ламаркизм – это не научная школа, – это эволюционное представление, сформированное Жаном Батистом Ламарком в его трактате «Философия зоологии», в то время как генетика – это наука о наследственности и изменчивости. Острая стадия противостояния началась в 1930-е гг. с привлечением идеологической пропаганды (см., например: [Презент, 1932])[16]. Лысенко обещал через разные ухищрения в агротехнических приемах (яровизация озимых, летние посадки картофеля и т.д.) в кратчайшие сроки вывести новые сорта и накормить страну. С 1933 г. Лысенко, Презент и другие сторонники ламаркизма начали нападки на генетику, а после назначения Лысенко на пост председателя ВАСХНИЛ в 1938 г. начались политические преследования[17]. Через двадцать

[16]Как отмечает рецензент, соглашаясь с тезисом автора о столкновении «исследовательских программ» в широком смысле этого слова, также следует указать на то, что указанное «столкновение парадигм» не ограничивается перемещениями вниз-вверх по научной или властной лестницам иерархий, даже если рассматривать аспект столкновения программ через сугубо политическую призму. Социология науки, в первую очередь, Т. Кун, С. Фуллер и другие авторы уделяли значительное внимание дискурсивной борьбе, которая не могла осуществляться без откровенной пропаганды своих идей. Поддержка власти во многих эпизодах столкновений, безусловно, оказывалась решающей, но не менее важным (а может быть, и более) являлась стратегия распространения своих убеждений. Здесь можно вспомнить борьбу при помощи контроля за научными журналами, публикациями в ключевых газетах («Правда», «Известия», «Труд» и др.), а также производство или переписывание учебников по биологии. К примеру, в 1931 году учреждается новый журнал, которые называется «Бюллетень яровизации». В 1935 году этот журнал обретёт простое название «Яровизация», а с 1946 года – «Агробиология», что, конечно, явно отражает амбиции, подкрепленные статусом позиции Лысенко.

[17]Не стоит забывать, что советская власть проявляла пристальный интерес к социальному происхождению человека. Как пишет Л. Грэхем, «серьезные ученые во многих случаях получили образование за границей, и все они в то же время были представителями класса, попавшего в начале 30-х годов под подозрение… В противоположность этим ученым выходец из крестьянской семьи Лысенко рассматривался советскими бюрократами как драгоценная находка» [Грэхем, 1991, с. 115]. Идея влияния внешней среды на растения была созвучна идеи коммунистического воспитания. Практическая направленность работ Лысенко соответствовала марксистскому критерию истинности: практика – критерий истины. Идеи Ламарка, на которые опирался Лысенко, в то время были *более близкими идеологии коммунистической партии*, чем идеи классической менделевской генетики. Скорее всего, в начале 1930-х годов любые представления о сложной генетической структуре (стабильных генах) могли восприниматься либо как старорежимные (церковные) представления о неизменной природе человека, либо вовсе как симпатии к другим, крайне непопулярным идеям, поскольку стремление быть теоретиком вокруг проблем генетики и наследственности (и в отрыве от практики) можно было трактовать как подозрительный интерес к евгенике. Основатель генетики Грегор Мендель – монах, что в годы советской власти однозначно было не лучшей рекомендацией. В то же время, как отмечает Олег Васильевич Трапезов (личная переписка), фраза «Основатель генетики – монах» при знакомстве с данной статьей может увести неподготовленного читателя в упрощение темы. Атака на Менделя ставила и, поразительно, до сих пор время от времени ставит конкретную цель – создать легенду об удачливом дилетанте-монахе, которому «просто случайно» посчастливилось стать отцом генетики. На самом деле все совершенно не так. У Менделя была очень серьезная подготовка. В 1851–1853 го-

лет Председатель СО АН СССР академик М.А. Лаврентьев по-академически отведет намерение Н.С. Хрущева «переформатировать» Институт цитологии и генетики, переключив внимание генерального секретаря на необходимость создания в стране отрасли клеточного пушного звероводства как источника поступления в государственную казну конвертируемой валюты, и тем самым прикроет ИЦиГ от порывистого волюнтаристского решения. Примечательно, что уже в первые годы работы Института цитологии и генетики сотрудники показывали свои достижения, которые очевидно свидетельствовали о плодотворности принятой исследовательской программы, одним из которых было выведение новых пород пушных зверей, востребованных рынком.

Четвертая стадия – возникновение сопутствующих междисциплинарных исследований, выход рассмотрения за рамки научных коллективов и привлечение философской рефлексии для разрешения споров. Этот момент был хорошо понятен советским философам. Как отмечает А.Л. Симанов: «Методологическая функция философии выражает способность исходных философских принципов служить общим методом исследования. Она реализуется через научную картину мира в нормативно-регулятивной, конструктивной и прогностической формах. При этом на разных уровнях научного познания происходит ее конкретизация и дифференциация (в том числе в зависимости от области знания), что непосредственно является принципиальным основанием для возникновения междисциплинарных и комплексных исследований, которые впоследствии могут указывать на совершенно новые области исследования» [Симанов, 1986, с. 40]. На этой стадии результаты, полученные в рамках научных экспериментов, в том числе могут применяться для описания человеческого сообщества. Обсуждается степень обусловленности психологических особенностей индивидов с одной стороны, социальной средой, с другой стороны, генетически. Показано, что оба фактора важны и что воспитание и социальное окружение не дают детерминированного результата, так как важна также генетическая составляющая, обусловливающая разнообразие индивидов. Однако социальные науки не имеют соответствующего понятийного аппарата, чтобы принять эти результаты и корректировать общественные теории, изначально нацеленные на идею равенства. Идея исследовать генетику поведения послужила научной программой для последующих поколений ученых, которые, комбинируя физиологические исследования и психологические методы, исследовали генетику человека (см., например: [Беляев, 1982а; 1982б]).

дах он учился на факультете естественной истории Венского университета, где, в частности, слушал лекции Христиана Доплера (австрийского физика, открывателя эффекта, названного его именем) и Франца Ёзефа Унгера (австрийского ботаника, одного из первых в мире цитологов). А еще до того как он постригся в монахи, в 1840–1843 годах, он изучал практическую и теоретическую философию в Оломоуцком университете (в настоящее время Университет Палацкого – старейший университет в Моравии и второй по времени создания в Чехии). См.: Мендель, Грегор Иоганн. *Википедия – Свободная энциклопедия*. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/ Мендель,_Грегор_Иоганн (дата обращения: 1.08.2023). Более того, исторически единица наследственности «ген» в 1930-е годы действительно могла быть «по-настоящему идеалистическим» понятием, – в те годы не был даже точно известен фактор наследственности. Открытие Джеймсом Уотсоном и Фрэнсисом Криком структуры двойной спирали дезоксирибонуклеиновой кислоты (ДНК) произошло только в 1953 г.

В заключение хотелось бы отметить существенный момент: если мы обращаемся к подобному «историческому анализу», то идейное противостояние проходит определенные этапы и эволюционирует от наиболее острой стадии отрицания идей противника к диалогу, в рамках которого перепроверяются заново тезисы противоположной стороны и анализируется применимость положений собственной концепции [18]. В итоге формируется более общая концепция, в рамках которой разрешается первоначальное противоречие. Общий вывод заключается в том, что наибольшую выраженность традиция имеет среди непосредственных участников исторических событий и их учеников. В дальнейшем интеллектуальная традиция теряет свою силу и чистоту, вмешиваясь с новыми открытиями и поглощая их в себя. Некоторые новые факты служат иллюстрацией и дополнительным подтверждением отстаиваемых тезисов, другие факты являются спорными и подвергаются анализу и обсуждению. Итогом спора противостоящих традиций является уточнение области действия исходных базовых принципов.

Как показали исследования школы Д.К. Беляева, степень проявления признака реализуется во взаимоотношении «генотип – среда», при котором геном определяет границы и изменчивости определенных признаков, а средовые условия могут быть коллинеарными продуктам того гена, работа которого приводит к максимальной приспособленности организма к данным условиям. Впоследствии эти «генетические выводы» были распространены на исследование поведения в человеческом обществе с привлечением методов психологических и социальных наук. В то же время идеи генетической обусловленности альтруистичности социального поведения не получили широкого признания в рамках социальных наук. Возможно, потому, что они перекликаются с плохо зарекомендовавшей себя евгеникой. Вместе с тем, в отличие от последней, речь идет про выраженность альтруизма у разных людей в рамках одного человеческого общества. Широко проводимая кампания активной пропаганды глобализации предполагает идею «равенства» (именно в смысле агрессивно закрепляемых исключительно социально обусловленных представлений), что препятствует дальнейшему продвижению генетических идей о различиях в степени выраженности того или иного признака в те же социальные науки. В этом смысле, возможно, генетической науке следует немного подождать. Со временем та же самая динамика социального развития, например глобальная перестройка организации мирового сообщества на новых основаниях, может сделать социальные науки более восприимчивыми, и идея

[18] Представленное теоретико-стадийное деление, естественно, требует уточнений. Как отмечает рецензент, первые три стадии (формирование языка дискуссии, появление научных школ, столкновение парадигм) можно считать универсальным делением. Но четвертая стадия (условное, диалектическое отрицание отрицания и последующий синтез с появлением новых междисциплинарных направлений) по сути является *ad hoc* допущением. Оно не разъясняет более общий и проблемный институциональный контекст, связанный с генетикой. Проблема соотношения природы (наследственности в самом широком понимании) и среды (манипулируемых переменных) не переставала быть актуальной даже с учетом подрыва институциональных позиций Лысенко и его учеников. В этом смысле утверждать победу одной парадигмы над другой, да еще и в той конкретной социально-политической ситуации в СССР, апеллируя к конфликту между сторонниками программы Лысенко и Вавилова, скорее всего, преждевременно. И даже в позднесоветский период, когда обвинения в поддержке «морганистов-вейсманистов» стали эхом далекой дискуссии, влияние политической власти на развитие науки никто не отрицает.

разнообразия и уникальности каждого человеческого сообщества окажется более востребованной.

Список литературы

Агацци Э. Научная объективность и ее контексты. М.: Прогресс-Традиция, 2017.

Беляев Д. К. Проблемы биологии человека: генетические реальности и задачи синтеза социального и биологического // Природа. 1976. № 6. С. 26–30.

Беляев Д. К. Дестабилизирующий отбор как фактор доместикации // Генетика и благосостояние человечества. М.: Наука, 1981а. С. 53–66.

Беляев Д. К. О некоторых методологических проблемах биологии // Методологические и философские проблемы биологии. Новосибирск: Наука, 1981б. С. 10–20.

Беляев Д. К. Современная наука и проблемы исследования человека // Вопр. филос. 1981в. № 3. С. 3–16.

Беляев Д. К. Современная наука и проблемы исследования человека // Философия и современное естествознание / Сост. И.Т. Фролов. М.: Знание, 1982а. С. 36–69.

Беляев Д. К. Социальное и биологическое в человеке // Полит. самообразование. 1982б. № 2. С. 33–41.

Беляев Д. К. Дестабилизирующий отбор // Развитие эволюционной теории в СССР (1917–1970 годы) / Ред. С.Р. Микулинский, Ю.И. Полянский. Л.: Наука, 1983. С. 266–277.

Блур Д. Сильная программа в социологии знания // Логос. 2002. Т. 5/6. № 35. С. 1–24.

Вавилов Н. И. Закон гомологических рядов в наследственной изменчивости // Теоретические основы селекции растений / Под ред. Н.И. Вавилова. М.: Сельхозгиз, 1935. Т. 1: Общая селекция растений. С. 75–128.

Васильева В. Н. Яблоня в Сибири. Новосибирск: Наука, 1991.

Грэхэм Л. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе. М.: Политиздат, 1991.

Дарвин Ч. Изменения домашних животных и культурных растений // Дарвин Ч. Соч. в 9 т. М.: Изд-во АН СССР, 1951. Т. 4.

Дубинин Н. П., Сидоров Б. Н. Зависимость действия гена от его положения в системе // Биол. журнал. 1934. Т. 3. Вып. 2. С. 304–331.

Дубинин Н. П., Хвостова В. В. Механизм образования сложных хромосомных реорганизаций // Биол. журн. 1935. Т. 4. № 6. С. 935–975.

Захаров И. К., Гербек Ю. Э., Трапезов О. В. Дмитрий Константинович Беляев. Эволюция, сжатая во времени соизмеримо с человеческим веком // Вавиловский журн. генетики и селекции. 2012. Т. 16. № 2. С. 321–338.

Инге-Вечтомов С. Г. Роль генетических процессов в модификационной изменчивости // Онтогенез. 2005. Т. 36. № 4. С. 274–279.

Иогансен В. Л. Элементы точного учения об изменчивости и наследственности с основами биологической вариационной статистики. М.: Сельхозгиз, 1933

Ламарк Ж.-Б. Философия зоологии. М.: Гос. изд-во биол. и мед. лит., 1933.

Лобашев М. Е. Физиологическая генетика мутационного процесса // Исследования по генетике. Вып. 6. Л.: Изд-во ЛГУ, 1976. С. 3–14.

Лысенко Т. Д. Агробиология. Работы по вопросам генетики, селекции и семеноводства М.: Гос. изд-во сельскохоз. лит., 1948.

Мичурин И. В. Избранные сочинения. М.: Моск. рабочий, 1950.

Морган Т. Избранные работы по генетике. М.: Сельхозгиз, 1937.

Москаленко А. Т. Система и формы деятельности философских (методологических) семинаров в научных учреждениях Сибирского отделения АН СССР // Методологические проблемы современной науки. Новосибирск: Наука, 1979. С. 185–204.

Москаленко А. Т. Методологические проблемы комплексного программно-целевого исследования // Методологические проблемы комплексных исследований Новосибирск: Наука, 1983. С. 104–135.

Презент И. И. Классовая борьба на естественнонаучном фронте. Обработанная стенограмма доклада на Конференции педагогов-естественников г. Ленинграда. М.; Л.: Огиз-Учпедгиз, 1932.

Симанов А. Л. Методологическая функция философии и научная теория. Новосибирск: Наука, 1986.

Спенсер Г. Основания биологии [в 2 т.] / Под ред. Ал. Герда. СПб.: Изд-во Н.П. Полякова, 1870.

Сталин И. В. Анархизм или социализм? // Сталин И.В. Сочинения. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1946. Т. 1. С. 294–372.

Трут Л. Н. Эволюционный эксперимент // Наука из первых рук. 2007. Т. 14. № 2. С. 60–63.

Фролов И. Т. Жизнь и познание. О диалектике в современной биологии. М.: Мысль, 1981.

Фролов И. Т. Избранные труды [в 3 т.]. Т. 2: Философия и история генетики. М.: Наука, 2002.

Четвериков С. С. О некоторых моментах эволюционного процесса с точки зрения современной генетики // Журн. эксперим. биологии. Сер. А. 1926. Т. 2. Вып. 1. С. 3–54.

Шумный В. К. Сибирский оплот вейсманистов-морганистов // Дмитрий Константинович Беляев: Книга воспоминаний / Отв. ред. В. К. Шумный. Новосибирск: Изд-во СО РАН. Филиал «Гео», 2002. С. 199–212.

Шумный В. К., Захаров И. К., Кикнадзе И. И. и др. Генетика прирастает Сибирью. Первые два десятилетия Института цитологии и генетики СО АН СССР. Новосибирск: ИЦиГ СО РАН, 2012.

Agazzi E. Scientific Objectivity And Its Contexts. Springer, 2014.

Alston W. Belief Forming Practices and the Social // Socializing Epistemology: The Social Dimensions of Knowledge / Ed. by F. Schmitt. Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 1994. P. 29–52.

Darwin C. Natural Selection: Written from 1856 to 1858. Ed. by R. Stauffer. Cambridge University Press, 1975.

Goldman A. Knowledge in a Social World. Oxford University Press, 1999.

Joravsky D. Soviet Marxism and Natural Science (1917–1932). Columbia University Press, 1961.

Kimura M. The Role of Compensatory Neutral Mutations in Molecular Evolution // Journal of Genetics. 1985. Vol. 64. P. 7–19.

Kitcher P. Contrasting Conceptions of Social Epistemology // Socializing Epistemology: The Social Dimensions of Knowledge / Ed. by F. Schmitt. Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 1994. P. 111–134.

Morgan T., Sturtevant A., Muller H., Bridges C. The Mechanism of Mendelian Heredity. N.Y.: Henry Holt & Co., 1915.

Naegeli K. Uber den Einfluss ausserer Verhaltnisse auf die Varietatenbildung im Pflanzenreiche. S Franz in Komm., 1865.

Provine W. The Origin of Theoretical Population Genetics. Chicago University Press, 1970.

Rouse J. Knowledge and Power: Toward a Political Philosophy of Science. Ithaca: Cornell University Press, 1987.

References

Agazzi E. Scientific Objectivity and Its Contexts. Springer, 2014.

Agazzi E. Scientific Objectivity and Its Contexts. M.: Progress-Traditsiya, 2017. (in Russian)

AlstonW. BeliefForming Practices and the Social // Socializing Epistemology: The Social Dimensions of Knowledge / Ed. by F. Schmitt. Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 1994. P. 29–52.

Belyaev D. K. Problems of human biology: genetic realities and tasks of synthesis of social and biological // Nature. 1976. № 6. P. 26–30. (in Russian)

Belyaev D. K. Destabilizing selection as a factor of domestication // Genetics and the welfare of mankind. M.: Nauka, 1981a. P. 53–66. (in Russian)

Belyaev D. K. About some methodological problems of biology // Methodological and philosophical problems of biology. Novosibirsk: Nauka, 19816. P. 10–20. (in Russian)

Belyaev D. K. Contemporary science and problems in human research // Voprosy Filosofii. 1981в. № 3. P. 3–16. (in Russian)

Belyaev D. K. Contemporary science and problems in human research // Philosophy and Contemporary Science. Ed. by I. Frolov. M.: Znanie, 1982a. P. 39–69. (in Russian)

Belyaev D. K. Social and biological within human // Political Education. 19826. № 2. P. 33–41. (in Russian)

Belyaev D. K. Destabilizing selection // Development of evolutionary theory in the USSR (1917-1970) / Ed. by S.R. Mikulinsky, Yu.I. Polyansky. Leningrad: Nauka, 1983. P. 266–277. (in Russian)

Bloor D. A strong program in the sociology of knowledge // Logos. 2002. Vol. 5/6. № 35. P. 1–24. (in Russian)

Chetverikov S. S. On some aspects of the evolutionary process from the point of view of modern genetics // Journal of Experimental Biology. Part A. 1926. Vol. 2. P. 3–54. (in Russian)

Darwin C. The Variation of Animals and Plants Under Domestication / Charles Darwin. Selected Works [in 9 vols.]. M.: RAS Press, 1951. Vol. 4. (in Russian)

Darwin C. Natural Selection: Written from 1856 to 1858 / Ed. by R. Stauffer. Cambridge University Press, 1975.

Dubinin N. P., Sidorov B. N. Dependence of gene action on its position in the system // Biol. J. 1934. Vol. 3. № 2. P. 304–331. (in Russian)

Dubinin N. P., Khvostova V. V. The mechanism of formation of complex chromosomal reorganizations // Biol. J. 1935. Vol. 4. № 6. P. 935–975. (in Russian)

Frolov I. T. Life and knowledge. On dialectics in modern biology. M.: Mysl, 1981. (in Russian)

Frolov I. T. Selected works [in 3 vols.]. M.: Mysl, 1981. Vol. 2. Philosophy and History of Genetics. (in Russian)

Goldman A. Knowledge in a Social World. Oxford University Press, 1999.

Graham L. Science, Philosophy, and Human Behavior in the Soviet Union. M.: Politizdat, 1991. (in Russian)

Joravsky D. Soviet Marxism and Natural Science (1917–1932). Columbia University Press, 1961.

Inge-Vechtomov S. G. The role of genetic processes in modificational variability // Ontogenez. 2005. Vol. 36. № 4. P. 274–279. (in Russian)

Kimura M. The Role of Compensatory Neutral Mutations in Molecular Evolution // Journal of Genetics. 1985. Vol. 64. P. 7–19.

Kitcher P. Contrasting Conceptions of Social Epistemology // Socializing Epistemology: The Social Dimensions of Knowledge / Ed. by F. Schmitt. Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 1994. P. 111–134.

Lamarck J.-B. Philosophy of Zoology. M.: State Publishing House of Biological and Medical Literature, 1933. (in Russian)

Lobashev M. E. Physiological genetics of the mutation process // Research in Genetics. Issue 6. Leningrad State University, 1976. P. 3–14. (in Russian)

Lysenko T. D. Agrobiology. Works on genetics, breeding and seed production. Moscow: State Publishing House of Agricultural Literature, 1948. (in Russian)

Michurin I. V. Selected Works. M.: Moskovsky Rabochiy, 1950. (in Russian)

Morgan T., Sturtevant A., Muller H., Bridges C. The Mechanism of Mendelian Heredity. N.Y.: Henry Holt & Co., 1915.

Morgan T. Selected Works in Genetics. Moscow: State Publishing House of Agricultural Literature, 1937. (in Russian)

Moskalenko A. T. The System and forms of realization of philosophical (methodological) seminars in research organizations of Siberian Branch of USSR Academy of Sciences // Methodological problems of contemporary sciences. Novosibirsk: Nauka, 1979. P. 185–204. (in Russian)

Moskalenko A. T. Methodological problems of complex program-target research // Methodological problems of complex research. Novosibirsk: Nauka, 1983. P. 104–135. (in Russian)

Naegeli K. Uber den Einfluss ausserer Verhaltnisse auf die Varietatenbildung im Pflanzenreiche. S Franz in Komm., 1865.

Present I. I. Class struggle on the natural sciences front. Processed transcript of the report at the Conference of Natural Science Teachers in Leningrad. M.: Ogiz-Uchpedgiz, 1932. (in Russian)

Provine W. The Origin of Theoretical Population Genetics. Chicago University Press, 1970.

Rouse J. Knowledge and Power: Toward a Political Philosophy of Science. Ithaca: Cornell University Press, 1987.

Shumny V. K. Siberian stronghold of the Weismann-Morganists // Dmitry Konstantinovich Belyaev: Book of Memories / Ed. by Shumny V.K. Novosibirsk: SB RAS Publishing house, 2002. P. 199–212. (in Russian)

Shumny V. K., Zakharov I. K et al. Genetics accretes with Siberia. The first two decades of the Institute of Cytology and Genetics of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences. Novosibirsk: ICG SB RAS, 2012. (in Russian)

Simanov A. L. Methodological function of philosophy and scientific theory. Novosibirsk: Nauka, 1986. (in Russian)

Spencer H. Foundations of Biology [in 2 vols.]. Sankt-Petersburg: N.P. Polyakov, 1870. (in Russian)

Stalin I. V. Anarchism or socialism? // I. Stalin. Selected Works. M.: State Publishing House of Political Literature, 1946. Vol. 1. P. 294–372. (in Russian)

Trut L. N. Evolutionary experiment // Science from first hand. 2007. Vol. 14. № 2. P. 60–63. (in Russian)

Vasilyeva V. N. Apple trees in Siberia. Novosibirsk: Nauka, 1991. (in Russian)

Vavilov N. I. The law of homological series in hereditary variability // Theoretical foundations of plant breeding. Ed. by V.I. Vavilov. M.: State Publishing House of Agricultural Literature, 1935. Vol. 1. P. 75–128. (in Russian)

Yogansen V. L. Elements of the exact doctrine of variability and heredity with the basics of biological variation statistics. M.: State Publishing House of Agricultural Literature, 1933. (in Russian)

Zakharov I. K., Herbek Yu. E., Trapezov O. V. Dmitry Konstantinovich Belyaev. Evolution compressed in time commensurate with the human age // Vavilov Journal of Genetics and Breeding. 2012. Vol. 16. № 2. P. 321–338. (in Russian)

Информация об авторе

Сторожук Анна Юрьевна, доктор философских наук
ведущий научный сотрудник, Институт философии и права Сибирского отделения РАН

Information about the Author

Anna Storozhuk, Doctor of Sciences (Philosophy)
Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

Статья поступила в редколлегию 01.08.2023;
одобрена после рецензирования 20.10.2023; принята к публикации 14.11.2023
The article was submitted 01.08.2023;
approved after reviewing 20.10.2023; accepted for publication 14.11.2023

Правила представления, рецензирования и опубликования научных статей

I. Общая информация

1. «Сибирский философский журнал» (до 2016 г. «Вестник НГУ. Серия: Философия», свидетельство ПИ № ФС77-40146 от 04.06.2010, ISSN 1818-796X) публикует научные статьи и критические материалы с широкой философской и научной (социально-гуманитарной) тематикой, отражая интеллектуальное разнообразие позиций сообщества философов Новосибирского государственного университета и регионального отделения Российского философского общества, совмещающих интеллектуальную свободу и требовательность к обоснованности суждений, стремление к ясности и четкости мышления, рациональность аргументации.

2. Журнал зарегистрирован как средство массовой информации (свидетельство ПИ № ФС77-64829 от 02.02.2016). Подписной индекс в каталоге «Пресса России» – 11236. Журнал зарегистрирован в системе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) – договор № 548-09/2014 от 17.09.2014. Периодичность издания – 4 раза в год.

3. Основные разделы журнала: «Аналитическая философия, эпистемология и философия науки» («Онтология, гносеология, логика»), «Социальная философия», «История философии» и «Научная жизнь, рецензии, переводы». Рубрики соответствуют Номенклатуре научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени кандидата и доктора наук, по следующим отраслям науки:

5.7 – Философия;

4. Передавая рукопись статьи (произведение) в редколлегию журнала, автор тем самым предоставляет редакции следующие неисключительные права на использование произведения на весь срок действия авторского права, предусмотренного действующим законодательством РФ, следующими способами: обнародование, воспроизведение, распространение и перевод произведения; доведение до всеобщего сведения путем размещения в сети Интернет, в том числе право на публикацию статьи как в виде твердой копии (в журнале), так и в электронном виде (в том числе на платформе Научной электронной библиотеки eLibrary.ru). Территория использования статьи способами, предусмотренными выше, не ограничивается территорией Российской Федерации.

5. Осуществляется рецензирование всех поступающих в редакцию материалов с целью их экспертной оценки. Привлекаемые рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов и имеют в течение последних трех лет публикации по тематике рецензируемой статьи. Рецензии хранятся в редакции издания в течение пяти лет.

Все статьи проходят обязательное простое слепое (single-blinded) рецензирование. О принятом решении авторы извещаются по указанному ими адресу электронной почты. Редакция издания направляет авторам представленных ма-

териалов копии рецензий или мотивированный отказ, а также (при поступлении в редакцию издания соответствующего запроса) направляет копии рецензий в Министерство науки и высшего образования Российской Федерации.

6. Недопустимо представлять в редакцию ранее опубликованные работы, а также неоригинальные рукописи, скомпилированные из цитат или представляющие собой изложение ранее опубликованных работ, которые могут вызвать подозрение в нарушении научной этики.

Если статья возвращается автору для доработки, исправления или сокращения, то датой представления ее в журнал считается день получения редакцией окончательного текста.

Гонорар за публикуемые статьи, доклады, сообщения и рецензии не выплачивается. Не принятые к публикации материалы авторам не возвращаются.

7. Редакция оставляет за собой право редактировать, сокращать (по согласованию с автором) и адаптировать публикуемые материалы к рубрикам журнала. Обязательным условием публикации материалов является наличие УДК, отвечающего основным разделам журнала. Общий объем статей с главным (первым) индексом УДК, не относящимся к разделу 1 «Философия», не может превышать четверти объема каждого выпуска.

Публикации, значительно превышающие рекомендованный объем текста статьи (до 40 000 знаков с пробелами), допускаются к рассмотрению только по согласованию с редколлегией.

8. Статьи иностранных авторов, выполненные на иностранных языках, публикуются по согласованию с автором при наличии ключевых слов и аннотации на русском языке объемом до 3 000 знаков с пробелами.

9. Рукописи принимаются только в электронном виде.

10. Примерные сроки подачи рукописей в соответствующий номер: № 1 – до 15 декабря; № 2 – до 15 февраля; № 3 – до 1 июля; № 4 – до 1 сентября.

Адрес редакционной коллегии журнала
Новосибирский государственный университет,
Институт философии и права
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия
Тел.: (383) 363-42-38. E-mail: philos@vestnik.nsu.ru

II. Правила оформления текста рукописи

1. Подаваемая в редколлегию рукопись должна содержать информацию по каждому из обязательных пунктов, приведенных ниже. Оформление списков литературы должно отвечать настоящим правилам.

Рукописи принимаются только в виде файлов в формате .rtf

2. Обязательные пункты рукописи.

(а) УДК; название статьи на русском языке; ФИО автора (полностью); место работы (без сокращений); город, страна; e-mail; https://orcid.org/; аннотация на русском языке (до 150 слов); ключевые слова на русском языке (до 10 слов); раздел «Для цитирования».

(б) название статьи на английском языке; ФИО автора на английском языке; место работы (без сокращений), город, страна на английском языке; e-mail; ORCID; аннотация на английском языке (до 150 слов); ключевые слова на английском языке (до 10 слов); раздел «For citation».

(в) текст статьи (до 40 000 знаков с пробелами).

(г) Раздел «Список литературы» для русскоязычного читателя.

(д) Раздел «References» для иноязычного читателя.

(е) Раздел «Информация об авторе(ах)» (фамилия, имя, отчество, ученая степень, ученое звание, должность по указанному месту работы) на русском и на английском языках (Information about the author(s).

В случае необходимости также приводится раздел «Благодарности» / «Acknowledgements».

3. Название статьи, содержание аннотации и ключевые слова на английском языке проверяются редколлегией. За перевод на английский язык источников в разделе «References» редколлегия ответственности не несет.

4. Текст статьи оформляется следующим образом. Основной шрифт – Times New Roman. Размер шрифта – 14 пт. Междустрочный интервал – 1,5 строки. Масштаб шрифта – 100 %. Интервал шрифта – обычный. Смещение шрифта – нет. Поля стандартного листа А4 – все по 2 см. Абзацный отступ – 1,25 см. Авторы, оформляющие материалы в формате .docx (с последующей конвертацией в .rtf), должны выставить в настройках стандартные значения для абзацев: отступ слева – 0 см, отступ справа – 0 см. Интервал перед – 0 пт, интервал после – 0 пт.

Все страницы рукописи должны быть пронумерованы.

Если в статье используются нестандартные шрифты (греческий), то к тексту рукописи необходимо приложить файлы используемых шрифтов (.ttf). Передача шрифтов не должна нарушать лицензионную политику правообладателей.

В тексте статьи используется тире только одного вида – так называемое «короткое» тире (сочетание клавиш: CTRL + Num-). В качестве пунктуационного знака тире требует пробелов с обеих сторон, при обозначении интервала в цифрах используется тире без пробелов (2–3, 1920–1940 гг.; однако с поясняющими словами тире используется с пробелами: конец 1920 – начало 1921 г.).

5. Библиографические ссылки, библиографическое описание и списки литературы должны быть оформлены строго в соответствии с приведенными ниже правилами.

Ссылки на архивные документы и документы из сети Интернет оформляются только в виде сноски (текст сноски располагается внизу страницы), причем кроме URL обязательно указывается дата обращения к ресурсу и дата опубликования (если есть).

Не допускается указывать ссылки на документы в сети Интернет, если эти документы имеют стандартные библиографические идентификаторы для печатной продукции (статьи, монографии, grey/green papers и т. д.).

6. При подготовке иллюстративного материала следует учесть, что рисунки принимаются только в форматах .gif, .jpg, .tif, .cdr. Максимальное поле изображения 120 × 180 мм. Цветовая гамма изображений и таблиц (кроме исключительных случаев) должна отвечать требованиям черно-белой печати (белый фон, черные

или серые линии). Допускается создание таблиц и диаграмм в Word и Excel (обязательно приложить исходный файл в формате .xls).

Рисунки и таблицы в тексте должны иметь подписи на русском и на английском языках, размер шрифта подписи – 9 пт.

Библиографические ссылки внутри текста статьи оформляются в квадратных скобках: указывается фамилия автора, год издания, страницы (при прямом цитировании) [Horton et al., 2006, p. 427–428]. При указании на источник ссылка заключается в круглые скобки: (см., например: [Ролз, 1995]).

Подстрочные сноски нумеруются по порядку, начиная с цифры 1, например[1]. При оформлении ссылки на документы из сети Интернет обязательно указываются: автор, название материала, дата опубликования материала, официальное название ресурса, на котором размещен материал. Если сайт запрещен, указывается дата проверки нахождения сайта в реестре Роскомнадзора[2].

NB! В целях унификации оформления русскоязычных и иноязычных источников **разделы «Список литературы» и «References» оформляются в одном стиле**. Все источники оформляются по адаптированным правилам ГОСТ (см. ниже).

Решением редакционной коллегии с 2023 года **прекращена** практика дублирования англоязычного названия русскоязычного источника транслитерацией этого названия латинскими буквами. В списке «References» обязательная транслитерация сохраняется только для названий издательств. Для русскоязычных источников указывается (in Russian).

III. Образец оформления рукописи

УДК 101 + 378

Гуманитарные и социальные исследования в XXI веке

Иван Иванович Иванов

Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия
ivanov@mail.ru, https://orcid.org/xxxx-xxxx-xxxx-xxxx

Аннотация

Ключевые слова

Благодарности

Для цитирования
Humanitarian and Social Research in the 21st Century

[1] Здесь мы согласны с мнением В.Е. Петрова [2002, с. 111]. Подробный анализ самого подхода см. в статье [Rorty, 1979].

[2] См.: «Гринпис» (14 марта 2017). Русскоязычная энциклопедия фольклора и субкультур «Луркоморье». URL: https://lurkmore.to/Гринпис (дата обращения 01.02.2021). Сайт входит в единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в сети Интернет и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети Интернет, содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено (https://eais.rkn.gov.ru/) (дата проверки 07.02.2021).

Ivan I. Ivanov

Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation
ivanov@mail.ru, https://orcid.org/xxxx-xxxx-xxxx-xxxx

Abstract

Keywords

Acknowledgements

For citation

Основной текст статьи

Список литературы

Аристид. Апология Св. Аристида // Сочинения древних христианских апологетов: в 25 т. / Под ред. А.Г. Дунаева. СПб.: Алетейя, 1999. Т. 1. Афинские государственные деятели V в. до н. э. С. 290–336.

Целищев В. В. Рационалистический оптимизм и философия Курта Геделя // Вопросы философии. 2013. № 8. С. 12–23.

Lee J. Y. God Suffers for Us: A Systematic Inquiry into a Concept of Divine Passibility. Springer Netherlands, 1974. 323 p.

Sarot M. Patripassianism, Theopaschitism and the Suffering of God: Some Historical Considerations // Religious Studies. 1990. Vol. 26. № 2. P. 363–375.

References

Aristid. Apology of St. Aristides // Works of Ancient Christian Apologists (25 vols.) / A. G. Dunaev (Ed.). Saint Petersburg: Aleteia, 1999. Vol. 1. Athenian Statesmen of the 5th century BC. P. 290–336. (in Russian)

Lee J. Y. God Suffers for Us: A Systematic Inquiry into a Concept of Divine Passibility. Springer Netherlands, 1974. 323 p.

Sarot M. Patripassianism, Theopaschitism and the Suffering of God: Some Historical Considerations // Religious Studies. 1990. Vol. 26. No. 2. P. 363–375.

Tselishchev V. V. Rationalistical Optimism and the Philosophy of Kurt Godel // Voprosy filosofii. 2013. No. 8. P. 12–23. (in Russian)

Информация об авторе

Иванов Иван Иванович, кандидат философских наук, доцент,
научный сотрудник, Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук

Information about the Author

Ivan I. Ivanov, Candidate of Science (Philosophy), Docent
Researcher, Institute of Philosophy and Law of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences